

УПРАВЛЕНИЕ УСТОЙЧИВЫМ РАЗВИТИЕМ. 2021. №4 (35)

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Казанский национальный исследовательский технологический университет»

УПРАВЛЕНИЕ УСТОЙЧИВЫМ РАЗВИТИЕМ

2021 №4 (35)

июль-август

Основан в 2015 году

Казань

2021

УПРАВЛЕНИЕ УСТОЙЧИВЫМ РАЗВИТИЕМ
НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

2021 №4 (35) июль-август

Основан в 2015 году

Выходит шесть раз в год

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ №ФС77-62437 от 27 июля 2015 г.

Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, по научным специальностям и соответствующим им отраслям.

Журнал входит в Научную электронную библиотеку (участвует в программе по формированию РИНЦ), договор №269-05/2016 от 05.05.2016 г.

Подписной индекс 80142. Информация размещена в Объединенном каталоге «Пресса России».

Учредитель и издатель: федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Казанский национальный исследовательский технологический университет»

Адрес учредителя и издателя: 420015, г. Казань, ул. К. Маркса, д. 68, тел. 8(843) 231-42-00, office@kstu.ru

Адрес редакции: 420015, Российская Федерация, г. Казань, ул. К. Маркса, д. 68, ФГБОУ ВО «КНИТУ»,

Редакция журнала «Управление устойчивым развитием», тел. 8(843) 231-95-04, e-mail: development_knrtu@mail.ru.

Главный редактор: Р. И. Зинурова – д-р социол. наук, проф., КНИТУ

Заместители главного редактора: А. Р. Тузиков – д-р социол. наук, проф., КНИТУ,

П. Н. Осипов – д-р пед. наук, проф., КНИТУ

Редакционная коллегия:

Аксянова А. В. – д-р экон. наук, проф., КНИТУ
Алексеев С. А. – канд. социол. наук, доцент, КНИТУ
Ельшин Л. А. – д-р экон. наук, доцент, КНИТУ
Ивченков С. Г. – д-р социол. наук, проф., СГУ
Ильдарханова Ч. И. – д-р социол. наук, проф., АН РТ
Киселев С. В. – д-р экон. наук, проф., КНИТУ
Кондратьев В. В. – д-р пед. наук, проф., КНИТУ

Локосов В. В. – д-р социол. наук, проф., ИСЭПН РАН
Мингалеев Г. Ф. – д-р экон. наук, проф., КНИТУ-КАИ
Сафин Р.С. – д-р пед. наук, проф., КГАСУ
Сафиуллин А. Р. – д-р экон. наук, проф., К(П)ФУ
Сергеев С. А. – д-р полит. наук, проф., К(П)ФУ
Шагеева Ф. Т. – д-р пед. наук, проф., КНИТУ
Шинкевич А. И. – д-р экон. наук, проф., КНИТУ

Ответственный секретарь: Л. З.Фатхуллина

Editor-in-Chief: Zinurova R. I. – Dr. Sci. (Sociol.), Prof., KNRTU

Deputies of the editor-in-Chief: Tuzikov A. R. – Dr. Sci. (Sociol.), Prof., KNRTU

Osipov P. N. – Dr. Sci. (Pedag.), Prof., KNRTU

Editorial Board:

Axayanova A. V. – Dr. Sci. (Econ.), Prof., KNRTU
Alekseev S.A. – Cand. Sci. (Sociol.), KNRTU
Elshin L.A. – Dr. Sci. (Econ.), KNRTU
Ivchenkov S. G. – Dr. Sci. (Sociol.), Prof., SSU
Idarhanova Ch.I. – Dr. Sci. (Sociol.), Prof., TAS
Kiselev S.V. – Dr. Sci. (Econ.), Prof., KNRTU
Kondratyev V. V. – Dr. Sci. (Pedag.), Prof., KNRTU

Lokosov V. V. – Dr. Sci. (Sociol.), Prof., ISESP RAS
Mingaleev G. F. – Dr. Sci. (Econ.), Prof., KNRTU-KAI
Safin R.S. – Dr. Sci. (Pedag.), Prof., KSUAE
Safiullin A. R – Dr. Sci. (Econ.), Prof., KFU
Sergeev S. A. – Dr. Sci. (Polit.), Prof., KFU
Shageeva F. T. – Dr. Sci. (Pedag.), Prof., KNRTU
Shinkevich A. I. – Dr. Sci. (Econ.), Prof., KNRTU

Executive Secretary: L. Z. Fatkhullina

ISSN 2499-992X© Казанский национальный исследовательский технологический университет, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Ахметшина А. Р.</i> Оценка уровня функционирования институциональной среды устойчивого развития в России	5
<i>Ельшин Л. А., Хайруллин Д. А., Абдукаева А. А.</i> Эмпирическая оценка влияния блокчейн технологий на отраслевое развитие национальной экономики	11
<i>Козлов А. В., Тесля А. Б., Иващенко А. А.</i> Оценка уровня цифровизации регионов с применением нечеткой логики	21
<i>Коротина Н. Ю.</i> Системная методология в исследовании федеративных экономических отношений	32
<i>Крюкова И. В., Яковлева Е. Н.</i> Кластерное развитие сферы гостеприимства российских регионов на примере Вологодской области	41

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Зинурова Р. И.</i> Формирование «сетевое сознания» поколения Z в виртуальном пространстве	48
<i>Ильдарханова Ч. И., Гневашева В. А., Абдульязнов А. Р.</i> Поведенческая деструкция российской молодежи в контексте демографического самочувствия населения	54
<i>Кошелев А. А., Ивченкова М. С.</i> Файндрозинг как инструмент реализации социальных инициатив некоммерческих организаций молодежной сферы (на примере Саратовской области)	61
<i>Настявин И. М.</i> Идеи (идеологические тренды) индивидуализма и их отражение в сознании современной студенческой молодежи	67
<i>Никитина Т. Н., Фатхуллина Л. З.</i> Семейный бизнес как средство профессиональной мобильности молодежи	79
<i>Тузиков А. Р.</i> Форсированная «онлайнизация» высшего образования в России сквозь призму мнений студентов	89

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Бортникова Л. В., Лифанов А. Д., Блохин С. А.</i> Профессиональная подготовка специалистов сферы организации спортивного питания в технологических вузах	99
<i>Валеева Р. Д.</i> Перспективы онлайн образования после пандемии	104
<i>Маркинова Е. В.</i> Антикоррупционное образование студентов в инженерном вузе	108
<i>Романова Г. В.</i> Развитие мягких и предпринимательских навыков в инженерном образовании как необходимое условие успешной профессиональной деятельности	114

JOURNAL CONTENTS

ECONOMICS

<i>Akhmetshina A. R.</i> Assessment of the level of functioning of the institutional environment of sustainable development in Russia	5
<i>Elshin L. A., Khairullin D. A., Abdukaeva A. A.</i> Empirical assessment of the impact of blockchain technologies on the sectoral development of the national economy	11
<i>Kozlov A. V., Teslya A. B., Ivashchenko A. A.</i> Evaluation of digitalization level of regions with fuzzy logic appliance	21
<i>Korotina N.Yu.</i> System methodology for researching federative economic relations	32
<i>Kryukova I. V., Yakovleva E. N.</i> Innovations in the development of tourism in the russian regions on the example of Vologda region	41

SOCIOLOGY

<i>Zinurova R. I.</i> Formation of «network consciousness» of generation Z in virtual space	48
<i>Ildarhanova Ch. I., Gnevasheva V. A., Abdulzanov A. R.</i> Behavioral destruction of russian youth in the context of demographic well-being of population	54
<i>Koshelev A. A., Ivchenkova M. S.</i> Fundraising as a tool for implementing social initiatives of non-profit organizations of the youth sphere (on the example of the Saratov region)	61
<i>Nastyavin I. M.</i> Ideas (ideological trends) of individualism and their reflection in the modern student youth	67
<i>Nikitina T. N., Fatkhullina L. Z.</i> Family business as a means of professional mobility of youth	79
<i>Tuzikov A. R.</i> Forced «onlainization» of higher education in russia through the prism of students' opinions	89

PEDAGOGICS

<i>Bortnikova L. V., Lifanov A. D., Blohin S. A.</i> Professional training of specialists in the field of sports nutrition in technological universities	99
<i>Valeeva R. D.</i> How education went online due to the pandemic	104
<i>Markinova E.V.</i> Anticorruption education of students at an engineering university	108
<i>Romanova G. V.</i> Soft and entrepreneurial skills development in engineering education as a necessary condition for successful professional activity	114

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 338

А. Р. Ахметшина

ОЦЕНКА УРОВНЯ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ СРЕДЫ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ В РОССИИ

Ключевые слова: устойчивое развитие, «зеленая» экономика, Национальная технологическая инициатива, институты, рынок ЭкоНет, экология

В статье выявлены ключевые проблемы устойчивого развития, требующие действенных механизмов для решения. Проведен обзор теоретических вопросов по уточнению определения «устойчивого» развития, концепций, взаимосвязанных с ним. Особое внимание уделено концепции «зеленой» экономики как один из важнейших составляющих к достижению целей устойчивого развития, направленной на ресурсосбережение и снижение негативных воздействий на окружающую среду. Автором обобщена информация международных конференций и конференции ООН, и представлена эволюция подходов к финансированию новой модели развития – «зеленая экономика», «зеленый рост», «устойчивое развитие». С целью достижения устойчивого развития автором разработана динамическая модель взаимосвязи ключевых составляющих – экономическая, экологическая, социальная и институциональная устойчивость, каждая из которых направлена на эффективное решение проблем, имеющих значение на местном, национальном, региональном и глобальном уровнях, и обеспечивающих этим достижение устойчивого развития. Одним из механизмов обеспечения устойчивого развития в России выделен рынок Национальной технологической инициативы «ЭкоНет», который направлен на разработку комплекса экологических, чистых, «зеленых» технологий и продуктов для обеспечения устойчивого взаимодействия человека с окружающей средой, повышения эффективности ресурсопотребления и развития экономики замкнутого цикла. Также проведена характеристика критериев данного рынка, проанализировано место России в международных рейтингах в сфере экологии и экотехнологий. Таким образом, институциональные механизмы должны интегрировать экономические, социальные и экологические цели на каждом уровне разработки политики и принятия решений с целью устойчивого развития.

A. R. Akhmetshina

ASSESSMENT OF THE LEVEL OF FUNCTIONING OF THE INSTITUTIONAL ENVIRONMENT OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT IN RUSSIA

Keywords: sustainable development, «green» economy, National Technological Initiative, institutions, EcoNet market, ecology

The article identifies the key problems of sustainable development that require effective mechanisms for solving. The review of theoretical issues on clarifying the definition of «sustainable» development, concepts related to it is carried out. Special attention is paid to the concept of a «green» economy as one of the most important components for achieving the goals of sustainable development, aimed at resource conservation and reducing negative impacts on the environment. The author summarizes the information of international conferences and UN conferences, and presents the evolution of approaches to financing a new development model – «green economy», «green growth», «sustainable development». In order to achieve sustainable development, the author has developed a dynamic model of the interrelation of key components – economic, environmental, social and institutional sustainability, each of which is aimed at effectively solving problems that are important at the local, national, regional and global levels, and thereby ensuring the achievement of sustainable development. One of the mechanisms for ensuring sustainable development in Russia is the market of the National Technological Initiative «EcoNet», which is aimed at developing a complex of environmentally friendly, clean, «green» technologies and products to ensure sustainable human interaction with the environment, increase the efficiency of resource consumption and the development of a closed-cycle economy. The characteristics of the criteria of this market are also carried out, Russia's place in international ratings in the field of ecology and eco-technologies is analyzed. Thus, institutional mechanisms should integrate economic, social and environmental goals at every level of policy development and decision-making for sustainable development.

В настоящее время в условиях глобальных энергетических, продовольственных, финансовых кризисов и экологических угроз проблема разработки стратегии на региональном и федеральном уровнях с целью устойчивого развития становятся особо актуальными. Концепция устойчивого развития является одним из важнейших факторов модернизации экономики на региональном уровне. Устойчивое развитие в докладе Всемирной комиссии по окружающей среде и развитию определено как удовлетворение потребностей настоящего времени без ущерба для способности будущих поколений удовлетворять свои собственные потребности. Выявление эффективных способов выведения стран из кризисов и улучшение экологического состояния окружающей среды является первоочередной задачей для многих правительств. Одной из концепций, направленных на ресурсосбережение и снижение негативных воздействий на окружающую среду, является «зеленая» экономика. В настоящее время нет единого определения и универсальных принципов «зеленой» экономики, в целом, согласно широко используемому толкованию, сформулированному специалистами ЮНЕП [5], под ней понимается хозяйственная деятельность, направленная на повышение благосостояния людей, обеспечивающая социальную справедливость и при этом существенно снижающая риски для окружающей среды и природы. В последние годы появились различные концепции, взаимосвязанные с «зеленой» экономикой, в частности, «зеленый рост», «устойчивая экономика», «низкоуглеродная экономика», что приводит к отсутствию четкого понимания, какие государственные меры в сфере «зеленой» экономики принимаются и как они сочетаются с региональными целями экономических систем.

Институциональный механизм обеспечения устойчивого развития экономики находит отражение в исследованиях Э.И. Мантаевой, Б. С.Батаевой, В. С.Голденовой, И. В. Авадаевой [4], под которым авторы понимают «совокупность взаимосвязанных элементов: институтов, методов, инструментов, обеспечивающих связь между экономическим ростом и интенсивным использованием материалов и энергопотребления, формированием устойчивого «зеленого» экономического роста». Определению новой парадигмы устойчивого развития, выявлению его принципов, важности их принятия в условиях пандемии 2019 года, особое внимание уделено в исследованиях российских и зарубежных ученых А. Р.Ахметшиной, Б. Ж. Тагарова, J. C. Dernbach, J. M.Harris, в международных докладах и конференциях [1,2,8,9,11–14].

Анализ становления и развития современных подходов к финансированию «зеленой» экономики представлен учеными Центра международных финансов Научно-исследовательского финансового института [10], И. П. Гуровой [3], в которых авторами выявлены основные факторы и составляющие элементы, оказывающих влияние на формирование современной модели развития «зеленой» экономики. Также ими обобщены результаты зарубежных стран в области перехода экономики на модель устойчивого экологического развития, анализируя динамику инвестиций в «зеленые» технологии. Вопросы перехода к «зеленой» экономике, взаимосвязь с терминами и определениями, недостатки и причины негативной нынешней экономической ситуации, ее возможности для государства, включая укрепление рыночной инфраструктуры и рыночных механизмов, перераспределение государственных инвестиций, оценка возможностей от реализации данной концепции изучены и представлены в докладе ЮНЕП [5,7].

Отсутствие систематичной и целенаправленной государственной стратегии в области «зелёных» инноваций является одним из основных проблем на пути обеспечения устойчивого развития экономических систем на мезоуровне.

В экологической составляющей устойчивого развития существуют следующие задачи, которые требуют действенных механизмов для их решения:

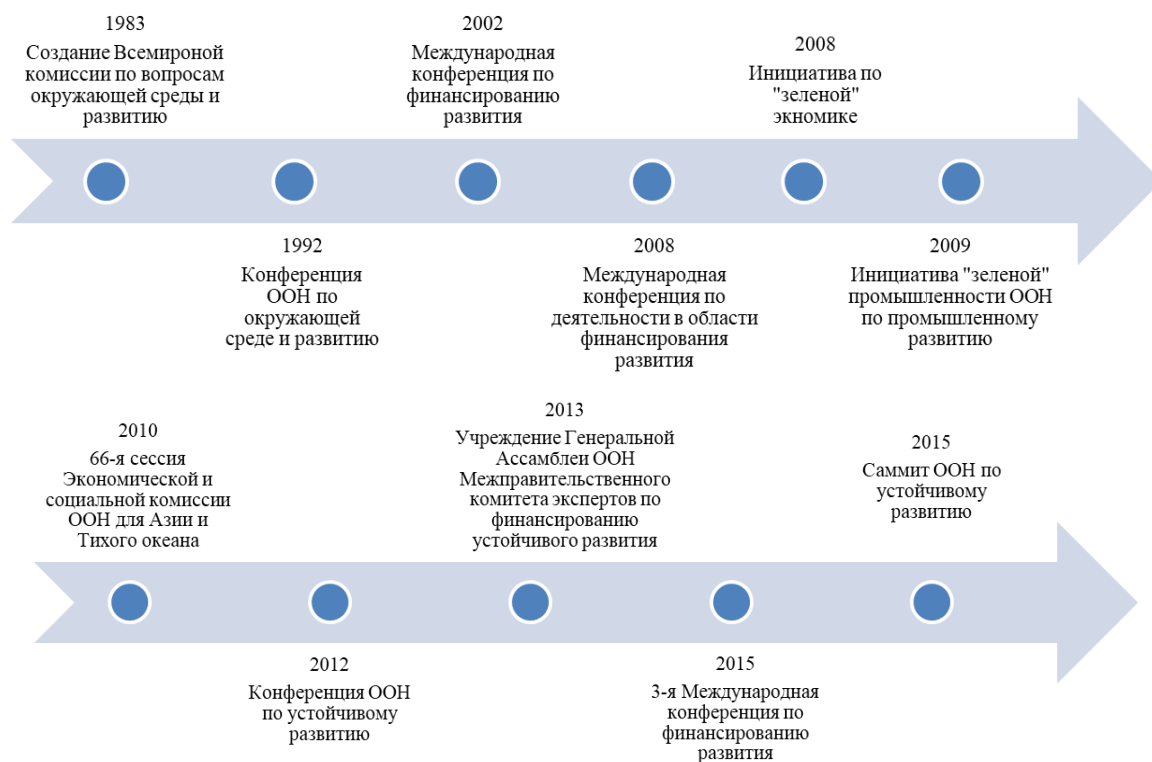
- оптимизация численности населения;
- сохранение лесных массивов и восстановление растительности на окраинных землях;
- сохранение биологического разнообразия;
- контроль загрязнения воды и воздуха;
- развитие экологически чистых систем возобновляемых источников энергии;
- переработка отходов и остатков;
- экологическое просвещение и осведомленность на всех уровнях;
- совершенствование экологического законодательства и др.

Указанные проблемы представляют угрозу для окружающей среды в целом и для устойчивого развития, в частности.

Эволюция подходов к представлению о модели устойчивого развития и «зеленой» экономики представлена на рисунке 1. Анализ представленного рисунка показывает, что понимание «устойчивого развития», «зеленой экономики», «зеленого роста» основывается на обмене опытом стран на международных конференциях, всемирных комиссиях, мировых

саммитах, посвященных разработке стратегических планов по развитию «зеленой» экономики, что формирует взгляд на финансиру-

ние модели устойчивого экономического развития.

Источник: обобщено автором

Рис. 1 – Эволюция подходов к финансированию новой модели развития («зеленая экономика», «зеленый рост», «устойчивое развитие»)

Целью устойчивого развития является результат, достигаемый совместными усилиями нескольких взаимосвязанных параметров, и требующий координации как на вертикальном, так и на горизонтальном уровнях. Существует динамическая треугольная взаимосвязь между тремя ключевыми параметрами – экологическими, экономическими и социальными [15].

К данным параметрам стоит также добавить немаловажную составляющую – институциональную устойчивость (рисунок 2).

Одним из ключевых факторов, способствующих успешному достижению устойчивого развития, выступает эффективное наращивание кадрового потенциала, институциональное укрепление, включая сильную политическую волю и эффективный механизм осуществления мониторинга [16].

Снижение экологических угроз, загрязнение окружающей среды и использование экологически чистых и зеленых технологий для снижения экологических проблем регионального и глобального уровня являются основными целями экологической устойчивости. Экономическая устойчивость направлена на развитие

проектов путем оптимального бюджетирования, финансового стимулирования, а также увеличение дохода на душу населения, создание механизма рационального использования природных ресурсов. Социальная устойчивость фокусируется на повышении качества жизни человека в окружающей среде с удовлетворением основных потребностей. Она направлена на сохранение и развитие здравоохранения, образования и удовлетворения основных потребностей, сокращение конфликтов между заинтересованными сторонами по вопросам использования ресурсов. Для достижения целей устойчивого развития необходимо осуществление мониторинга экологической политики, планов, законов, нормативных актов и стандартов, что в свою очередь обеспечивается институциональной устойчивостью. Управление проектами в рамках институциональной устойчивости должно быть эффективным для решения экологических проблем, имеющих значение на местном, национальном, региональном и глобальном уровнях и включающих юридически обязательные мировые конвенции и договоры.

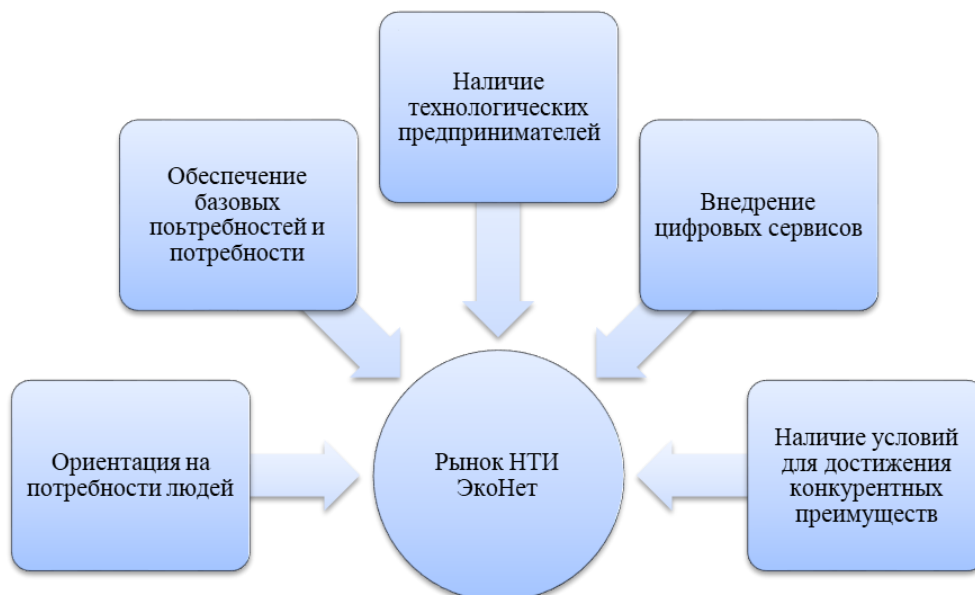

Источник: построено автором

Рис. 2 – Взаимосвязь ключевых элементов с целью достижения устойчивого развития

Одним из механизмов обеспечения устойчивого развития в России является рынок Национальной технологической инициативы «ЭкоНет», направленный на разработку комплекса экологических, чистых, «зеленых» технологий и продуктов для обеспечения устойчиво-

го взаимодействия человека с окружающей средой, повышения эффективности ресурсопотребления и развития экономики замкнутого цикла. Характеристика рынка представлена на рисунке 3.

Источник: обобщено автором

Рис. 3 – Основные критерии рынка ЭкоНет

В соответствии с дорожной картой, объем мирового рынка «зеленых» (чистых) технологий в 2035 году составит более 10 трлн евро. Объем «зеленых инвестиций», необходи-

мых для достижения целей устойчивого развития ООН – 30 трлн долл. Рынок предпочтительно ориентирован на потребности людей как конечных потребителей – приоритет B2C над

V2B, что предполагает развитие «зелёной» экономики и повышение качества жизни. ЭкоНет будет основываться на таких ключевых сквозных технологиях, как большие данные, искусственный интеллект, квантовые технологии, новые производственные технологии, технологии виртуальной реальности и ряд других, которые будут способствовать внедрению цифровых сервисов от взаимодействия с конечными потребителями, распределенных сетей прибо-

ров контроля до технологий мониторинга экологического состояния предприятий.

На текущий момент рынка такого в России нет в связи с отсутствием регулирования предложения, спроса, ценовой политики и правил регулирования. В международных рейтингах в сфере экологии, «зеленых» технологий Россия занимает не самые лучшие места (таблица 1).

Таблица 1 – Место России в международных рейтингах в сфере экологии и экотехнологий [6]

Международные рейтинги	Место в рейтинге
Brown to Green Report 2019 (Climate Transparency) обзор действий G20 в области климата. Рейтинг с точки зрения смертности и экономических потерь от экстремальных погодных явлений (обратный рейтинг)	1
Environmental Performance Index (Индекс экологической эффективности) – измеряет достижения страны с точки зрения состояния экологии и управления природными ресурсами	52
Adjusted Net Savings (Индекс адаптированных чистых сбережений) – (Всемирный банк) ведет учет человеческого капитала и экологического фактора в национальных счетах	54
Global Innovation Index (Глобальный индекс инноваций) – (Корнельский университет (США), Международная бизнес-школа INSEAD (Франция) и ВОИС) включает оценку экологической устойчивости 127 стран, (направление «ресурсы инноваций» – 41, направление «результаты инноваций» – 59)	45
Climate Change Performance Index (CCPI) (Индекс климатического риска) – (Немецкая Наблюдательная Инициатива) оценивает ущерб, наносимый экстремальными климатическими событиями (обратное ранжирование)	527
Environmental Vulnerability Index (Индекс экологической уязвимости) – (Комиссия по геоинформатике Южно-Тихоокеанского региона) оценивает степень уязвимости природной среды и подверженность ее ущербу	71
Sustainable Society Index (Индекс устойчивого общества) – (Фонд устойчивого общества (Нидерланды)) раздел «Экологическое благополучие»	144
Renewable Energy Country Attractiveness Index (RECAI) (Индекс привлекательности стран для развития возобновляемой энергетики) – (Великобритания) привлекательность инвестиций в создание генерирующих мощностей возобновляемой энергетики	Не вошла в топ-40
Global Cleantech Innovation Index (Глобальный инновационный индекс экологически чистых технологий) - компания Cleantech совместно с WWF, UNIDO, Азиатским банком развития оценивает четыре субиндекса, включающих 15 индикаторов, в том числе экологические патенты	46
Global Green Economy Index (GGEI) (Глобальный индекс «зеленой экономики») – (Dual Citizen LLC (США)) оценивает прогресс в области «зеленой экономики» 129 стран	104
Low Carbon Economy Index (Индекс низкоуглеродной экономики) – оценивает действия стран «Большой двадцатки» по формированию низкоуглеродной экономики и достижению целей Парижского соглашения	15

Проекты в рамках «ЭкоНет» направлены на [6]:

- платформенные решения по трансляции знаний, сырья и зеленых финансов, маркетплейс экотехнологий, экознаний;
- разработка цифровой платформы промышленного симбиоза, скрининг, соединение в симбиотические цепочки;
- создание новых материалов с заданными свойствами. Также возможно взаимодей-

ствие с «WearNet» по производству тканей из вторичных ресурсов;

- создание экспериментальной молочной фермы с максимально замкнутым циклом потребления основных ресурсов и системой переработки производимых отходов в ресурсы;
- интегрированное платформенное решение для оценки рисков на основании данных экологического мониторинга от различных источников;

– активное развитие зелёного крауд-фандинга, энергосервисных контрактов и «зелёных госзакупок» в России и в мире для продвижения российских зелёных услуг и технологий;

– разделение смешанных муниципальных отходов на полезные фракции, пригодные для переработки или использования;

– интеграция систем датчиков и мониторинга изменений климата;

– развитие технологий воздействия на неблагоприятные климатические условия (авиа, лазер) и др.

Таким образом, устойчивое развитие подчеркивает важность институтов, которые готовы интегрировать экономические, социальные и экологические цели на каждом уровне разработки политики и принятия решений.

Литература

1. Ахметшина А. Р. Особенности реализации принципов устойчивого развития в России // Проблемы современной экономики. 2016. № 4 (60). С. 61-64.
2. Ахметшина А. Р., Салихов И. Ф. Реализация концептуальных положений устойчивого развития на современных предприятиях: зарубежный опыт // Вестник экономики, права и социологии. 2020. № 4. С. 15-17.
3. Гурова И. П. Иностранные инвестиции в зеленой экономике // Экономические отношения. 2019. Том 9. № 2. С.597-608.
4. Мангаева Э. И., Батаева Б. С., Голденова В. С., Авадаева И. В. Некоторые аспекты перехода к устойчивому развитию экономических систем на мезо- и макроуровнях // Вестник Астраханского государственного технического университета. Серия: Экономика. 2018. № 1. С. 7-17.
5. Навстречу «зелёной» экономике: пути к устойчивому развитию и искоренению бедности. URL: <http://www.unep.org/greenesconomy> (дата обращения 10.08.2021).
6. Национальная технологическая инициативы. Официальный сайт. URL: <https://nti2035.ru/> (дата обращения 12.08.2021).
7. Наше общее будущее. Всемирная комиссия по окружающей среде и развитию, 1987. URL: <http://www.un-documents.net/ocf-02.htm#I> (дата обращения 12.08.2021).
8. Тагаров Б. Ж. Цели реализации концепции устойчивого развития на разных уровнях экономической системы // Креативная экономика. 2021. Том 15. № 3. С. 821-836.
9. Шинкевич А. И. Низкоуглеродная экономика: проблемы и перспективы развития в России // Актуальные проблемы экономики и права. 2020. Т. 14. № 4. С. 783-799
10. Яковлев И. А., Кабир Л. С., Никулина С. И., Раков И. Д. Финансирование «зеленого» экономического роста: концепции, проблемы, подходы // Научно-исследовательский финансовый институт. Финансовый журнал. 2017. №3(37). С.9–21.
11. Dernbach J. C. Sustainable development as a framework for national governance // Case Western Reserve Law Review. 1998. Pp. 1-103.
12. Galeeva G.M., Zinurova R.I. Technological Modernization of Industry //Social Sciences and Interdisciplinary Behavior. 4th International Congress on Interdisciplinary Behavior and Social Science, ICIBSOS 2015. London, 2016. Pp. 217-220.
13. Harris J. M. Basic Principles of Sustainable Development // In book: Encyclopedia of Life Support Systems: Dimensions of Sustainable Development. 2001. Vol. 1. Pp.21-40.
14. United Nations Conference on the Human Environment // Rio Declaration on Environment and Development. Rio de Janeiro, 1992. Brazil: United Nations.
15. Тузиков А.Р., Зинурова Р.И. Устойчивое развитие как идеологический императив современного мира // Управление устойчивым развитием. 2020. №4 (29). С. 62-68.
16. Сергиенко Е. С., Сапрыкина Н. В., Плохотникова Г. В. Управление устойчивым развитием: маркетинговый аспект и реализация коммуникационной политики // Управление устойчивым развитием. 2020. №1 (26). С. 12-16.

Сведения об авторе:

©**Ахметшина Алсу Ринатовна** – доктор экономических наук, профессор, директор высшей школы бизнеса, Казанский Приволжский (Федеральный) университет, Российская Федерация, Казань, e-mail: Alsu.Akhmetshina@kpfu.ru.

Information about the author:

©**Akhmetshina Alsu Rinatovna** – Doctor of Economics, Professor, Director of the Higher School of Business, Kazan Volga (Federal) University, Kazan, Russian Federation, e-mail: Alsu.Akhmetshina@kpfu.ru.

УДК 338.1

Л. А. Ельшин, Д. А. Хайруллин, А. А. Абдукаева

ЭМПИРИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА ВЛИЯНИЯ БЛОКЧЕЙН ТЕХНОЛОГИЙ НА ОТРАСЛЕВОЕ РАЗВИТИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда
(проект №19-18-00202)

Ключевые слова: блокчейн технологии, экономическая динамика, отраслевое развитие, модель Альтмана, экономический рост, коинтеграционное моделирование

Генезис блокчейн технологий, являющихся составной частью цифровой экономики, их место в современном развитии общества в условиях глобализации воспроизводственных процессов, ускорения научно-технического прогресса, вызванного во многом интенсификацией развития так называемых сквозных технологий, а также исследование роли технологий распределенного хранения данных в вопросе новой организации хозяйственных отношений, широко обсуждается российскими и зарубежными учеными. При этом массовый обзор работ, посвященных этой теме, показывает, что все они, в подавляющем большинстве, концентрируются относительно философских и теоретических аспектов научной проблемы. Вместе с тем, учитывая характер и скорость проникновения блокчейн технологий в систему экономических отношений, требуется проведение исследований эмпирического порядка, позволяющих взглянуть на изучаемые процессы через призму формализованных методов анализа. Решению данного вопроса и посвящена настоящая статья. На основе разработанной модели анализа межотраслевых зависимостей, построенных в рамках реализованной оценки возможных изменений финансовой устойчивости структурообразующих компаний отдельных секторов национальной экономики, а также опираясь на методы сценарного анализа влияния блокчейн технологий на развитие финансового рынка, определены траектории возможной динамики роста отдельных видов экономической деятельности национальной экономики и ВВП в целом. Методической основой исследования является коинтеграционное моделирование межотраслевых трансформаций в результате смещения ключевых индикаторов финансовой устойчивости и кредитных рейтингов хозяйствующих субъектов в соответствии с моделью Альтмана.

L. A. Elshin, D. A. Khairullin, A. A. Abdukaeva

EMPIRICAL ASSESSMENT OF THE IMPACT OF BLOCKCHAIN TECHNOLOGIES ON THE SECTORAL DEVELOPMENT OF THE NATIONAL ECONOMY

Keywords: blockchain technologies, economic dynamics, industry development, Altman's model, economic growth, cointegration modeling

The genesis of the blockchain economy, which is an integral part of the digital economy, its place in the modern development of society in the context of the globalization of reproduction processes, the acceleration of scientific and technological progress, caused largely by the intensification of the development of so-called end-to-end technologies, as well as the study of the role of distributed data storage technologies in the issue new organization of economic relations is widely discussed by Russian and foreign scientists. At the same time, a massive review of works devoted to this topic shows that all of them, in the overwhelming majority, are concentrated on the philosophical and theoretical aspects of a scientific problem. At the same time, given the nature and speed of penetration of blockchain technologies into the system of economic relations, empirical studies are required to look at the processes under study through the prism of formalized methods of analysis. This article is devoted to the solution of this issue. On the basis of the developed model of analysis of intersectoral dependencies, built on the basis of an assessment of possible changes in the financial stability of structure-forming companies of individual sectors of the national economy, as well as based on the methods of scenario analysis of the impact of blockchain technologies on the development of the financial market, trajectories of possible growth dynamics of individual sectors of the national economy and the whole. The methodological basis of the study is cointegration modeling of intersectoral transformations as a result of the shift in key indicators of financial stability and credit ratings of economic entities in accordance with Altman's model.

Введение

В своей книге «Денационализация денег» [1], Ф. Хайек обосновывает позицию, в соответствии с которой рынок денег не должен быть монополизирован государством, а должен развиваться в русле конкурентной среды, в том числе и в рамках формирования конкурентного рынка частных денег (концепция децентрализованной валюты). Суть подхода ученого выражалась в том, что финансовые организации эмитируя собственную валюту погружаются в конкурентную среду с другими подобными себе учреждениями. Это, в свою очередь, предопределяет стремление к повышению эффективности их функционирования с целью обеспечения ценности выпускаемой валюты. Тем самым образуется модель, при которой формируется и развивается конкурентная среда в рамках концепции саморегулируемого финансового рынка, где ценность валюты обеспечивается на основе принципов успешного развития эмитентов [2].

Важно отметить, что данный подход находится в явном противоречии с традиционными кейнсианскими догмами [3], в соответствии с которыми, государственное централизованное регулирование экономики является важнейшим механизмом ее развития. По сути, Ф. Хайек еще в то время, высказывая позицию о необходимости децентрализованной модели развития денежного рынка, по сути, сгенерировал фундаментальную идею, нашедшей свое отражение в современных условиях хозяйствования, основывающихся на использовании блокчейн технологий и функционирования на их основе рынка цифровых денег. В его основу заложена модель, функционал которой предусматривает возможность эмиссии целого ряда конкурентных валют (цифровых денег, токенов). При этом данную эмиссию могут генерировать не только финансовые организации, но и иные хозяйствующие субъекты реального сектора экономики, отдельные экономические агенты.

В основу данного рода технологий заложен принцип децентрализованного хранения данных, любое изменение которых невозможно без подтверждения участников блокчейн систем.

Важно при этом отметить, что блокчейн технологии, в рамках заложенного в них функционала, формируют базис не только для развития альтернативных форм денег, как средства обмена, платежа и накопления, но и для появления новых форм реализации операционных и хозяйственных процессов.

Как справедливо отмечается в работах [4, 5, 6] блокчейн технологии имеют первоочередное значение в сфере реализации финансовых и операционных транзакций в части:

- снижения посреднических комиссий за их проведение;
- социализации каналов доступа к финансовым рынкам (расширение доступа экономических агентов к фондовым торговым площадкам);
- расширения возможностей повышения ликвидности капитала кредитных организаций за счет повышения эффективности операционных процессов (что обеспечивает снижение операционных и кредитных рисков);
- расширения возможностей для повышения финансовой устойчивости бизнес-сообщества за счет дополнительного прироста оборотных активов, как результат локализации на финансовых рынках комиссионных доходов за финансовые транзакции и др.;

Кроме того, несомненно, этим перечнем положительных эффектов, позитивные для экономики возможности развития не ограничиваются. Их идентификация должна лежать в русле систематизации генерирующихся экстерналий, причем не зависимо от того, какого они типа: положительные или отрицательные.

В концентрированной форме эффекты, генерирующиеся на основе проникновения блокчейн технологий в хозяйственную среду, представлены ниже [7]:

1) Проверка активов. Блокчейн-сети имеют очень высокий уровень конгруэнтности целей ее участников, что порождает достоверность фиксации новой информации и актуальность данных, характеризующих транзакции в прошлом.

2) Учет и ведение базы данных транзакционных сделок. Использование в финансовой среде технологий распределенного хранения данных формирует условия «прозрачности» хозяйственной и операционной деятельности и, соответственно, устойчивости развития участников рынков, в том числе, за счет автоматизированных, «запрограммированных» алгоритмов действий.

3) Конфиденциальность данных. В блокчейн-системах пользователи (участники) могут контролировать уровень своей конфиденциальности, что формирует возможность контроля доступа третьих лиц к идентификации профиля участника сети.

4) Затраты по сделке (операционные издержки). Технологии блокчейн и постро-

енные на их основе расчетные, платежные платформы существенным образом могут заменить функционал и предназначение системы посредничества в финансовой сфере, что обеспечит трансформацию процессов клиринга, структуру и состав операционных рисков финансовых учреждений, сферу страхования, ведения и учета многоанговых баз данных о финансовых транзакциях и др.

Солидаризируясь с позицией ряда ученых [8-10], интеграция в хозяйственную среду блокчейн технологий – это существенный прорыв для развития экономики, бизнеса. Это связано с тем, что как ранее уже упоминалось, технологии распределенного хранения данных формируют комплекс универсальных решений для хозяйствующих субъектов, совершающих большое число сделок с новыми партнерами, доверие между которыми пока отсутствует.

Существенное влияние интеграция в экономику блокчейн технологий оказывает и на развитие финансового рынка. Это связано, в первую очередь, с локализацией операционных и кредитных рисков финансовых организаций [11,12]. Кроме того, появление и интеграция цифровых денег в хозяйственную среду определяет различного рода эффекты, выраженные, в том числе, в корректировке финансовых результатов, получаемых в рамках комиссионных сборов за реализуемые финансовыми организациями транзакциями. Формирующиеся эффекты, в рамках данного направления, подробно изложены в ранее опубликованных работах [13, 14].

Важно заметить, что важнейшей задачей, вытекающей из полученных результатов, раскрывающих основные эффекты «блокчейнизации» финансового сектора экономики, является поиск закономерностей, обуславливающих оценку их влияния на отраслевое развитие и динамику роста ВВП. Данную задачу, однозначно нельзя отнести к категории тривиальных. Это связано, в первую очередь с двумя основными аспектами:

1. Методика оценки межотраслевых взаимодействий сама по себе относится к категории системного анализа и требует комплексного подхода, опирающегося на сложный инструментарий формализованного порядка.

2. Сценарный анализ финансовой устойчивости кредитных организаций и последующая оценка влияния возможных изменений на развитие других секторов экономики и ВВП в целом требует обоснованных алгоритмов, опирающихся на анализ широкого круга факторов.

Попытка решить поставленные задачи представлена ниже.

Методы

1. Разработка методики оценки межотраслевых взаимодействий

В рамках данного направления исследования ставится задача установить и эмпирически обосновать зависимость между изменением кредитных рейтингов организаций финансового сектора экономики и параметрами развития ключевых видов экономической деятельности и национальной экономической системы в целом. Методически решение поставленной задачи основывается на построении корреляционных связей между анализируемыми объектами исследования в рамках импульсного анализа изменения ключевых параметров финансового рынка. Другими словами, оцениваются возможные траектории анализируемых секторов экономики РФ в результате корректировки финансовой устойчивости кредитных организаций в результате движения капитала и изменения их финансовой устойчивости в результате проникновения в систему операционных процессов блокчейн технологий.

В концентрированной форме алгоритм проведения исследования межотраслевых связей с учетом импульсного влияния оценки кредитного качества крупных публичных компаний представлен на рисунке 1.

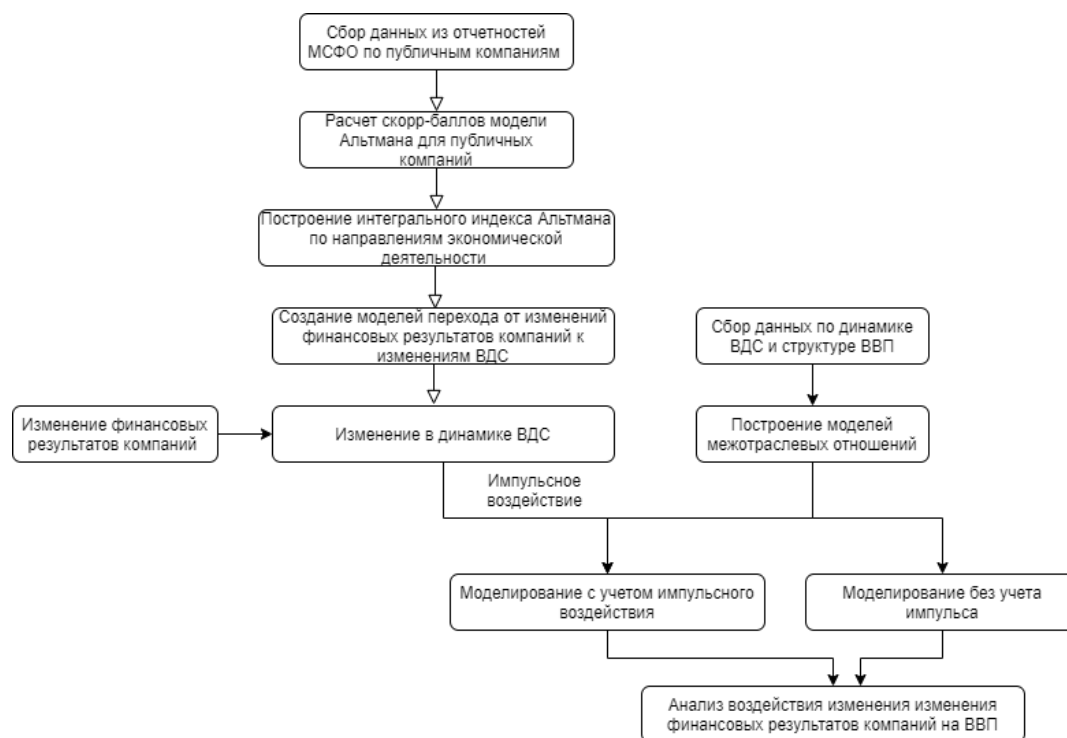

Рис. 1 – Блок-схема исследования межотраслевых связей с учетом импульсного влияния оценки кредитного качества крупных публичных компаний

В расширенной интерпретации алгоритм исследования включает в себя восемь основных итераций (их подробное изложение представлено подробно в ранее опубликованной работе авторов [15]):

1. Систематизация данных, раскрывающих особенности формирования финансовой устойчивости крупнейших компаний исследуемых секторов экономики на основе построения модели Альтмана. Учитывая, что на рынках присутствует весьма большое количество игроков, в качестве основы был идентифицирован круг хозяйствующих субъектов в разрезе исследуемых видов экономической деятельности, отвечающих требованию возможности экстраполяции особенностей их развития на отраслевую динамику. Данное решение обусловлено фактором ограниченности статистических данных, раскрывающих финансовую устойчивость организаций в соответствии с моделью Альтмана (чистые активы, чистая прибыль, чистый операционный доход, капитализация, выручка) [16]. В качестве информационных источников выступили данные Московской биржи, систе-

мы СПАРК, отчетность по стандарту МСФО. Выбор хозяйствующих субъектов осуществлен на основе их отраслевой принадлежности кодам ОКВЭД, ОКВЭД-2.

2. Эмпирическая оценка финансовой устойчивости секторов экономики.

Сформированная база статистических данных обеспечивает возможность последующей оценки кредитного качества анализируемых компаний с последующей экстраполяцией результатов на исследуемые рынки. Данный этап исследования реализован на основе построения линейной комбинации финансовой устойчивости анализируемых организаций/хозяйствующих субъектов (вошедших в группу исследования в соответствии с критерием их репрезентативности) с последующим построением оценок кредитного качества отрасли. «Для получения оптимальной линейной комбинации из всего множества полученных данных проводится максимизация функционала по коэффициентам линейной комбинации» [15] (формула 1, 2).

$$\max \rho(\text{ВДС}\%, \text{Altman}_{\text{Лин.комбинация}}) \quad (1)$$

$$\text{Altman}_{\text{Лин.комбинация}} = \sum_{i=1}^N \alpha_i * \text{Altman}_i \quad (2)$$

где ρ – коэффициент корреляции; α_i – коэффициент линейной комбинации $\alpha_i \geq 0$

Altman_i – расчетное значение оценки финансовой устойчивости отрасли по модели Альтмана

i – индекс компании $i \in [1, N]$

3. Оценка взаимосвязей между финансовой устойчивостью отрасли и динамикой ее роста.

Определяется зависимость между интегральным значением индекса Альтмана отрасли и динамикой ее валовой добавленной стоимо-

$$\Delta \text{ВДС} = k * (\Delta \text{Altman}_{\text{Лин.комбинация}}) + b \quad (3)$$

где k, b – коэффициенты уравнения линейной регрессии для перехода от изменений финансовой устойчивости к изменениям ВВП

Важным методическим аспектом на данном шаге исследования является необходимость использования инструментов стандартизации анализируемых рядов ввиду разномасштабности параметров, характеризующих финансовую устойчивость хозяйствующих субъектов и ВДС.

4. Сценарный анализ чувствительности траекторий развития финансовой устойчивости отрасли вследствие корректировки параметров пятифакторной модели Альтмана.

Сценарный анализ целесообразно осуществить в рамках использования модели коррекции ошибок.

6. Разработка коинтеграционных уравнений, оценивающих макроэкономические связи между анализируемыми секторами экономики. Необходимость использования данного типа уравнений обусловлена наличием фактора нестационарности исследуемых в работе рядов, характеризующих динамику ВДС анализируемых секторов экономики.

7. Задание импульса изменения факторов модели Альтмана для финансового сектора с целью оценки возможных последствий для отраслевого развития национальной экономики и ВВП в целом. Импульсы могут задаваться на основе сценарного анализа влияния блокчейн технологий на финансовую систему кредитных организаций.

8. Эмпирическая оценка возможной динамики роста валового внутреннего продукта в рамках межотраслевых взаимодействий.

2. Сценарный анализ финансовой устойчивости кредитных организаций и последующая оценка ее влияния на развитие других секторов экономики и ВВП в целом в рамках концепции проникновения блокчейн технологий в хозяйственную среду.

Данный исследовательский этап реализован посредством сценарного анализа изменения параметров пятифакторной модели Альтмана применительно к публичным компаниям – представителям финансового сектора экономики (Этап 3 представленного выше алгоритма). К ним относятся: чистые активы, чистая при-

сти (ВДС) (формула 3). Связь принимается на уровне статистически достоверной по данным критерия t-статистики Стьюдента при условии значимости гипотезы на уровне 5 %.

быль, чистый операционный доход, капитализация, выручка.

Анализ реализован на основе сценарной оценки возможной корректировки параметров модели Альтмана в рамках трех ключевых генерирующихся эффектов в результате интеграции блокчейн технологий в финансовые рынки:

1. Снижение операционных рисков и последующий рост финансовых результатов финансовых организаций с последующей корректировкой параметров модели Альтмана.

2. Снижение кредитных рисков и последующий рост финансовых результатов финансовых организаций с последующей корректировкой параметров модели Альтмана.

3. Снижение финансовых результатов кредитных организаций вследствие сокращения объемов переводов денежных средств, осуществленных через платежную систему Банка России вследствие корректировки комиссионных доходов.

Касаемо первых двух эффектов, то они были рассчитаны на основе ранее полученных оценок прироста финансовых результатов кредитных организаций, вследствие сокращения операционных и кредитных рисков в масштабах всего финансового сектора национальной экономики. Ожидаемый прирост рассматриваемого показателя оценивается в +88,5 млрд. рублей [11]. Данный эффект достигается в рамках сценариев предусматривающих:

– снижение ставки резервирования операционных рисков на 20 % с 12,5 % до 10 % от средней величины финансовых результатов за последние три года¹;

– снижение сомнительных и проблемных ссуд на 25 %.

Далее, экстраполируя полученные параметры на используемые в расчетах публичные компании, относящиеся к категории ключевых игроков финансового рынка, определены

¹ Review of the banking sector of the Russian Federation (Internet version). Analytical indicators. # 200 June 2019
https://cbr.ru/Collection/Collection/File/19777/obs_200.pdf.

возможные корректировки параметров модели Альтмана применительно к рассматриваемому виду экономической деятельности национальной экономики РФ. В таблице 1 приведены основные расчетные оценки, полученные в рамках построенной системы регрессионных уравнений, оценивающих взаимосвязь между при-

ростом чистой прибыли и анализируемыми факторами уравнения Альтмана. В таблицах 2-4, соответственно, приведены оценки коэффициентов этих регрессионных уравнений в разрезе анализируемых финансовых организаций – ключевых игроков финансового рынка.

Таблица 1 – Оценка изменения параметров модели Альтмана применительно к финансовому сектору экономики в рамках рассматриваемых эффектов снижения операционных и кредитных рисков

Показатель	Значение, млрд.руб.		
	Сбербанк	ВТБ	Тинькофф
чистые активы	+308 (7%)	+53 (3,7%)	+4,36 (4,31%)
чистая прибыль	+28,63	+13,8	+0,64
чистый операционный доход	+19,7 (3,65%)	+12 (9,02%)	+2,95 (5,24%)
капитализация	+524 (8,79%)	-77,8 (-6%)	+17,29 (4,73%)
выручка	+36,6 (3,47%)	+20,6 (+7,8%)	+2,2 (4,71%)

Таблица 2 – Коэффициенты уравнений регрессии, оценивающих взаимосвязь между приростом чистой прибыли и анализируемыми факторами уравнения Альтмана (на примере ПАО «Сбербанк»)

Показатель	Y(чистые активы)	Y(чистый операционный доход)	Y(капитализация)	Y(выручка)
X(чистая прибыль)	10,79	0,69	18,3	1,28
R-квадрат	0,6	0,71	0,82	0,7

Таблица 3 – Коэффициенты уравнений регрессии, оценивающих взаимосвязь между приростом чистой прибыли и анализируемыми факторами уравнения Альтмана (на примере ПАО «ВТБ»)

Показатель	Y(чистые активы)	Y(чистый операционный доход)	Y(капитализация)	Y(выручка)
X(чистая прибыль)	3,89	0,87	-5,64	1,49
R-квадрат	0,5	0,77	0,66	0,72

Таблица 4 – Коэффициенты уравнений регрессии, оценивающих взаимосвязь между приростом чистой прибыли и анализируемыми факторами уравнения Альтмана (на примере АО «Тинькофф Банк»)

Показатель	Y(чистые активы)	Y(чистый операционный доход)	Y(капитализация)	Y(выручка)
X(чистая прибыль)	6,81	4,6	27,01	3,45
R-квадрат	0,76	0,94	0,92	0,98

Что же касается возможных изменений значений параметров модели Альтмана в соответствии с третьим рассматриваемым эффектом, то расчеты произведены также опираясь на ранее выявленные оценки применительно к всему финансовому сектору национальной экономики РФ. Так, в соответствии с [11] сокращение финансовых результатов кредитных организаций вследствие снижения объемов переводов денежных средств, осуществленных че-

рез платежную систему Банка России вследствие, оценивается менее, чем 0,1 % от общего объема прибыли банковскими учреждениями.

В таблице 5 приведены расчетные оценки корректировки значений параметров модели Альтмана в соответствии с рассматриваемым эффектом №3.

В таблице 6 приведены интегральные оценки изменения параметров пятифакторной модели Альтмана в рамках возникновения трех

рассматриваемых эффектов, определяющих корректировку финансовых результатов кредитных организаций в результате «блокчейни-

зации» финансового сектора национальной экономики.

Таблица 5 – Оценка изменения параметров модели Альтмана применительно к финансовому сектору экономики в рамках эффекта снижения финансовых результатов, как следствие сокращения комиссионных доходов от транзакций

Показатель	Значение, млрд.руб.		
	Сбербанк	ВТБ	Тинькофф
чистые активы	-2,91 (-0,07%)	-0,08 (-0,01%)	-0,06 (-0,07%)
чистая прибыль	-0,27	-0,02	-0,01
чистый операционный доход	-0,18 (-0,03%)	-0,01 (-0,01%)	-0,04 (-0,08%)
капитализация	-4,94 (-0,08%)	+0,1 (+0,01%)	-0,27 (-0,07%)
выручка	-0,34 (-0,03%)	-0,02 (-0,01%)	-0,034 (-0,07%)

Таблица 6 - Интегральная оценка изменения параметров пятифакторной модели Альтмана в рамках трех рассматриваемых эффектов, определяющих корректировку финансовых результатов кредитных организаций

Показатель	Значение, млрд. руб.		
	Сбербанк	ВТБ	Тинькофф
чистые активы	305,09	52,92	4,3
чистая прибыль	28,36	13,78	0,63
чистый операционный доход	19,52	11,99	2,91
капитализация	519,06	-77,7	17,02
выручка	36,26	20,58	2,166
ИТОГ	908,29	21,57	27,026

Общий прирост по трем банкам – 956,8 млрд. руб. Доля рассматриваемых банков – 48,87 % [17]. Таким образом, прирост финансовых результатов финансового сектора в целом, может достигнуть 1965 млрд. руб. в рамках концепции экстраполяции полученных оценок на всю отрасль.

Результаты и обсуждение (results and discussion)

Полученные оценки изменения базовых параметров пятифакторной модели Альтмана позволили перейти к решению важнейшего методического вопроса, раскрывающего особенности влияния блокчейн технологий на отраслевое развитие национальной экономики и динамику ВВП в целом. На основе полученных отрасли (рисунок 2, формула 4), определена возможная динамика ее развития.

оценок возможных корректировок базовых факторов модели Альтмана для финансового рынка РФ (таблица 6), в результате проникновения технологий распределенного хранения данных, далее рассчитаны, в соответствии с предложенным алгоритмом исследования, (рисунок 1), основные параметры развития исследуемых в данной работе секторов экономики и темпы ВВП в целом.

В соответствии с полученными оценками (таблица 6) прирост интегрального значения индекса Альтмана для финансового сектора экономики оценивается на уровне +2 %. Опираясь на ранее выявленные закономерности между данным индикатором и темпами роста ВДС исследуемой

$$\Delta ВДС = 0,7454 * \Delta \text{Альтман}_{\text{Интегральный индекс}} \quad (\text{формула 4})$$

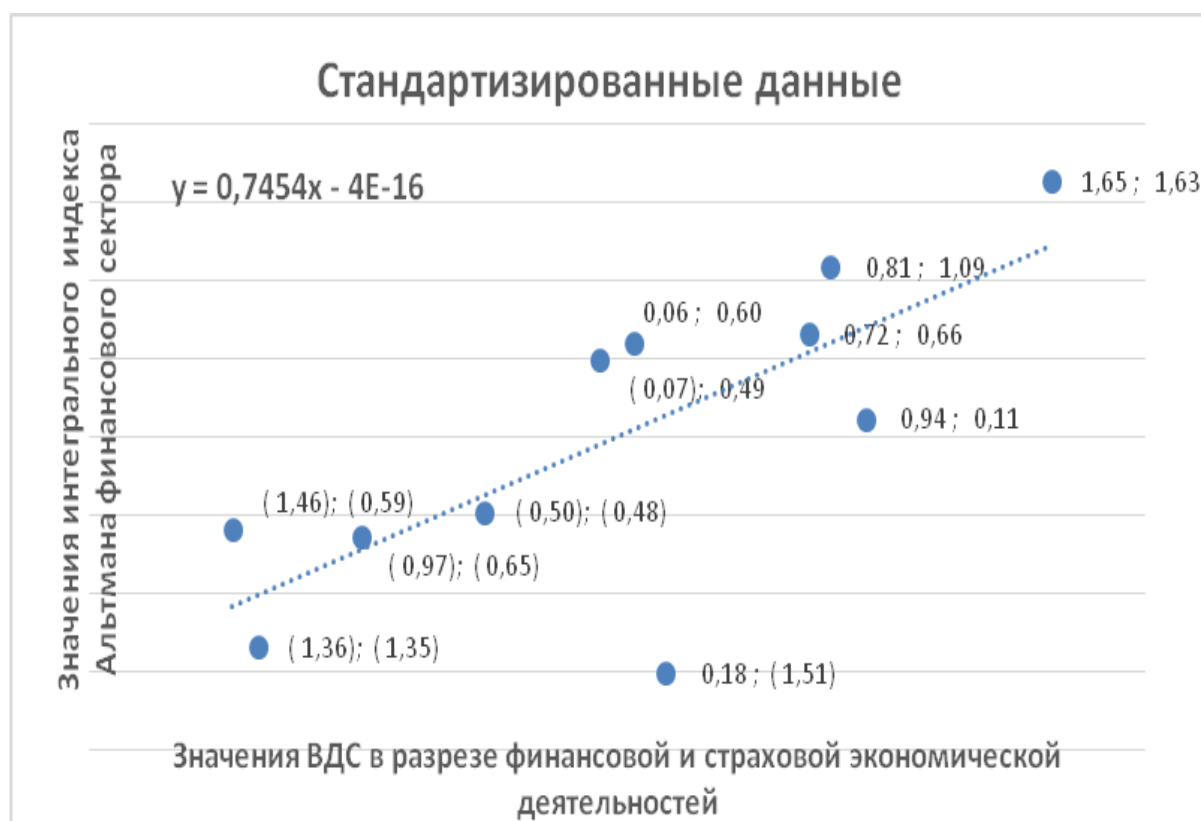

Рис. 2 – Взаимосвязь между динамикой интегрального индекса Альтмана финансового сектора экономики и темпами прироста его валовой добавленной стоимости (по данным стандартизированных рядов)

Полагаясь на выявленную функциональную зависимость (формула 4), прирост индекса Альтмана в рассматриваемом виде экономической деятельности на 2 % обеспечивает прирост темпов роста на 1,49 %. В соответ-

вии с ранее выявленными закономерностями межотраслевого взаимодействия в таблице 7, рисунке 3 представлены возможные изменения в темпах прироста анализируемых в исследовании секторов экономики.

Таблица 7 – Оценка влияния 2-х процентного прироста интегрального индекса Альтмана финансового рынка национальной экономики на динамику ВДС исследуемых видов экономической деятельности

Доли ВДС в разрезе рассматриваемых секторов экономики и результат моделирования								
	Животноводство и с/х	Строительство	Энергетика	Деятельность в области информации и связи	Добыча полезных ископаемых	Торговля	Транспорт	Деятельность финансовая и страховая
Доля в формировании ВВП*	2,79%	4,51%	2%	1,85%	7,56%	10,57%	4,72%	3,08%
Результат влияния	-0,07%	0,23%	0,11%	0,07%	0,60%	0,82%	0,29%	1,49%

* Средняя доля ВДС по направлениям экономической деятельности в формировании ВВП с 2011 по 2020 гг.

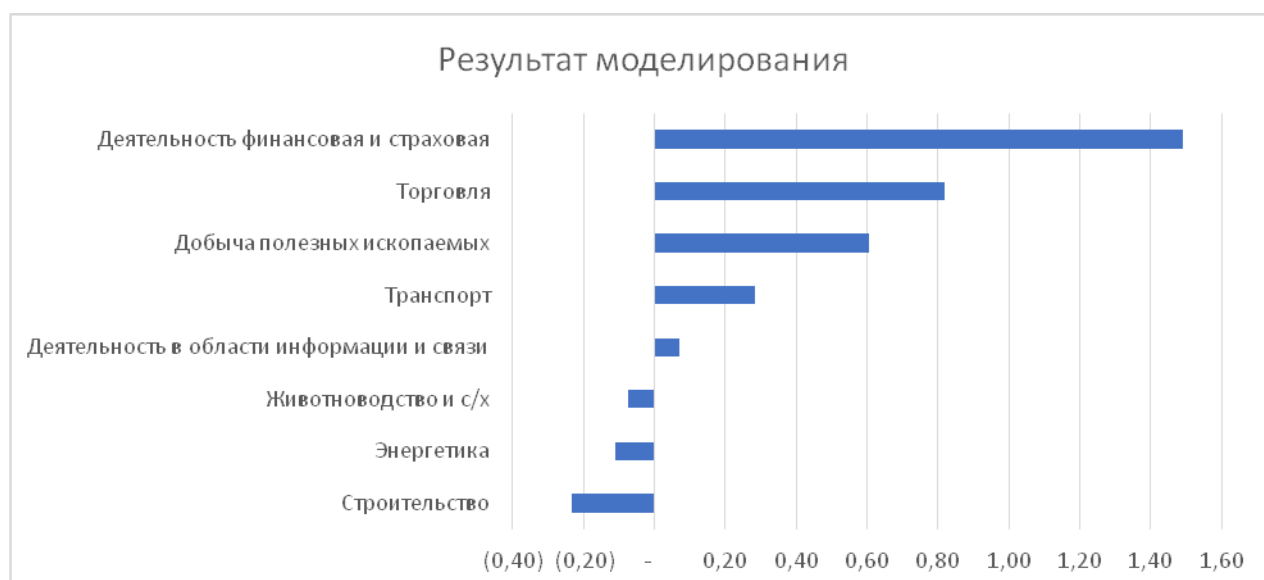

Рис. 3 – Анализ чувствительности исследуемых секторов экономики к корректировкам развития финансового сектора экономики в рамках диффузии блокчейн технологий, темпы прироста ВДС, %

Полученные оценки демонстрируют весьма дифференцированный характер возможного развития секторов экономики в результате трансформации финансового рынка под воздействием проникновения в систему его операционных процессов блокчейн технологий. Между тем разработанный инструментарий позволяет оценить не только рыночные измене-

ния, но и перспективы в результате данных корректировок, динамики роста ВВП в целом по экономике. В соответствии с ранее представленным алгоритмом, прирост интегрального индекса Альтмана в финансовом секторе экономики на 2 процента обеспечивает рост валового внутреннего продукта на 0,18п.п. (формула 5)

$$\Delta \text{ВВП} = \sum_i^{\text{[Напр.эк.деят.]}} \text{Доля в формировании ВВП}_i * \text{Результат влияния}_i = 0,18\% \quad (5)$$

Заключение (conclusions)

В целом разработанный комплекс методических решений демонстрирует весьма высокий потенциал его использования в построении прогнозных оценок структурных изменений отраслевого развития в национальной экономике в условиях изменения устойчивости развития финансового сектора экономики в рамках интеграции блокчейн технологий в систему операционных и хозяйственных процессов. Это, в свою очередь, может существенным образом расширить исследовательский потенци-

ал, направленный на решение столь важной и актуальной для современной науки и практики задачи, как эмпирическая оценка влияния интеграции в хозяйственную среду технологий распределенного хранения данных. Учитывая, что в подавляющем большинстве случаев ее решение ограничивается использованием методов качественного и экспертного анализа, предложенный инструментарий может значительным образом продвинуть исследования в этой области.

Литература

1. Hayek, Friedrich. Denationalization of Money, 1976. 146 p.
2. Ferrara, P., «Rethinking Money: The Rise Of Hayek's Private Competing Currencies», журнал Forbes. URL: <http://www.forbes.com/sites/peterferrara/2013/03/01/re-thinking-money-the-rise-of-hayeks-private-competing-currencies/> (дата обращения 10.07.2021).
3. The 'Paradox' of Saving» // *Economica*. № 32. P. 32-34.
4. Tiloby, Al. The Impact of Blockchain Technology on Financial Transactions / Dissertation, Georgia State University, 2018. URL: https://scholarworks.gsu.edu/bus_admin_diss/103 (дата обращения 10.07.2021).
5. Сафиуллин М. Р., Абдукаева А. А., Ельшин Л. А., Савушкин М. В. Формализованная оценка сценарного развития национальной экономики в условиях проникновения блокчейн технологий в финансовый сектор // *Вестник университета*. 2020. № 7. С. 154-162.

6. Mougayar, W. (2016). *The Business Blockchain: Promise, Practice, and Application of the Next Internet Technology*: John Wiley & Sons.
7. Сафиуллин М. Р., Абдукаева А. А., Ельшин Л. А. Методические подходы к формализованной оценке закономерностей и тенденций развития блокчейн технологий в регионах // *Креативная экономика*. 2019. Т. 13. № 7. С. 1343-1356.
8. Аксенов Д. А., Куприков А. П., Саакян П. А. Направления и особенности применения блокчейн-технологии в экономике // *Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Экономические науки*. 2018. Т. 11. № 1. С. 30-38. DOI: 10.18721/ЖЕ.11103
9. Пряников М. М., Чугунов А. В. Блокчейн как коммуникационная основа формирования цифровой экономики: преимущества и проблемы // *International Journal of Open Information Technologies*. 2017. Т. 5. № 6. С. 49-55.
10. Kleineberg K.-K., Helbing D. A «Social Bitcoin» could sustain a democratic digital world *The European Physical Journal Special Topics* volume 225, pp. 3231–3241(2016) DOI: 10.1140/epjst/e2016-60156-7
11. Ельшин Л. А., Бандеров В. В., Абдукаева А. А. Методика оценки влияния диффузии блокчейн-технологий на развитие национальной экономической системы (на примере экономики РФ). *Финансы: теория и практика/Finance: Theory and Practice*. 2021. 25(2):145-165. <https://doi.org/10.26794/2587-5671-2021-25-2-143-165>.
12. Поникарова А. С., Зотов М. А., Долгов П. А. Некоторые аспекты реализации технологии «блокчейн» в современных условиях // *Управление устойчивым развитием*. 2018. №4. С. 33-37.
13. Wang A.W. *Crypto Economy. How Blockchain, Cryptocurrency, and Token-Economy Are Disrupting the Financial World*. 2018. Skyhorse Publishing, 148 P.
14. Сопилко Н. Ю. Технология блокчейн и способы ее продвижения в современном мире / Н. Ю. Сопилко, К. Л. Малимон, И. А. Каныков // *Экономика и предпринимательство*. 2018. № 1 (90). С. 606-610.
15. N. W. Mullen, H. Maxwell, and M. Bédard, «Decreasing driver speeding with feedback and a token economy», *Transp. Res. Part Traffic Psychol. Behav.*, vol. 28, pp. 77–85, 2015, doi: 10.1016/j.trf.2014.11.008
16. Altman E.I. Capitalization of Leases and the Predictability of Financial Ratios // *A Comment Accounting Review*. 1976. Vol. 51, № 2. P. 408–412.
17. Рейтинг банков по показателю «величина чистых активов». URL: <https://mir-percentov.ru/banks/ratings/> (дата обращения 08.06.2021).

Сведения об авторах:

©**Ельшин Леонид Алексеевич** – доктор экономических наук, профессор кафедры менеджмента и предпринимательской деятельности, Казанский национальный исследовательский технологический университет, Российская Федерация, Казань, e-mail: Leonid.Elshin@tatar.ru.

©**Хайруллин Дмитрий Айратович** – научный сотрудник Центра стратегических оценок и прогнозов, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Российская Федерация, Казань, e-mail: dimahajrullin@outlook.com.

©**Абдукаева Алия Айдаровна** – старший научный сотрудник Центра стратегических оценок и прогнозов, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Российская Федерация, Казань, e-mail: Aliya.Abdukaeva@tatar.ru.

Information about the authors:

©**Elshin Leonid Alekseevich** – Doctor of Economics, Professor of the Department of Management and Entrepreneurship, Kazan National Research Technological University, Russian Federation, Kazan, e-mail: Leonid.Elshin@tatar.ru.

©**Khairullin Dmitry Airatovich** – Researcher, Center for Strategic Assessments and Forecasts, Kazan (Volga Region) Federal University, Russian Federation, Kazan, e-mail: dimahajrullin@outlook.com.

©**Abdukaeva Aliya Aidarovna** – Senior Researcher, Center for Strategic Assessments and Forecasts, Kazan (Volga Region) Federal University, Russian Federation, Kazan, e-mail: Aliya.Abdukaeva@tatar.ru.

УДК 338.001.36

А. В. Козлов, А. Б. Тесля, А. А. Иващенко

ОЦЕНКА УРОВНЯ ЦИФРОВИЗАЦИИ РЕГИОНОВ С ПРИМЕНЕНИЕМ НЕЧЕТКОЙ ЛОГИКИ

Ключевые слова: интегральный показатель, уровень цифровизации регионов, бизнес, нечеткие множества

Цифровизация и цифровая трансформация бизнеса, как признают многие авторы, является одним из важнейших факторов, способствующих росту благосостояния экономик регионов. Высокая степень дифференциации экономико-географического положения регионов России, и как следствие, дифференциация не только уровня экономического развития территорий, но и потребностей бизнеса в цифровых технологиях, возможностей для цифровизации бизнес-процессов требует учета именно региональной специфики. Это подтверждает большое количество российских исследований, посвященных поиску факторов, позволяющих оценить готовность регионов к внедрению цифровых технологий. Особенностью данного исследования является комплексный подход, который заключается в использовании не только данных статистики или только экспертных оценок, но и того и другого, а также использования теории нечетких множеств в тех случаях, где не наблюдается полноты информации. Авторами предлагался метод исчисления интегрального показателя для оценки уровня цифровизации регионов, разделенный по нескольким уровням, включающий показатели, определяющие внешние условия, показатели, характеризующие степень использования внешних условий бизнесом и показатели, характеризующие общий человеческий потенциал региона. Неоднозначность и абстрактность показателей третьей группы, характеризующие общий человеческий потенциал региона, в том числе способности населения к переобучению, преодолевается с помощью использования теории нечетких множеств. Апробация проведена на примере СПб и Ленинградской области. Дана характеристика общего уровня цифровизации выбранных регионов, выделены аспекты, связанные с низкими значениями некоторых внутренних показателей результирующего интегрального показателя. Проведенный анализ позволил определить факторы, способствующие росту цифровизации в выбранных регионах, в том числе: формирование кадров, создание мотивации к использованию новых технологий, развитие цифровых компетенций у обучающихся высших учебных заведений и у сотрудников организаций. Определена сфера применения показателя на федеральном, региональном и организационном уровнях.

A. V. Kozlov, A. B. Teslya, A. A. Ivashchenko

EVALUATION OF DIGITALIZATION LEVEL OF REGIONS WITH FUZZY LOGIC APPLIANCE

Key words: integrated index, digitalization level of regions, business, fuzzy sets.

Business' digitalization and digital transformation are considered as factors of great importance, according to many authors, to stimulate economic growth of regions. The regional aspect needed to be considered due to high level of the economical and geographical differentiation of Russian regions as far as the opportunities for digitalization of business processes with its technological requirements. The thesis above is confirmed by numerous Russian researches devoted to searching of particular factors allowing the evaluation of regions' readiness to implement digital technologies. The specific feature of this research is the complex approach, which implies not only the statistical data usage, but also the usage of the expert estimation techniques with fuzzy sets theory implementation if an information given is not strict. The authors of this research proposed the method of counting the integrated index to evaluate the digitalization level of regions divided on several levels with the inclusion of indicators defining the external environment, the usage of the external conditions by business and the human potential of region. The ambiguous and abstract conditions of the third-level indicators defining the human potential of region with the population re-education capability are overcome with the fuzzy sets theory implementation. The approbation is carried out on Saint Petersburg and Leningrad region. The characteristics of the general digitalization level of chosen regions defined. Low indicator values of some internal indicators characterized. The conducted analysis has allowed to establish the factors enabling the digitalization growth of the chosen regions including succession pipeline, creating of motivation to use modern technologies, developing students' and employees' digital skills. The application field for federal, regional and organization level was defined.

Введение

Серьезным последствием пандемии COVID-19 явилось замедление экономического роста большинства стран мира [1]. Увеличение темпов экономического роста, обеспечивающего расширенное воспроизводство и рост благосостояния общества, становится ключевой задачей в постковидный период. Одним из важнейших драйверов экономического роста в современных условиях являлись [2] и продолжают оставаться [3] процессы цифровизации всех видов человеческой деятельности. При этом становится понятно, что цифровая трансформация представляет собой сложный, многогранный и мультифакторный процесс, включающий цифровизацию бизнеса, органов государственного управления, социальной сферы, процесс, охватывающий все регионы страны. Именно региональная цифровая инфраструктура представляет собой среду, в которой оперирует местный бизнес, государственные и общественные структуры, так же, как и отдельные граждане. При этом, региональная инфраструктура, с одной стороны, может создавать благоприятные условия для ускорения процессов цифровизации, с другой стороны, может формировать барьеры на пути цифровой трансформации. Поэтому обоснованная оценка уровня развития цифровизации регионов может дать информацию для определения эффективности поддержки процессов цифровой трансформации на региональном и национальном уровне, для сравнительного анализа политик, реализуемых различными регионами, определения регионов-лидеров и использования их передового опыта.

Таким образом, целью исследования явилась разработка метода оценки уровня цифровизации регионов на основе интегрального индикатора, объединяющего с помощью нечеткой логики показатели официальной статистики и экспертные оценки и проверить работоспособность метода на примере регионов России.

Для достижения поставленной цели необходимо решение следующих задач.

- Определить перечень индикаторов, представленных в официальной статистике которые характеризуют уровень цифровизации регионов.

- Определить показатели, не представленные в данных статистики, но важные для оценки уровня цифровизации регионов.

- Сформировать нечеткие шкалы для экспертной оценки выбранных показателей.

- Предложить формулы дефзификации для трансформации нечетких значений в обычные числа.

- Выполнить нормирование полученного списка показателей (при необходимости).

- Предложить формулу расчета интегрального показателя оценки уровня цифровизации регионов.

- Проверить работоспособность метода на примере Санкт-Петербурга и Ленинградской области.

Анализ литературы и постановка проблемы

Многие авторы, в том числе и отечественные, подтверждают положительное влияние цифровизации на экономический рост на макро- мезо- и микроуровнях [4], а также на повышение конкурентоспособности регионов [5,6].

Для экономики России характерна высокая степень дифференциации экономического развития регионов, поэтому большое количество исследований посвящено поиску факторов, обуславливающих экономическое развитие регионов, и факторов, которые могут служить источником экономического роста регионов. Так, в работе [7] выделены основные факторы, обеспечивающие рост эффективности экономики регионов РФ на основе интенсификации инвестиционной деятельности. Работа [8] посвящена проблеме финансирования мероприятий по информатизации бизнеса. В статье [9] приведены результаты анализа адаптации российских регионов к цифровой трансформации. Среди факторов, способствующих росту адаптивности регионов, авторы выделяют высокую диверсификацию деятельности компаний, благоприятные условия для предпринимательства и наличие развитой информационно-коммуникационной инфраструктуры. В статье [10] авторы рассматривают цифровизацию как фактор устойчивого социально-экономического развития региона и отмечают важность рейтинга цифровизации регионов, как основы для формирования объективной оценки достижений заявленных целевых показателей развития цифровой экономики. Высокая дифференциация регионов по уровню доходов, уровню жизни населения, готовности предпринимателей к внедрению, а населения к использованию цифровых технологий, характерная для РФ делает для России необходимым стимулирование этих процессов на государственном и региональном уровнях [11], что так же доказывает целесообразность использования обоснованных интегральных показателей для оценки степени достижения поставленных целей

Актуальность поставленной проблемы управления процессами цифровизации подтверждена многочисленными попытками российских авторов предложить показатели для оценки уровня цифровизации регионов. Так, в

работе [12], все регионы разделены на четыре группы, в зависимости от величины социальных угроз и адаптивных возможностей. По мнению авторов, возможность адаптации российских регионов к цифровой трансформации снижается по мере роста доли государственного сектора в региональной экономике, высоких предпринимательских издержек, отсутствия специалистов с востребованными компетенциями.

В исследовании [13] проведено ранжирование регионов России по уровню цифровизации организаций в период 2013—2018 гг. на основе построения интегрального индекса, состоящего из блоков: цифровая мобильность; цифровое равенство; цифровая экономика; цифровое взаимодействие. Каждый из блоков определяется на основе одного из показателей, представленных в [14], автор планирует использовать полученные результаты для сопоставления с цифровым активизмом населения субъектов РФ.

Другой подход предложен в работе [15], где индекс цифровизации определяется на базе рейтинга субъекта ЦФО. Автор пытается учесть «цифровые особенности развития территорий». Предложена градация субъектов по степени цифровизации, с разделением на группы: «отстающих», «догоняющих» и «лидирующих» регионов.

Среди факторов, определяющих готовность региона к цифровизации и цифровой трансформации, выделяют такой фактор, как креативность. Так в исследовании [16] проведено сравнение регионов по индексам цифровизации и креативности и выявлена высокая корреляция по Пирсону данных показателей. Комплексный индекс креативности пространства, включающий три составляющие: «талант», «технологии», «толерантность», а индекс региональной цифровизации: индекс развития ИКТ, сводный индекс цифровой грамотности и индекс цифровой жизни. Авторы делают вывод о влиянии креативности региона на возможность цифровизации. Полученный результат совпадает с другими российскими [17] и зарубежными исследованиями.

Другим важным фактором, определяющим возможности и скорость цифровизации регионов, ожидаемо, выступает уровень и качество жизни [18]. В работе [19] характеристика цифровой составляющей качества жизни населения определяется на основании ряда ключевых параметров. Рассчитанный региональный индекс цифровой составляющей качества жизни населения позволяет оценить изменения по регионам за 2015–2017 гг. Авторы отмечают, что, несмотря на тот факт, что изменения име-

ют положительную динамику по всем регионам, далеко не во всех региональных программах развития регионов уделяется достаточное внимание вышеперечисленным параметрам цифровизации жизни населения.

Иностранные авторы в целом уделяют меньше внимания анализу региональной составляющей. Однако стоит отметить работу [20], где авторы уделяют внимание социальным аспектам цифровизации, отмечая, что, если услуги переходят в цифровую форму, в регионах со стареющим населением пространственный и социальный цифровой разрыв может увеличиться.

С учетом вышеизложенного, можно считать, что разработка метода на основе комплексного подхода, который заключается в использовании не только данных статистики или только экспертных оценок, но и того и другого, а также использования теории нечетких множеств в тех случаях, где имеется неполнота информации, является актуальной. Это подтверждается большим количеством российских исследований, посвященному поиску факторов, позволяющих оценить готовность регионов к внедрению цифровых технологий, но не использующих комплексный подход.

Методология

Авторами ранее предлагался метод исчисления интегрального показателя для оценки уровня цифровизации регионов [21]. Логически продолжая проводимые авторами статьи исследования, в том числе представленные в [22], с учетом вышеизложенного, предлагается дополнить перечень показателей второго уровня, двумя показателями третьего уровня и шестью эндогенными переменными. Новый интегральный показатель, комплексно характеризующий уровень цифровизации, включает в себя три экзогенных показателя:

1. Показатели, определяющие внешние условия, созданные для реализации процессов цифровой трансформации.

2. Показатели, характеризующие степень использования этих условий организациями и бизнесом.

3. Показатели, характеризующие общий человеческий потенциал региона, определяемые с помощью экспертов с применением нечеткой логики.

Интегральный индикатор рассчитывается на основе исчисления среднего по нормированным значениям показателей, представленных выше.

Результаты

Система показателей (табл. 1) внутри рассматриваемого индекса представляет собой целостную систему, включающую в себя четы-

ре уровня иерархии, с внутренними взаимосвязями между отдельными показателями различ-

ных уровней.

Таблица 1 – Составляющие нового интегрального показателя оценки уровня цифровизации бизнеса

Показатели 2-го уровня	Показатели 3-го уровня	Эндогенные показатели
1. Показатели, характеризующие внешние условия, созданные для реализации процессов цифровой трансформации	1.1 Показатели, характеризующие нормативное регулирование цифрового бизнеса	1.1.1. Оценка делового климата и «легкости» ведения бизнеса
		1.1.2. Оценка уровня нормативного регулирования процессов цифровизации
		1.1.3. Уровень информационной безопасности в использовании цифровых технологий
	1.2 Показатели уровня развития цифровой инфраструктуры	1.2.1. Объем инвестиций в цифровую экономику, доля в общей величине инвестиций
		1.2.2. Наличие специалистов цифровой экономики
		1.2.3. Уровень цифровой грамотности населения
2. Показатели, характеризующие фактическое использование возможностей экономическими субъектами	1.1. Показатели, характеризующие доступ экономических субъектов к ИКТ	2.1.1. Использование персональных компьютеров, % организаций
		2.1.2. Организации, использующие системы электронного документооборота, % организаций
		2.1.3. Использование глобальных сетей, % организаций
		2.1.4. Использование сети Интернет, % организаций
		2.1.5. Из них широкополосный доступ, % организаций
	2.2. Показатели фактического использования возможностей экономическими субъектами	2.2.1. Организации, имевшие Веб-сайт, % от общего числа обследованных организаций
		2.2.2. Использование локальных вычислительных сетей, % организаций
		2.2.3. Организации, использовавшие специальные программные средства, всего % от общего числа обследованных организаций
		2.2.4. Организации, использующие автоматический обмен данными между своими и внешними информационными системами, %
3. Показатели, характеризующие общий человеческий потенциал	3.1 Показатель, отражающий взаимодействие населения с ИКТ	3.1.1. Способность населения к переобучению
	3.2 Показатели индекса человеческого развития (ИЧР), относящиеся к характеристике уровня цифровизации	3.2.1. Индекс образования
		3.2.2. Индекс дохода

Для сформированных в табл. 1 составляющих интегрального показателя был произведен поиск наиболее релевантных данных. В соответствии с одним из принципов формирования индекса, обозначенных в [22], использовались данные, доступные в открытых источ-

никах. В качестве основного источника использовались статистические базы данных Федеральной службы государственной статистики [14]. Оценка делового климата и «легкости» ведения бизнеса определяется в соответствии с Национальным рейтингом состояния инвести-

ционного климата [23]. Рейтинг характеризует благоприятность условий ведения бизнеса и охватывает все 85 регионов Российской Федерации. Методика расчета рейтинга включает в себя анализ 44 показателей, описывающих регуляторную среду субъектов, бизнес-институты, ресурсы, инфраструктуру и степень поддержки малого предпринимательства. Определить непосредственное значение показателя в открытых источниках не представляется

$$\text{ОДК}_{\text{норм}} = 1 - \frac{M_{\text{НРИК}}}{K_{\text{СУБ}}}, \quad (1)$$

где $\text{ОДК}_{\text{норм}}$ – нормированное значение показателя оценки делового климата; $M_{\text{НРИК}}$ – место региона в Национальном рейтинге состояния инвестиционного климата; $K_{\text{СУБ}}$ – общее количество субъектов страны.

Оценка уровня нормативного регулирования процессов цифровизации является одним из самых неоднозначных показателей. Подобный фактор используется в методике расчета индекса «Цифровая Россия», однако, степень соответствия принципу доступности является недостаточной, ввиду отсутствия ссылок на источники информации, используемые экспертами при определении фактора. Было решено использовать индекс, представленный в [24]. Использование данного индекса можно считать корректным благодаря использованию таких переменных, как нормативное регулирование транспортной инфраструктуры, общественной безопасности, государственных образовательных учреждений, учреждений культуры и медицинских организаций. Кроме того, внимание уделяется фактору использования электронного документооборота в организациях. Необходимость нормирования данного индекса отсутствует.

Уровень информационной безопасности в использовании цифровых технологий рассчитывается при помощи двух статистических показателей: доля предприятий, которые используют средства шифрования, и доля предприятий, использующих средства электронной цифровой подписи. Их среднее значение является отражением степени уровня информационной безопасности организаций в регионе. Был изучен международный Глобальный индекс кибербезопасности (Global Security Index), в котором Россия, имея показатель 64,94 из 100, занимает 26 место среди остальных стран. Однако, данный индекс не учитывает региональную специфику и считается только в целом по стране, из-за чего было принято решение использовать другие показатели. Кроме того, рассматривался статистический показатель доли населения, не использующего интернет по соображениям безопасности. Данный показатель

возможным, несмотря на опубликованную общую методику расчета рейтинга. При расчетах нового интегрального показателя, соблюдая соответствующее масштабирование, было решено использовать место в рейтинге, которое занимает регион, относительно общего числа субъектов страны. Нормирование показателя проведено в соответствии с формулой (1).

был исключен из расчетов ввиду его сомнительной причастности к уровню информационной безопасности организаций.

Объем инвестиций в цифровую экономику определяется при помощи соотношения объема инвестированных в основной капитал средств для приобретения оборудования ИКТ (млн. рублей) к общему объему инвестиций в основной капитал в разрезе субъектов РФ (млн. рублей). Был рассмотрен вариант с определением доли инвестированных в ИКТ средств в валовом региональном продукте субъекта, но от него было решено отказаться в пользу показателя, наиболее близкого к затратам организаций.

В качестве показателей для определения эндогенного фактора «наличие специалистов цифровой экономики» изначально рассматривались статистические данные о численности студентов государственных образовательных организаций высшего образования по направлению подготовки «Информатика и вычислительная техника» и численность выпускников вышеназванного направления подготовки. Также были изучены данные о численности занятых в секторе ИКТ в процентах от общей численности занятых и данные по подготовке кадров в области цифровых технологий. Сделан вывод о том, что наиболее подходящим для настоящего исследования статистическим показателем является удельный вес занятых в секторе ИКТ в общей численности занятого населения. Необходимость нормирования отсутствует.

Уровень цифровой грамотности населения решено определять при помощи статистического показателя, отражающего умения населения в отношении использования персональных компьютеров. Росстат предоставляет показатели о навыках работы населения с текстовыми, фото-, видео- и аудиоредакторами, электронными таблицами, навыки в передаче дан-

ных между устройствами и компьютерами. Эндогенный показатель уровня цифровой грамотности населения рассчитывается нахождением среднего арифметического по перечисленным статистическим показателям.

Использование персональных компьютеров и систем электронного документооборота определяется соответствующими показателями, выложенными Росстатом в открытый доступ. Процент организаций, использующих эти технологии, учитывается в статистических сборниках. В соответствии с этим, как дополнительных расчетов, так и нормирования, производить не нужно.

Использование глобальных сетей организациями определяется отношением предприятий, использующих глобальные информационные сети, к общему числу изученных предприятий.

Такие эндогенные факторы, как использование интернета, широкополосного доступа, владение веб-сайтом, использование автоматического обмена данными и использование локальных вычислительных сетей, определены Росстатом по каждому из российских субъектов.

Использование организациями специальных программных средств рассчитывается отношением организаций, использующих специальное программное обеспечение к общему количеству исследованных организаций в регионе. Нормирование не производится.

Способность населения к переобучению можно считать одним из самых неоднозначных показателей, включенных в предлагаемый интегральный показатель. Первоначально планировалось использовать данные статистики, определяющие долю организаций, которые про-

водили обучение сотрудников в области ИКТ и данные о численности работников предприятий, прошедших переобучение, повысивших квалификацию в целях повышения производительности труда. Однако, Росстат в 2015 году прекратил расчет данного показателя. В целях сохранения высокой степени актуальности используемых данных, было принято решение использовать метод нечетких множеств.

Метод нечетких множеств позволяет решать проблемы, связанные с невозможностью подбора определенных критериев, необходимых для расчетов [26]. Неоднозначность и абстрактность показателя способности населения к переобучению делает применение теории нечетких множеств обоснованной применительно к задаче определения данного фактора.

Составлена шкала нечетких значений уровня способности населения к переобучению с присвоением лингвистической переменной (табл. 2).

В качестве исходных переменных были выбраны статистические данные, которые в своей совокупности могут охарактеризовать как общую способность населения к переобучению, так и владение населением цифровыми технологиями разной степени сложности (табл. 3).

Факторы X1, X3 и X4 характеризуют навыки использования населением цифровых технологий, включая сотрудников организаций. Факторы X2 и X5 отражают возможности использования ИКТ обучающимися высших учебных заведений.

Шкала нечетких значений X_i отображена в табл. 4.

Таблица 2 – Шкала нечетких значений уровня способности населения к переобучению

<i>Характеристика</i>	<i>Оценка</i>	<i>Шкала</i>
Способность к переобучению у населения региона крайне низкая. Все показатели ниже средних значений	Очень низкая	$x \in (0; 0,33)$
Три из пяти показателей находятся на уровне ниже среднего.	Низкая	$x \in [0,17; 0,5)$
Способность к переобучению находится на среднем уровне. Недостаточное внимание уделяется обучению и использованию новых технологий.	Средняя	$x \in [0,33; 0,67)$
Население хорошо владеет цифровыми навыками. Стоит обратить внимание на поддержание мотивации к использованию новых технологий и обеспечению необходимых средств для обучения.	Высокая	$x \in [0,5; 0,83)$
Способность к переобучению у населения региона крайне высокая. Все показатели выше средних значений.	Очень высокая	$x \in [0,67; 1]$

Таблица 3 – Факторы и присвоенные им статистические показатели

Факторы	Показатели
X1	Цифровые навыки населения, %
X2	Число персональных компьютеров, используемых в учебных целях, имеющих доступ к Интернету, в расчете на 100 обучающихся по образовательным учреждениям высшего образования, шт.
X3	Доля работников организаций, использовавших персональные компьютеры не реже 1 раза в неделю, в общей численности списочного состава организаций, %
X4	Доля работников организаций, использовавших Интернет не реже 1 раза в неделю, в общей численности списочного состава организаций, %
X5	Удельный вес студентов, обучающихся по образовательным программам высшего образования, в общей численности населения

Таблица 4 – Шкала нечетких значений X_i

Оценка	Терм-множество X1	Терм-множество X2	Терм-множество X3	Терм-множество X4	Терм-множество X5
Очень низкая	16-21	11-55	26-35	9-18	0-1
Низкая	11-31	28-83	28-40	16-26	1-2
Средняя	21-42	55-111	35-50	18-35	2-3
Высокая	31-52	83-138	40-55	26-44	3-5
Очень высокая	42-62	111-166	50-60	44-55	4-6

Полученные значения для Санкт-Петербурга и Ленинградской области равны 0,61 и 0,42 соответственно. Итоговый результат позволяет охарактеризовать способность населения Санкт-Петербурга к переобучению как высокую, а Ленинградской области, напротив, как низкую.

Индекс образования и индекс дохода рассчитываются в соответствии с методикой расчета Индекса человеческого развития [26].

Индекс образования нормируется при помощи нахождения среднего арифметического от суммы индекса средней продолжительности обучения и индекса ожидаемой продолжи-

тельности обучения. Индекс образования в данном исследовании заимствуется из доклада о человеческом развитии Российской Федерации за 2018 год, составленным аналитическим центром при правительстве Российской Федерации. Такое решение принято из-за ограниченной доступности статистических данных об ожидаемой и средней продолжительности обучения в России.

Нормирование индекса образования производится при помощи линейного масштабирования, в соответствии с формулой (2) [11, с. 2].

$$I_d = \frac{x - \min(x)}{\max(x) - \min(x)}, \quad (2)$$

где I_d – нормированное значение индекса; x – значение индекса за исследуемый период; $\min(x)$ – минимальное значение x среди всех исследуемых стран; $\max(x)$ – максимальное значение x среди всех исследуемых стран.

Индекс дохода определяется с использованием формулы (3) [10, с. 2].

$$I_I = \frac{\ln(GNI) - \ln(100)}{\ln(75000) - \ln(100)}, \quad (3)$$

где I_I – индекс дохода; GNI – душевой ВРП по ППС в долларах США.

Максимальное значение принято на уровне 75000 долларов США с отсылкой на то, что, согласно исследованиям, при годовом доходе, больше 75000 долларов США, человеческое развитие остается на том же уровне, что и при доходе, равном 75000 долларов США.

Иными словами, при преодолении данного барьера дохода, уровень жизни можно считать максимально высоким. Только трём странам удалось преодолеть этот барьер.

При этом следует отметить, что 12 эндогенных показателей определяются при по-

мощи статистической базы Росстата, 3 из которых необходимо нормировать. Показатель, отражающий способность населения к переобучению рассчитан с использованием метода нечетких множеств. Статистические сборники, составленные Петростатом, позволяют рассчитать 2 эндогенных показателя, оба из которых требуется нормировать. Оставшиеся показатели рассчитываются при помощи сторонних источников, таких как статистический сборник Цифровая экономика, методические указания к расчетам индекса человеческого развития, национальный рейтинг инвестиционного климата, индекс цифровизации регионов.

Апробация предложенного показателя проведена на примере двух регионов: Санкт-Петербурга и Ленинградской области. Рассчитанные показатели представлены в табл. 5. Отметим, что все эндогенные показатели, входящие в ту или иную группу, равнозначны, весовые коэффициенты эндогенных факторов одинаковы внутри каждого показателя третьего уровня.

Апробация предложенного показателя проведена на примере двух регионов: Санкт-Петербурга и Ленинградской области. Рассчитанные показатели представлены в табл. 5. Отметим, что все эндогенные показатели, входящие в ту или иную группу, равнозначны, весовые коэффициенты эндогенных факторов одинаковы внутри каждого показателя третьего уровня.

Таблица 5 – Показатели третьего уровня

Показатели 3-го уровня	Значение показателя для Санкт-Петербурга		Значение показателя для Ленинградской области	
	2018	2019	2018	2019
Год				
1.1. Показатели нормативного регулирования цифрового бизнеса	0,85	0,84	0,81	0,81
1.2. Показатели уровня развития цифровой инфраструктуры	0,17	0,16	0,15	0,17
2.1. Показатели, характеризующие доступ экономических субъектов к информационно-коммуникационным технологиям	0,90	0,88	0,91	0,89
2.2. Показатели фактического использования возможностей экономическими субъектами	0,76	0,72	0,72	0,72
3.1. Показатель, отражающий взаимодействие населения с информационно-коммуникационными технологиями	0,61	0,61	0,42	0,42
3.2. Показатели индекса человеческого развития (ИЧР), относящиеся к характеристике уровня цифровизации	0,93	0,93	0,83	0,84

Рассчитанные показатели третьего уровня наглядно демонстрируют преимущество цифрового развития Санкт-Петербурга перед Ленинградской областью. Исключением являются некоторые из показателей, характеризующих доступ субъектов к ИКТ. В Ленинградской области, согласно расчетам, доля организаций, использующих персональные компьюте-

ры и системы электронного документооборота, выше, чем в Санкт-Петербурге.

Присвоив показателям третьего и второго уровней одинаковые весовые коэффициенты внутри своих групп, рассчитаем показатели второго уровня и интегральный показатель уровня цифровизации для исследуемых субъектов (табл. 6).

Таблица 6 – Определение уровня цифровизации Санкт-Петербурга и Ленинградской области

Показатели второго уровня	Значения для Санкт-Петербурга		Значения для Ленинградской области	
	2018	2019	2018	2019
Год				
1. Показатели, характеризующие внешние условия, в которых реализуются процессы цифровой трансформации	0,51	0,50	0,48	0,49
2. Показатели, характеризующие фактическое использование возможностей экономическими субъектами	0,83	0,80	0,82	0,80
3. Показатели, характеризующие общий человеческий потенциал	0,77	0,77	0,63	0,63
Уровень цифровизации бизнеса	0,70	0,69	0,64	0,64

Таким образом, по данным за 2018 и 2019 годы, общий уровень цифровизации Санкт-Петербурга и Ленинградской области можно охарактеризовать как достаточно высокий, благодаря высоким значениям фактического использования возможностей предприятиями и организациями, а также высокому показателю уровня общего человеческого потенциала в двух исследуемых регионах.

Снижение значения интегрального показателя для Санкт-Петербурга на 2 % в 2019 году относительно 2018 года объясняется небольшим снижением таких показателей, как уровень информационной безопасности, уровень цифровой грамотности населения, использование организациями персональных компьютеров, глобальных сетей, интернета, широкополосного доступа, локальных вычислительных сетей, специальных программных средств, ав-

томатический обмен данными.

Проведенные расчеты характеризуют внешние условия реализации процессов цифровой трансформации как средние. С учетом того, что внутри каждого из показателей второго и третьего уровней использовались пропорционально одинаковые весовые коэффициенты, можно выявить зону, заслуживающую особого внимания. Невысокое значение показателя внешних условий определяется, в первую очередь, низким значением показателей уровня развития цифровой инфраструктуры, который равен 0,17 для Санкт-Петербурга и 0,15 для Ленинградской области. Уровень развития цифровой инфраструктуры определяется эндогенными показателями объема инвестиций в цифровую экономику, наличием специалистов цифровой экономики и уровнем цифровой грамотности населения (табл. 7).

Таблица 7 – Эндогенные переменные показателя уровня развития цифровой инфраструктуры

Наименование показателя	Значение для Санкт-Петербурга		Значение для Ленинградской области	
	2018	2019	2018	2019
Объем инвестиций в цифровую экономику, доля в общей величине инвестиций	0,03	0,04	0,01	0,01
Наличие специалистов цифровой экономики	0,03	0,03	0,01	0,01
Уровень цифровой грамотности населения	0,46	0,43	0,42	0,48

Из табл. 4 видно, что доля инвестиций на ИКТ-оборудование в общей величине инвестиций и удельный вес занятых в секторе ИКТ в общей численности занятого населения не превышают 4 % для исследуемых регионов.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что особое внимание следует уделить таким факторам, как:

1. Воспитание новых кадров, специализирующихся в секторе информационно-коммуникационных технологий.
2. Поддержание мотивации к использованию новых технологий работниками организаций.
3. Обеспечение высших учебных заведений и организаций современным оборудованием и программным обеспечением.
4. Повышение цифровых компетенций у обучающихся высших учебных заведений и у сотрудников организаций.

Сфера применения, рассчитанного в настоящей работе, интегрального включает в себя три уровня: федеральный, региональный и организационный.

В отношении федерального уровня, интегральный показатель может применяться в качестве сравнительного индикатора. Интегральный показатель позволяет рассчитать зна-

чения уровня цифровизации для каждого региона индивидуально, что позволит произвести сравнительный анализ уровня цифровизации любых субъектов страны между собой.

Региональный уровень сферы применения позволяет выявить аспекты, заслуживающие повышенного внимания административного аппарата субъекта при формировании благоприятной внешней среды функционирования организаций.

Организационный уровень характеризует возможность применения интегрального показателя фирмами, для определения наиболее перспективных, в отношении степени благоприятности внешней среды, рынков.

Заключение

Таким образом, в статье предложен новый метод исчисления интегрального индикатора уровня цифровизации региона, отличающийся учетом не только данных официальной статистики, но и показателями, полученными в результате независимых исследований, а также экспертными оценками, рассчитанными с применением нечеткой логики. Предложенный метод был апробирован на примере Санкт-Петербурга и Ленинградской области. Определены значения всех промежуточных показателей для каждого из рассматриваемых регионов,

рассчитаны показатели второго уровня и определен уровень цифровизации Санкт-Петербурга и Ленинградской области. Используются методы линейного масштабирования и нечетких множеств. Дана характеристика общего уровня цифровизации и выделены аспекты, связанные с низкими значениями некоторых внутренних показателей интегрального показателя. Определена сфера применения интегрального показателя для федерального, муниципального и организационного уровней.

Ограничениями данного исследования можно считать, во-первых, упрощенный подход к исчислению интегрального индикатора без учета весовых коэффициентов отдельных показателей, во-вторых, ограниченный временной период, рассмотренный авторами, в-третьих, выбор только двух регионов Российской Федерации. Дальнейшие исследования

планируется связать с более глубокой проработкой проблемы присвоения весовых коэффициентов всех рассмотренных показателей. Корреляционный анализ может являться инструментом, который позволит выявить взаимосвязь показателей с цифровизацией бизнесов, а также определить степень влияния того или иного фактора на уровень цифровизации субъектов. Планируется произвести тщательное изучение показателя нормативного регулирования процессов цифровизации на предмет возможности самостоятельного вычисления, либо необходимости включения в интегральный показатель. Дополнительное внимание планируется уделить социальным факторам, которые могли бы дополнить индекс человеческого развития, использовавшийся при расчетах в настоящей работе.

Литература

1. Global Economic Prospects. URL: <https://www.worldbank.org/en/news/feature/2020/06/08/the-global-economic-outlook-during-the-covid-19-pandemic-a-changed-world> (дата обращения: 21.07.2021).
2. Moulton B. R. GDP and the Digital Economy, in *Understanding the Digital Economy*. // MIT Press. 2000. P. 34-48.
3. Ганичев Н. А., Кошовец О. Б. Принуждение к цифровой экономике: как изменится структура цифровых рынков под влиянием пандемии COVID-19 // *Проблемы прогнозирования*. 2021. №. 1 (184).
4. Демура Н. А., Ярмоленко Л. И., Кажанова Е. Ю. Цифровизация как необходимое условие экономического развития России и регионов // *Экономика устойчивого развития*. 2019. №. 2. С. 126-130.
5. Панасенкова Т. В., Попова А. А. Влияние цифровизации на конкурентоспособность регионов Российской Федерации // *Вестник Алтайской академии экономики и права*. 2020. №. 8-1. С. 86-90.
6. Коноваленков С. В. Управление устойчивым развитием региона в условиях цифровой экономики // *Управление устойчивым развитием*. 2020. №6. С. 14-22.
7. Чуб А. А. Использование процессов цифровизации в целях развития российских регионов // *Теоретическая экономика*. 2019. №. 2 (50)
8. Батракова Л. Г. Развитие цифровой экономики в регионах России // *Социально-политические исследования*. 2019. №. 1
9. Земцов С., Баринаова В., Семёнова Р. Риски цифровизации и адаптация региональных рынков труда в России // *Форсайт*. 2019. Т. 13. №. 2
10. Татарникова М. А., Рассказова А. А., Правдина О. А. Цифровизация как основа устойчивого социально-экономического развития региона // *Экономика: вчера, сегодня, завтра*. 2020. Т. 10. №. 6-1. С. 82-93.
11. Kurilova A., Antipov D. Methodological approaches to assessing the level of digitalization of countries and regions // *IOP Conference Series: Materials Science and Engineering*. IOP Publishing, 2020. Т. 986. №. 1. С. 012021.
12. Земцов С., Баринаова В., Семёнова Р. Риски цифровизации и адаптация региональных рынков труда в России // *Форсайт*. 2019. Т. 13. №. 2
13. Садырtdинов Р. Р. Уровень цифровизации регионов России // *Вестник Челябинского государственного университета*. 2020. №. 10 (444).
14. Федеральная служба государственной статистики. Мониторинг развития информационного общества в Российской Федерации. URL: <https://rosstat.gov.ru/anketa1-4> (дата обращения: 21.07.2021)
15. Баринов М. А. Мониторинг уровня цифровизации в системе управления социально-экономическим развитием территорий // *Вопросы управления*. 2020. №. 1 (62).
16. Лapidус Л. В. Анализ методик оценки уровня цифровизации через призму приоритетности для развития российских регионов // *Ломоносовские чтения-2019. Цифровая трансформация для укрепления экономического потенциала страны и улучшения качества жизни людей*. 2019. Т. 1. С. 6.

17. Грошев И. В., Краснослободцев А. А. Цифровизация и креативность российских регионов // Социологические исследования. 2020. Т. 5. №. 5. С. 66-78
18. Воробьев А. А., Глебова И. С., Закиров А. М. Уровень жизни как фактор цифровизации регионов России // Финансовая экономика. 2021. №. 1. С. 152-155.
19. Литвинцева Г. П. и др. Оценка цифровой составляющей качества жизни населения в регионах Российской Федерации // Terra Economicus. 2019. Т. 17. №. 3/
20. Löfving L. et al. Can digitalization be a tool to overcome spatial injustice in sparsely populated regions? The cases of Digital Västerbotten (Sweden) and Smart Country Side (Germany) // European Planning Studies. 2021. С. 1-18/
21. Kozlov A., Kankovskaya A., Teslya A. Digital infrastructure as the factor of economic and industrial development: case of Arctic regions of Russian North-West // IOP Conference Series: Earth and Environmental Science. IOP Publishing, 2020. Т. 539. №. 1. С. 012061/
22. Козлов А. В., Тесля А. Б., Иващенко А. А. Формирование системы индикаторов для мониторинга процессов цифровизации национальной экономики // Известия ВУЗов. 2021. № 1. С. 97-107/
23. Национальный рейтинг состояния инвестиционного климата. URL: https://asi.ru/government_officials/rating (дата обращения: 21.07.2021).
24. Воробьев А. А., Глебова И. С., Закиров А. М. Уровень жизни как фактор цифровизации регионов России // Финансовая экономика. 2021. №. 1. С. 152-155.
25. Zadeh L. A. Fuzzy Sets // Information and Control. 1965. Vol. 8, Issue 3. P. 338–353.
26. Human development report. 2014. URL: http://hdr.undp.org/sites/default/files/hdr14_technical_notes.pdf (дата обращения: 21.07.2021).

Сведения об авторах:

©**Козлов Александр Владимирович** – доктор экономических наук, профессор Высшей школы производственного менеджмента, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Российская Федерация, Санкт-Петербург, e-mail: avk-55spb@yandex.ru.

©**Тесля Анна Борисовна** – кандидат экономических наук, доцент Высшей школы производственного менеджмента, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Российская Федерация, Санкт-Петербург, e-mail: anntes@list.ru.

©**Иващенко Артем Александрович** – студент Высшей школы производственного менеджмента, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Российская Федерация, Санкт-Петербург, e-mail: ivashchenkoartyom@yandex.ru.

Information about the authors:

©**Kozlov Aleksandr Vladimirovich** – Doctor of Economics, Professor of the Graduate School of Industrial Management, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, Russian Federation, Saint Petersburg, e-mail: avk-55spb@yandex.ru.

©**Teslya Anna Borisovna** – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Graduate School of Industrial Management, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, Russian Federation, Saint Petersburg, e-mail: anntes@list.ru.

©**Ivashchenko Artyom Alexandrovich** – assistant of the Industrial Management, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, Russian Federation, Saint Petersburg, e-mail: ivashchenkoartyom@yandex.ru.

УДК 332.14:342.24

Н. Ю. Коротина**СИСТЕМНАЯ МЕТОДОЛОГИЯ В ИССЛЕДОВАНИИ ФЕДЕРАТИВНЫХ
ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ**

Ключевые слова: экономика федеративных отношений, экономический федерализм, системная методология, модели экономического федерализма, участники отношений федерализма

В представленной статье федеративные экономические отношения представлены в виде системы, то есть выделены следующие признаки системы: наличие совокупности элементов, целостность, организованность, иерархичность построения, наличие общей цели у всех участников экономического федерализма. Новым в представленной статье является включение в состав участников федеративных отношений сложносоставных субъектов федерации и двухуровневых муниципальных образований, ранее отдельно в качестве самостоятельных участников федерализма не рассматриваемых. В соответствии с полным составом участников выделены все виды взаимосвязей в системе отношений федерализма: между федеральным центром и субъектом федерации, федеральным центром и муниципальным образованием, субъектом федерации и муниципальным образованием, субъектом федерации первого уровня и субъектом федерации второго уровня, муниципальным образованием верхнего уровня и муниципальным образованием поселенческого уровня; а также рассмотрено содержание этих отношений в разрезе территориальной обособленности участников, самостоятельности участников, разграничения государственных функций и ресурсов между участниками, содержания межуровневых взаимодействий, разграничения источников покрытия дефицитов бюджетов соответствующих участников, взаимодействия государственных и рыночных структур. На основе видов взаимодействий предложена авторская типология моделей экономического федерализма, выделены существующие в российской практике тернарная, два различных типа кватернарной и квинтернарная модели.

N.Yu. Korotina**SYSTEM METHODOLOGY FOR RESEARCHING FEDERATIVE ECONOMIC RELATIONS**

Key words: federal relations economy, economic federalism, system methodology, economic federalism models, participants in the federalism relations

Federal economic relations in this article are presented in the form of a system, which has the following features distinguished: the presence of a set of elements, integrity, organization, hierarchy of construction, the presence of a common goal for all participants in economic federalism. The novelty of the article is the inclusion of complex subjects of the federation and two-tier municipalities which were not previously considered as independent participants in federalism, into the composition of the participants in federal relations. All types of interconnections in the system of federalism relations are distinguished in accordance with the full structure of the participants: between the federal center and the subject of the federation, the federal center and the municipal formation, the subject of the federation and the municipal settlement level education; also the content of these relations was considered in the context of the territorial isolation of the participants, the independence of the participants, the delineation of state functions and resources between the participants, the content of inter-level interactions, the delineation of sources of covering the budget deficits of the respective participants and the interaction of state and market structures. Based on the types of interactions, the author's typology of models of economic federalism is proposed, the ternary, two different types of quaternaries and quinternary models are distinguished.

Исследование экономических аспектов федеративных отношений в России остается актуальной задачей уже длительный период времени. Проблемы в этой области связаны с противотечением между декларируемым равенством бюджетных прав участников федерализма, которое не получило трансформации в равенство экономических прав субъектов федера-

ции. Наблюдающееся неравенство экономических прав проявляется в наличии привилегий и льгот в отношениях с федеральным центром, за счет которых отдельные регионы значительно усиливают свое экономическое влияние и экономические возможности. На неравенство в экономических правах указывает существование регионов с льготными, особыми режимами

природопользования, хозяйствования и налогообложения, особый экономический статус у отдельных субъектов, особый механизм предоставления поддержки экономических проектов в «сложносоставных» субъектах Федерации. Такое положение усиливается существующими неформализованными практиками в распределения финансовой помощи из федерального бюджета, прежде всего субсидий экономического характера, а также отсутствием формальных правил распределения дотаций на поддержку мер по обеспечению сбалансированности бюджетов, что приводит к еще большему фактическому экономическому неравенству регионов. Поэтому процесс теоретического и методологического оформления научной системы экономики федеративных отношений является незаконченным, незавершенным. Получение нового знания предполагает необходимость научной рефлексии в области критического анализа традиционных и оценки эффективности новых подходов. Для осмысления процессов развития системы экономического федерализма автор считает целесообразным дополнить методологические подходы, используемые при анализе федеративных отношений, системным подходом. В связи с вышеизложенным в данной статье ставится цель – представить федеративные экономические отношения в качестве системы.

Методология исследования.

Разработка новых методов, приемов, инструментов исследования возможна на основе системной методологии. В общем виде системная методология как направление научного познания представляет собой исследование объекта как системы [1, с. 128-133]. «Целое всегда состоит из частей, а части целостного всегда «обладают отдельностью» [2, с. 169], но системный подход ориентирован на проведение исследования не столько состава частей, сколько их взаимодействия. В его основе лежит целостное рассмотрение объекта исследования как совокупности компонентов, их внутренних взаимосвязей и связей с внешней окружающей средой. Этот подход основывается на классическом определении: система (др.-греч. σύστημα «целое, составленное из частей; соединение») – множество элементов, находящихся в отношениях и связях друг с другом, которое образует определённую целостность, единство [3]. Системная методология «позволяет выявить наиболее общие закономерности пространственно-развития социально-экономических систем, выделить основания для их классификации и выявления источников развития, определить способы изучения возникающих в рамках данной проблематики вопросов функционирования

систем» [4].

С позиций системной методологии федеративные экономические отношения реализуются в форме экономического федерализма, который представляет собой сложную систему экономических отношений и связей друг с другом множества различных территориальных структур, образующих определённую целостность в рамках единого государства.

В системе экономического федерализма в соответствии с требованиями системного подхода выделяются следующие основные признаки сложных систем: 1) наличие совокупности элементов; 2) целостность системы экономического федерализма; 3) организованность системы экономического федерализма; 4) иерархичность построения системы экономического федерализма; 5) наличие общей цели у всех участников экономического федерализма. Рассмотрим каждый из указанных признаков применительно к системе экономического федерализма подробно.

Результаты исследования.

Первый признак системности – наличие совокупности элементов. Федерация представляет собой сложноорганизованную систему. Она состоит из совокупности разнообразных участников: федерального центра, государственно-территориальных образований (субъектов федерации), которые в свою очередь также сложно устроены, имеют в своем составе разные типы муниципальных образований.

В российской практике функционирования федерации присутствуют макросубъекты – федеральные округа, которые не являются конституционной частью административно-территориального деления страны, но относятся к ней фактически и объединяют субъекты федерации для координации реализации федеральных управленческих решений на местах, выполняя в отношениях федерализма регулиющую функцию.

Субъектный состав Российской Федерации имеет сложное институциональное строение, субъекты образованы по трем принципам: государственному (республики), национально-территориальному (автономные округа, автономную область) и административно-территориальному (края, области, города федерального значения).

Сформировавшийся территориальная структура как базовая институциональная оболочка экономического пространства России на макро- и мезоуровнях претерпевает постоянные изменения. Во-первых, сетевая структура федеральных округов была эксплицирована на

«канву» регионального устройства, которая в дальнейшем претерпела изменение (приведшей к увеличению федеральных округов с 7 до 8); во-вторых, территориальная структура эволюционирует под влиянием тенденций интеграции ряда субъектов Федерации, и уменьшению числа субъектов федерации (первоначально с 89 до 83); в-третьих, геополитические события привели к появлению новых субъектов в составе РФ и увеличению их числа до 85; в-четвертых, постоянно идет процесс изменения границ субъектов (в частности, изменены границы Москвы за счет включения в них части территорий Московской области, уточнена граница Санкт-Петербурга с Ломоносовским районом Ленинградской области, изменены границы Республики Дагестан, Хабаровского края, Новосибирской, Оренбургской и Челябинской областей соответственно с Азербайджаном, Китаем и Казахстаном, которые связаны с изменением государственной границы и другие).

Непосредственным действующим участником отношений экономического федерализма являются муниципальные образования [5, с. 62-66], поскольку местный уровень, к компетенции которого относятся вопросы местного значения, действует во всех федеративных государствах, существование института местного самоуправления обусловлено процессом территориальной децентрализации органов управления, и муниципальные образования имеют собственные экономические интересы, которые могут как совпадать, так и входить в противоречия с интересами субъекта. Таким образом, федеративная форма управления государства предполагает значительный перечень самостоятельных функций в экономической сфере федерального центра, субъектов федерации и муниципальных образований. Территории являются важным уровнем, на котором проходят экономические процессы.

Второй признак системности – целостность системы экономического федерализма. Целостность системы федерализма означает, что свойства регионов не сводятся к сумме свойств отдельных его элементов (муниципальных образований, бизнес-структур, населения региона), аналогичным образом свойства федерации не сводятся к совокупности свойств регионов ее образующих.

По мнению Добрынина Н. М. целостность экономического федерализма как системы характеризуется «диалектическим взаимодействием двух противоположных векторов развития [6, с. 71-79]: с одной стороны федеральный центр стремится усилить централистские тенденции для упорядочения

государственного начала и сохранения единства, с другой самостоятельный политический статус субъектов федерации, вызывает стремление увеличить объем их прав и полномочий в рамках федерации».

У каждого субъекта федерации и муниципального образования имеется собственная специфическая роль в жизнедеятельности страны (экономическая, которую регион играет в сфере материального производства, политическая, геостратегическая и др.), которая должна быть эффективно использована в рамках единого экономического пространства страны.

В экономических отношениях федерализма целостность обеспечивается существованием единого экономического пространства как совокупности объединенных субъектов федерации и проявляется в таких институтах, как разделение полномочий между уровнями власти и наделение всех органов власти определенными полномочиями; закрепление на них на постоянной основе соответствующих ресурсов для обеспечения возложенных полномочий; институт государственной финансовой поддержки, обеспечением единого экономического пространства; межрегиональная кооперация и сотрудничество. Целостность как признак системности федерализма достигается соответствующим экономическим регулирующим воздействием на систему.

Третий признак системности – организованность системы экономического федерализма. Организованность системы определяется наличием многообразных упорядоченных экономических связей между участниками, которые в системе экономического федерализма вступают во взаимоотношения по вертикали государственно устройства и по горизонтали пространственно-территориального устройства, а также связаны между собой как путем непосредственного взаимодействия, так и опосредованно в различных сферах деятельности (экономической, финансовой, социальной, производственной, торговой, научно-технической, культурной и других).

Виды экономических федеративных отношений по вертикали иерархии государственно устройства и их содержание представлены в таблице 1.

Таблица 1 – Экономические отношения федерализма, складывающиеся по иерархии государственного устройства

	Экономические отношения федерализма, складывающиеся на уровне:				
	Традиционная теоретическая позиция		Дополняемая автором теоретическая позиция		
Содержание экономических отношений федерализма	<i>Федеральный центр – субъект федерации</i>	<i>Федеральный центр – муниципальные образования</i>	<i>Субъект федерации – муниципальные образования</i>	<i>Субъект федерации первого уровня – Субъект федерации второго уровня</i>	<i>Муниципальные образования верхнего уровня – муниципальные образования поселенческого уровня</i>
Территориальная обособленность участников	Субъекты территориально обособлены в рамках единого геополитического и экономического пространства	Муниципальные образования являются частью экономического пространства региона	Муниципальные образования внутри субъекта территориально обособлены в рамках единого регионального пространства	Автономные округа внутри субъекта федерации первого уровня (области) территориально обособлены в рамках единого регионального пространства	Муниципальные образования поселенческого уровня территориально обособлены в границах муниципального образования верхнего уровня в рамках единого муниципального пространства
Самостоятельность участников	Субъекты федерации обладают политической самостоятельностью и независимостью от федерального центра	Муниципальные образования встроены с системой государственной власти субъекта федерации, ОМСУ являются элементом системы государственного управления	Местное самоуправление является независимым институтом гражданского общества	Автономные округа обладают политической самостоятельностью и независимостью	Местное самоуправление является независимым институтом гражданского общества
Разграничение государственных функций между участниками	Разграничены государственные функции между федеральным центром и субъектами федерации. У каждого субъекта федерации имеются собственные функции	Муниципальные образования обладают собственными функциями	Разграничены функции между региональным центром и муниципальными образованиями. У каждого муниципального образования имеются собственные функции	Разграничены функции между региональным центром и автономным округом. У каждого автономного округа имеются собственные функции	Разграничены функции между муниципальными образованиями верхнего и низового уровней. У каждого муниципального образования имеются собственные функции
Разграничение ресурсов между участниками	Разграничены ресурсы, необходимые для функционирования и развития страны в целом и ее субъектов в соответствии с выполняемыми	Разграничены ресурсы, необходимые для функционирования и развития субъекта федерации и муниципальных образований. У каждого муниципаль-	Разграничены ресурсы, необходимые для функционирования и развития субъекта федерации и муниципаль-	Разграничены ресурсы, необходимые для функционирования и развития субъекта федерации	Разграничены ресурсы, необходимые для функционирования и развития муниципальных образований. У каждого муниципального образования имеются собственные ресурсы

	государственными функциями. У каждого субъекта федерации имеются собственные ресурсы	ного образования имеются собственные ресурсы	ных образований. У каждого муниципального образования имеются собственные ресурсы	первого уровня и автономных округов. У каждого автономного округа имеются собственные ресурсы	
Межуровневые взаимодействия	Федеральные трансферты на социально-экономическое развитие регионов	Федеральные трансферты на социально-экономическое развитие муниципальных образований	Трансферты из региональных бюджетов на социально-экономическое развитие муниципальных образований. Передача части федеральных трансфертов, передача части федеральных и региональных налогов	Трансферты из бюджетов области автономным округам в рамках государственных программ	Муниципальные трансферты на социально-экономическое развитие муниципальных образований поселенческого уровня. Передача части федеральных и региональных трансфертов, передача части федеральных, региональных, местных налогов
Разграничение источников покрытия дефицитов бюджетов	Разграничены источники покрытия дефицитов федеральных и региональных бюджетов	Самостоятельно привлекаемые источники покрытия дефицитов местных бюджетов	Самостоятельно привлекаемые источники покрытия дефицитов региональных и местных бюджетов	Самостоятельно привлекаемые источники покрытия дефицитов бюджетов автономных округов	Самостоятельно привлекаемые источники покрытия дефицитов местных бюджетов
Взаимодействия государственных и рыночных структур	Особые налоговые режимы при реализации отдельных региональных проектов, государственные трансферты на приоритетное развитие отдельных отраслей и бизнес-структур, бюджетные кредиты бизнес-структурам	Особые налоговые режимы для отдельных видов муниципальных образований, государственные трансферты на приоритетное развитие отдельных бизнес-структур, бюджетные кредиты бизнес-структурам	Налоговые льготы по региональным налогам для отдельных видов муниципальных образований, государственные трансферты на приоритетное развитие отдельных бизнес-структур, бюджетные кредиты бизнес-структурам	Поддержка инвестиционных проектов, строительство и реконструкция объектов социальной сферы, обеспечивающих оказание услуг всему населению, в том числе в автономных округах	Налоговые льготы по местным налогам для отдельных видов муниципальных образований, муниципальные трансферты на приоритетное развитие отдельных бизнес-структур, бюджетные кредиты бизнес-структурам

Новым в представленной авторской типологии является, во-первых, включение отношений сложносоставных субъектов федерации,

когда субъект федерации первого уровня (область, в состав которой входит самостоятельный субъект – автономный округ) вступает в федеративные отношения с субъектом федерации второ-

го уровня (автономный округ). В России таковыми являются Тюменская область, в состав которой входят Ханты-Мансийский автономный округ – Югра и Ямало-Ненецкий автономный округ, а также Архангельская область с входящим в нее Ненецким автономным округом. Отношения указанных субъектов первого и второго уровня складываются в рамках отдельных государственных программ, например, государственной программы Тюменской области «Сотрудничество», которой предусмотрены меры по организации, осуществлению и поддержке инвестиционных проектов, строительству и реконструкции объектов социальной сферы, обеспечивающих оказание услуг всему населению Тюменской области, в том числе населению ХМАО и ЯМАО, поддержка отдельных категорий населения в рамках внутриобластных миграционных процессов. Во-вторых, в типологию включены отношения на муниципальном уровне двухуровневой схемы муниципального устройства (муниципальный район с входящими в него поселениями и городской округ с внутригородскими районами с входящими в него внутригородскими районами), между муниципалитетами верхнего и поселенческого уровней складывается самостоятельный вид отношений федерализма по вертикали государственного устройства, поскольку в них присутствуют все составляющие элементы системы бюджетного федерализма (разграничение функций, разграничение доходных источников, межбюджетное перераспределение средств).

По мнению автора, складываются следующие типы моделей федеративных отношений по составу участников:

– тернарная – в случае участия в отношениях односоставных муниципальных образований (3 участника – федеральный центр, субъекты федерации, муниципальные образования). Примером тернарной модели служат отношения между федеральным центром, Республикой Татарстан и городским округом Набережные Челны; или федеральным центром, городом федерального значения Москва и Пресненским муниципальным округом.

– кватернарная I типа – в случае участия в отношениях сложносоставных муниципальных образований (4 участника – федеральный центр, субъекты федерации, муниципальные образования верхнего уровня – муниципальные образования поселенческого уровня). Примеры кватернарной модели I типа: «Федеральный центр – Свердловская область – Байкаловский муниципальный район – Баженовское сельское поселение»; или «Федеральный центр – Челябинская область – Челябинский городской округ с внутригородским делением – Тракторозаводской внутригородской район».

– кватернарная II типа – в случае участия в отношениях сложносоставных субъектов федерации и односоставных муниципальных образований (4 участника – федеральный центр, субъект федерации первого уровня (область, в состав которой входит автономный округ) – субъект федерации второго уровня (автономный округ в составе области) – муниципальные образования). Примером кватернарной модели II типа являются взаимодействия в рамках государственных программ Тюменской и Архангельской областей, в состав которых входят автономные округа: «Федеральный центр – Тюменская область – Ханты-Мансийский автономный округ – городской округ Нефтеюганск».

– квинтернарная – в случае участия в отношениях сложносоставных субъектов федерации и сложносоставных муниципальных образований (5 участников: федеральный центр, субъект федерации первого уровня (область, в состав которой входит автономный округ) – субъект федерации второго уровня (автономный округ) – муниципальные образования верхнего уровня – муниципальные образования поселенческого уровня). Пример: «Федеральный центр – Тюменская область – Ямало-Ненецкий автономный округ – Надымский муниципальный район – Кутопьюганское сельское поселение».

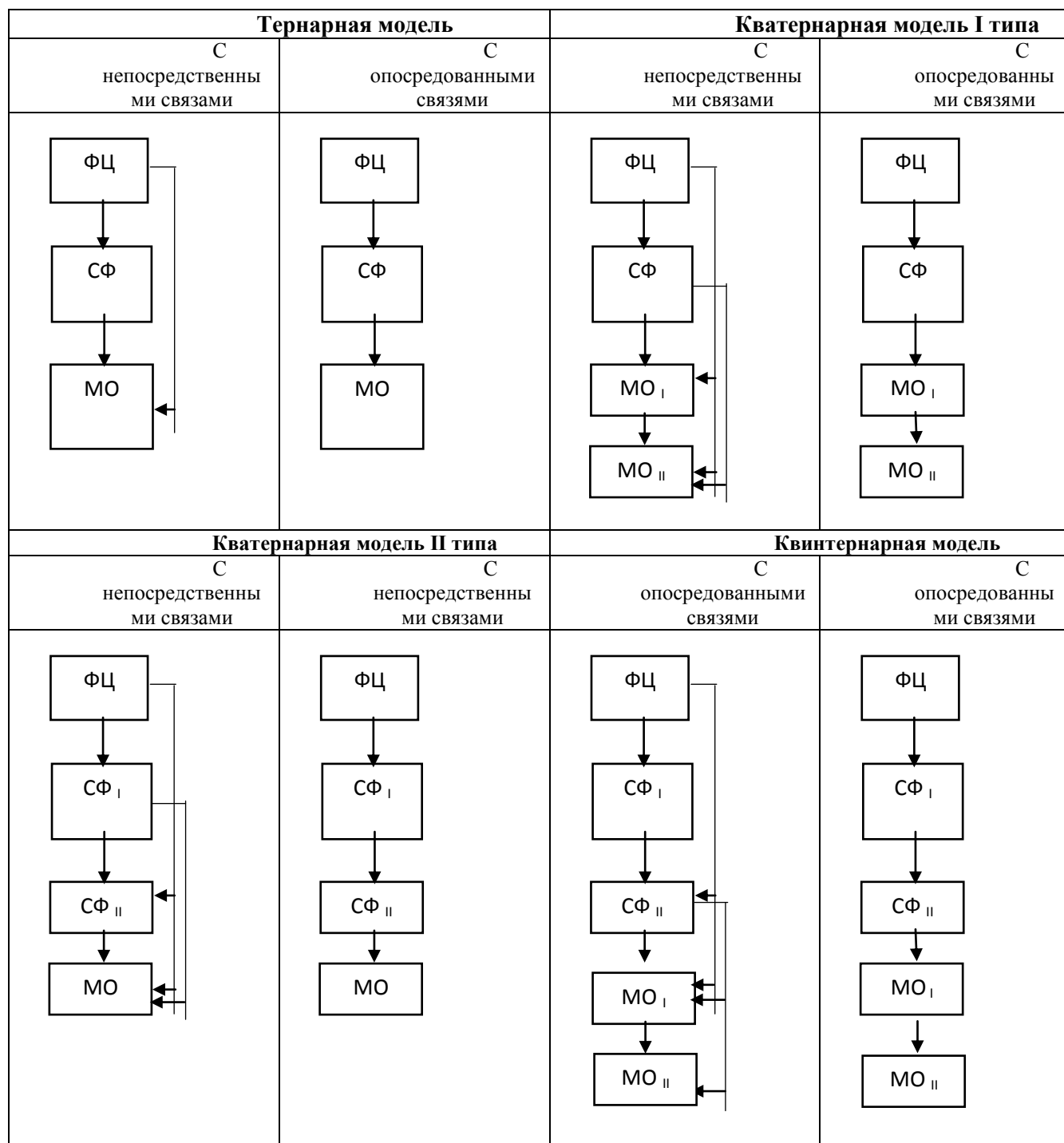
По способу взаимодействия участников в системе федерализма выделяем модели с непосредственными и опосредованными связями. К непосредственным связям относятся такие, в которых нет «посредника»: федеральный центр взаимодействует с субъектами федерации, субъекты федерации с односоставными муниципальными образованиями или муниципальными образованиями верхнего уровня, муниципальные образования верхнего уровня с муниципальными образованиями поселенческого уровня.

Связи федерального центра с муниципальными образованиями складываются преимущественно опосредованно, через субъект федерации; это касается способов регулирующего воздействия, межуровневого взаимодействия в процессе перераспределения экономических ресурсов, которое проявляется в виде перераспределения трансфертов, кредитов, государственных гарантий, выборе приоритетных направлений и создания институтов развития.

Но в отдельных случаях возникают непосредственные отношения между федеральным центром и муниципалитетами, играющими особую роль в развитии страны. В качестве частных примеров могут быть приведены взаимоотношения федерального центра с городскими округами, являющимися закрытыми административно-территориальными образованиями; с моногородами; с городами-миллионниками не являющи-

мися субъектами федерации; наукоградами, туристско-рекреационными зонами, с портовыми городами, городами, относящимися к территориям опережающего развития, и прочее.

Схематично авторское представление типов моделей федеративных отношений представлено на рисунке 1.

Сокращения: ФЦ – федеральный центр, СФ_I – субъект федерации верхнего уровня (область, в состав которой входит автономный округ), СФ_{II} – субъект федерации второго уровня (автономный округ в составе области), МО – муниципальные образования, МО_I – муниципальные образования верхнего уровня, МО_{II} – муниципальные образования поселенческого уровня

Рис. 1 – Авторская типология моделей федеративных отношений по составу участников и способам взаимодействия

По горизонтали государственно-территориального устройства складываются отношения:

– между отдельными регионами и группами регионов (межрегиональные);

– между отдельными муниципалитетами одного уровня (межмуниципальные, в том числе межрайонные и межпоселенческие).

«Вертикальные» (иерархические) отношения определяют пространственный ресурсно-институциональный каркас экономического федерализма, а «горизонтальные» (сетевые) отношения определяют структурно-динамические и технологические характеристики региональных экономик, что в итоге влияет и на развитие национальной экономики в целом [7, с. 7-12].

Таким образом, в системе экономического федерализма складываются многосубъектные отношения. Все эти виды отношений существуют не в отрыве друг от друга, а в тесной взаимосвязи и взаимозависимости. Изменения в отношениях федерального центра и субъектов федерации влекут за собой изменения во внутрирегиональных и внутримunicipальных отношениях [8, с. 7-11].

Также система федерализма характеризуется внутренней неоднородностью, которая выражается в разном характере отношений между участниками, что выражается в первую очередь в разных объемах финансовой помощи, действующих налоговых льготах, введению дифференцированных ставок налогов, правилах (или их отсутствии) в распределении трансфертов [9].

Четвертый признак системности – иерархичность построения системы экономического федерализма вытекает из конституционного закрепления двух самостоятельных уровней государственной власти, каждая из которых сопровождается наличием соответствующих властных институтов, а также двухуровневой системой организации местного самоуправления. Ветви власти (федеральная, региональная и муниципальная) построены по одному структурному принципу, и каждая занимается управлением в своем масштабе (в национальном, в региональном, в муниципальном: районном или поселенческом). При реализации совместных полномочий власти субординированы, региональная власть подчинена федеральной, муниципальная подчинена региональной, поселенческая подчинена районной. При разграниченных полномочиях соотношение между функциями и их обеспечением основывается на субсидиарном принципе, когда функции распределяются в зависимости от того, на каком уровне задачи могут быть адекватнее поставлены и полноценнее решены [10]. Субсидиарность

распределения государственных полномочий (прав и обязанностей) между центром и субъектами составляет суть экономического федерализма.

Пятый признак системности – общая цель у всех участников отношений федерализма. Целью федерализма является обеспечение устойчивого экономического развития страны-федерации в целом (в виде стабильного роста валового продукта, инвестиций, товарооборота и других экономических показателей) и каждой из его территориальных систем в отдельности [11], а также достижение общих для всех членов задач в сферах национальной обороны и безопасности, здравоохранения, образования, культуры, искусства, физической культуры, социальных гарантий и др. Развитие отдельных территорий позволяет развиваться стране в целом.

Выводы.

Рассмотрение федерализма в таком аспекте концентрирует внимание на следующих положениях:

– федерация как макросубъект состоит из комплексных субординированных единиц (регионов), не равных по величине и пластичности реакций, характеризующихся распределенностью функций;

– внутренние вертикальные и горизонтальные взаимосвязи в системе федерализма относятся, с одной стороны, к элементам экономической структуры, с другой, способны играть самостоятельную роль в обеспечении стабильности всей системы. Это позволяет говорить о сложной природе мотивов деятельности всех субъектов: решения могут быть индуцированы как реакцией на внешние импульсы, так и являться результатом разрешения противоречий внутренней несогласованности или нарушений в организационной структуре субъекта.

– структурная рассогласованность вызывает неустойчивость федеративной системы, что оказывает воздействие на состояние и параметры системы экономического федерализма. Сбалансированность экономики является функцией организационной структуры.

– сложная структура макросубъекта и широкий спектр возможных направлений его действий требует институционального оформления, фиксирующего статус, функции, каналы взаимодействий, снижающего вероятность дестабилизации по структурным причинам. Федеральный центр инициирует разработку институциональных норм рыночной среды и своей собственной деятельности.

Таким образом, применение системной методологии позволило продемонстрировать многосубъектность отношений в системе эко-

номических отношений федерализма, образование сложных связей между всеми участниками федерализма, проследить присутствие в экономическом федерализме всех признаков системности: наличие совокупности элементов, целостность, организованность, иерархичность построения, общность конечной цели у всех участников, что позволяет говорить об эконо-

мическом федерализме как системе; рассмотреть участников федерализма в качестве обладающих в системе экономического федерализма собственной функциональной значимостью, которая объясняет целесообразность их вхождения в систему федерализма, рассмотреть виды взаимоотношений между участниками экономического федерализма.

Литература

1. Методологическая платформа исследования взаимообусловленной системы «конкурентоспособность – безопасность» / И.П. Данилов, С.Ю. Михайлова, В.В. Никитин, Е.А. Матвеев // Актуальные проблемы экономики и права. 2013. № 2(26). С. 128–133.
2. Богданов А. А. Тектология (всеобщая организационная наука). М.: Экономика, 1989. 304 с.
3. Система // Большой Российский энциклопедический словарь. М.: БРЭ. 2003. С. 1437
4. Татаркин А. И. Саморазвитие территориальных социально-экономических систем как потребность федеративного обустройства России // Экономика региона. 2013. №4. С. 9–26.
5. Коротина Н. Ю. Муниципальные образования как участники отношений экономического федерализма // Социум и власть. 2017. № 6 (68). С. 62–66.
6. Добрынин Н. М. Российский федерализм и федерация: конъюнкция смыслов и реалий // Российский юридический журнал. 2020. № 2 (131). С. 71–79.
7. Минакир П. А. Институциональные отображения пространственного развития // Пространственная Экономика 2016. №4. С. 7–12.
8. Коротина Н. Ю. Внутрирегиональные межбюджетные отношения в системе бюджетного федерализма на муниципальном уровне // Теория и практика мировой науки. 2018. № 10. С. 7–11.
9. Лысенко А. Н. Система социально-экономической безопасности региона: сущность, структура, угрозы, механизм управления // Управление устойчивым развитием. 2019. №2. С. 32-39.
10. Лексин В. Н. Бюджетная децентрализация: система понятий в контексте мирового опыта // Бюджетный федерализм и финансовое управление на местном уровне. М.: РАГС, 2002.
11. Фомин Н.Ю., Дырдонова А.Н., Зинурова Р.И. Формирование территориально-производственных кластеров как эффективный механизма развития региональной экономики // Вестник Казанского технологического университета. 2014. Т. 17. № 12. С. 384-387.

Сведения об авторе:

©**Коротина Наталья Юрьевна** – кандидат экономических наук, доцент, заведующий кафедрой экономики, финансов и бухгалтерского учета, Челябинский филиал Российской академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Российская Федерация, Челябинск, e-mail: korotina-nyu@ranepa.ru.

Information about the author:

©**Korotina Natalia Urievna** – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Economics, Finance and Accounting, Chelyabinsk branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Russian Federation, Chelyabinsk, e-mail: korotina-nyu@ranepa.ru.

УДК 338.48

И. В. Крюкова, Е. Н. Яковлева

КЛАСТЕРНОЕ РАЗВИТИЕ СФЕРЫ ГОСТЕПРИИМСТВА РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ НА ПРИМЕРЕ ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ

Ключевые слова: инновации в туристической индустрии, виды инноваций в туризме, инновационная активность, управление инновационным развитием

Необходимость приспособления к вызовам меняющихся экономики, политики, культуры, социума, окружающей природной среды актуализируют развитие кластерного подхода в управлении туризмом. Целью настоящего исследования является апробация авторского подхода к анализу и выработке решений по управлению кластерным развитием региональных туристических систем. В качестве основных результатов работы можно обозначить три составляющих. Во-первых, выполнена систематизация видов кластерной модели в туризме, которая позволяет определить направления структурных изменений в отрасли и удерживать в поле внимания все возможные пути кластерного развития. Во-вторых, использован региональный подход к выявлению ключевых особенностей, трендов и текущего уровня развития туристской отрасли; обнаружены узкие места и неиспользованные возможности для разработки стратегических инициатив. В-третьих, предлагается сопоставлять выявленные региональные проблемы и возможности с системой видов кластерных моделей в туризме для разработки практических рекомендаций по повышению активности предприятий туристической индустрии. Результаты работы могут использоваться в региональном стратегическом и оперативном управлении туркластерами.

I.V. Kryukova, E.N. Yakovleva

INNOVATIONS IN THE DEVELOPMENT OF TOURISM IN THE RUSSIAN REGIONS ON THE EXAMPLE OF VOLOGDA REGION

Key words: innovations in tourism industry, types of innovation, innovation activity, management of innovation development.

The need to adapt to the challenges of changing economies, politics, culture, society and the environment actualizes the development of an innovative component in tourism management. As long-term factors of the current stage of tourism development, we note the ongoing economic crisis, increased competition in the markets of goods and services, changes in the structure of the world economy, demographic crisis, strengthening of socio-cultural, economic, demographic polarization, «aging» of the population, energy and environmental crisis, global climate change, increased income inequality and others. This study proposes and tests the author's approach to the analysis and development of solutions for the management of innovative development of regional tourism systems. Three components can be identified as key outputs. First, the types of innovation in tourism have been systematized. It allows to determine the directions of structural changes in the industry and not to miss any of the opportunities of innovative development. Secondly, a regional approach has been used to identify key features, trends and the current level of development of the tourist industry. Bottlenecks and untapped opportunities for developing strategic initiatives have been identified. Third, it is proposed to compare the identified regional problems and opportunities with the system of types of innovation in tourism in order to develop practical recommendations to increase innovation activity of tourism industry enterprises. The results of the work can be used in the regional strategic and operational management of tourism clusters.

Введение. Существенным фактором для успешного развития экономики регионов, формирования имиджа и брендинга территорий является создание целостной системы управления сферой гостеприимства и ее совершенствования путем объединения в форме сетевых предпринимательских образований. Среди множества различных предпринимательских сетей, наиболее

известными являются кластерные модели взаимодействия [1,21].

В кратко- и среднесрочном плане наиболее серьезные угрозы туристическому бизнесу несет сегодня пандемия коронавируса, из-за чего происходит «очищение» от неконкурентоспособных фирм, развитие цифровых инноваций для рыночного продвижения и организации удаленного доступа клиентов к виртуальным туристическим услугам, увеличение

спроса на реальные турпродукты внутри страны (чему способствуют и правительственные меры поддержки).

Гибко реагировать на глобальные вызовы, укреплять конкурентоспособность в непредсказуемо меняющихся условиях, максимально использовать территориальные преимущества в туризме позволяет кластерный подход. В Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации до 2035 года пути перехода на инновационный путь развития с помощью создания перспективных высокотехнологичных кластеров выделены как приоритетные. Кластерное развитие туристской отрасли достаточно широко изучается в современной научной литературе. Теоретико-методологическим аспектам данной проблематики уделяют внимание такие зарубежные авторы как М. Портер [9], и др., и российские – В. М. Корабельникова и Д. В. Костюкевич, М. П. Войнаренко А. А. Асаул и др. В поле внимания ученых сегодня находятся отраслевые особенности и виды кластеров в туризме, институциональные факторы кластерного развития, цифровизация отрасли и др, а также другие вопросы. Тем не менее, недостаточное внимание уделяется исследованию территориальных особенностей туристского бизнеса в разрезе функционирования кластеров. На наш взгляд, такой матричный подход, когда изучение исторических, институциональных, экологических, природно-климатических и иных особенностей территорий накладывается на исследование потенциальных видов туристских форм кластерной деятельности, позволяет сформулировать как стратегические, так и оперативные направления эффективного развития региональной туристской индустрии.

Целью настоящего исследования является апробация матричного подхода в анализе особен-

ностей и выработке предложений по развитию кластерного подхода в региональной туристской индустрии. Актуальность темы обусловлена сложившейся высокой конкуренцией в отрасли с одной стороны, и ростом экономических рисков с другой. Современные неблагоприятные условия экономического кризиса, помноженные на проблемы пандемии коронавируса, крайне неблагоприятно отражаются на мировой индустрии туризма. Впоследствии рано или поздно рынок туруслуг восстановится, а, следовательно, в сложных современных условиях необходимо планировать внедрение инновационных технологий, отталкиваясь от достигнутого уровня развития.

Методы. В настоящей работе авторы вначале изучают основные виды кластеров в сфере туризма на основе интеграции научных классификаций разных авторов. Затем на примере Вологодской области исследуются особенности развития туризма и его инновационная активность. Для чего применяется инструментарий статистического анализа. Репрезентативность выводов обеспечивается графическим представлением числовых данных. Для анализа региональной специфики кластерного развития туризма применен матричный подход, модельные представления которого приведены на рисунке 1. Суть данного метода заключается в изучении региональных особенностей развития туркластера в разрезе систематизированных авторами видов условия создания кластеров. Это дает возможность выявить видовые блоки инноваций, которые не используются или используются слабо, а также учесть местные особенности (климатические, исторические, географические и другие) в формулировке проблем и перспектив кластерного развития туризма.

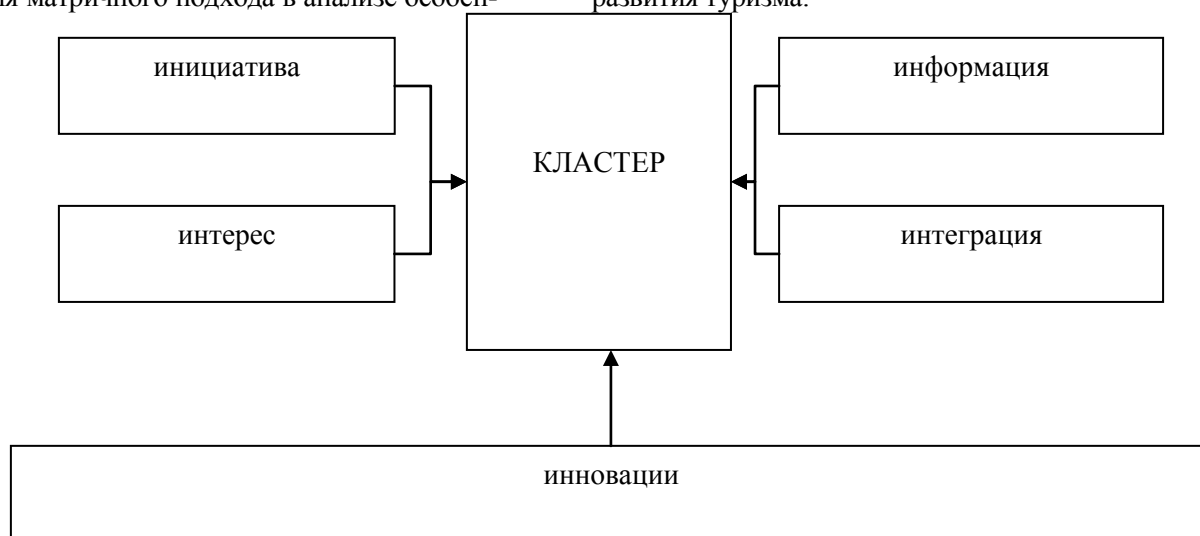

Рис. 1 – Аналоговая модель матричного подхода к анализу кластерного развития региональных туристских кластеров [составлено авторами по материалам исследования]

Исследование ключевых драйверов роста предприятий туриндустрии Вологодской области в разрезе основных видов инноваций в рамках матричного подхода позволило выявить ключевые проблемы отрасли. Опираясь на собственный исследовательский опыт и выводы, отраженные в научных публикациях, авторы разработали рекомендации по развитию отдельных видов инноваций в туристском кластере региона. Источниками информации послужили данные официальных сайтов органов государственного управления, Росстата и др.

Практики реализации кластерных моделей и технологий в предпринимательской деятельности. При разработке собственной модели управления сферой гостеприимства в качестве прототипа мы выбрали модель организации управления, для которой характерно: разделение органов регулирования предпринимательской деятельности в сфере гостеприимства на две: а) создание нормативно-правовой

базы для сферы гостеприимства, обработки статистической информации, координации видов экономической деятельности в регионе, сотрудничестве на международном уровне; б) маркетинговая – компетенцией, которой является создание образа региона, участие в выставках и управление представительствами в других регионах, кроме этого, государственные органы курирующие туризм активно взаимодействуют с муниципалитетами и предпринимательским сообществом с целью уменьшения государственных расходов за счёт внедрения механизмов государственно-частного партнерства. Для этой модели характерно использование не только рыночных методов управления, но и государственного регулирования, которое становится основой для управления.

В таблице 1 выполним систематизацию мнений российских и зарубежных авторов о видах инноваций в туризме.

Таблица 1 – Классификация форм сотрудничества между взаимодействующими предпринимательскими структурами в кластере

Признак классификации	Форма взаимодействия	Источники
Принадлежность участников к определенному виду экономической деятельности (ВЭД)	– внутри ВЭД; – межвидовая экономическая деятельность.	[2, 4, 8, 17]
Виды сотрудничества	– на договорной основе; – кооперация; – интеграция	[2, 5, 8, 14, 16, 18]
Направление взаимодействия	– вертикальная; – горизонтальная; – смешанная	[2, 4, 11, 18]
Плотность взаимосвязей	– самостоятельные предпринимательские структуры; – родственные предпринимательские структуры	[1]
Стойкость взаимосвязей	– стабильная; – неустойчивая	[1, 12, 13, 16]
Функциональные сферы взаимодействия	– технологический процесс; – маркетинг; – финансы; – управление и т. п.	[1, 6, 13]
Тип взаимодействия	– технологическая; – финансово-экономическая; – организационная (административная)	[1, 19]
Количество взаимосвязей между участниками	– двусторонние взаимосвязи между участниками; – многосторонние взаимосвязи между участниками	[1, 3, 9, 16, 10]
Модели взаимодействия	– франчайзинг; – аутсорсинг; – стратегический альянс	[1, 3, 7, 9, 15]

[составлено авторами по материалам исследования]

Кроме того, для каждого из типов кластеров Е. В. Бородкиной разработаны меры государственной поддержки. Так, для рыночных кластеров предлагается предоставление прямой финансовой и организационной поддержки,

инфраструктурное развитие территории, институциональная и информационная поддержка; для квазирыночных — идентификация базовых видов предпринимательской деятельности и его интересов, институциональная и организацион-

ная поддержка; для административных — инициация, прямое инвестирование, организация и финансирование производственной деятельности [12].

Характеристика текущего состояния и государственного управления сферой туризма в Вологодской области. Развитие туризма является одним из приоритетных направлений Стратегии социально-экономического развития Вологодской области на период до 2030 г. Область располагает обширными историческими, культурными, экологическими, рекреационными туристскими ресурсами: на территории располагается более 3,5 тыс. объектов культурного наследия и 200 особо охраняемых природных территорий, в том числе 2 – федерального, 180 – регионального и 18 – местного значения, 11 населенных пунктов отнесены к категории исторических городов России. Во всероссийском и мировом масштабе широко известны историко-культурные и туристские бренды: «Великий Устюг – родина Деда Мороза», «Вологодское масло», «Вологодское кружево» и другие. Высокую оценку федеральных властей получают проекты продвижения бренда «Вологодская область – душа Русского Севера», товарный знак и система доброволь-

ной сертификации «Настоящий Вологодский продукт».

По данным Росстата в последние годы наблюдался рост спроса на отечественные туристические услуги на фоне снижения потребности в зарубежных. Причинами этого являются значительное увеличение цен на зарубежные туры (в основном из-за резкого ослабления курса рубля в 2014 г.) и снижение реальных доходов населения: путешествие по России, как правило, обходится дешевле. Кроме того, растет качество оказываемых российских турслуг, развивается инфраструктура, в том числе за счет инновационных процессов. Аналогичные тренды характерны и для Вологодской области (рис. 2). Количество реализованных пакетов турфирмами в регионе с 2010 по 2018 гг. в целом снизилось на 6,7 %, а в туров по России выросло на 35,8 %. Численность российских туристов, обслуженных региональными фирмами (в чел.) за этот период увеличилась на 12 %, в том числе по Вологодской области – на 16 %. Тем не менее, туристский потенциал региона используется не в полном объеме, что означает возможность наращивания притока туристов за счет применения инноваций.

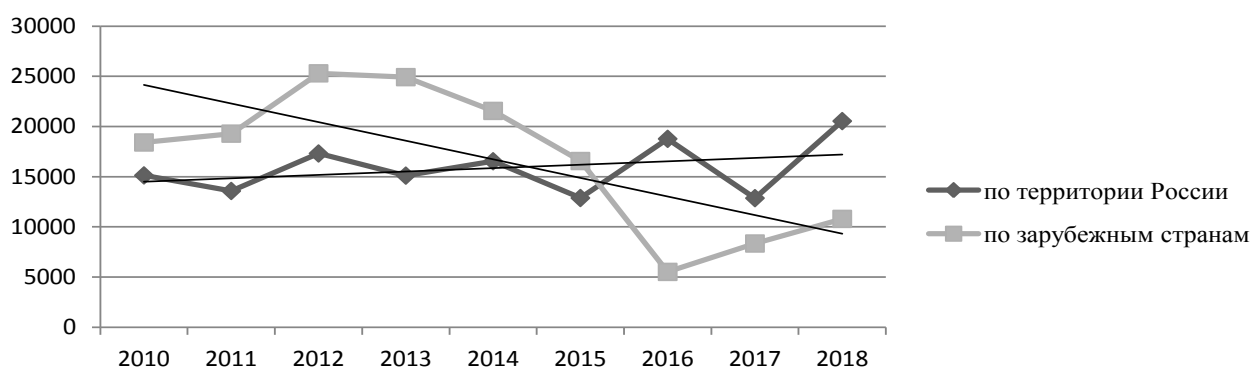

Рис. 2 – Динамика и линейный тренд числа реализованных гражданам России туристских пакетов туристскими фирмами Вологодской области, единиц [составлено авторами по данным Росстата]

В 2014 году в Вологодской области был сформирован туристский кластер с целью позиционирования региона как центра туризма СЗФО и создания еще одного драйвера социально-экономического развития. Он представляет собой сосредоточение и взаимодействие предприятий и организаций, занимающихся разработкой, производством, продвижением и реализацией туристского продукта, а также деятельностью, смежной с туризмом и рекреационными услугами. В рамках кластера реализуются проекты Туристско-рекреационный парк «Стризнево»; про-

ект «Обонежье», субкластер Вытегра; Вологодские уроки; Серебряное ожерелье ДЕТЯМ и др.

По информации ТурСтат (Рейтинг: Лучшие Туристические Регионы России 2018. URL: <http://turstat.com/toptravelrussiaregion2018>) Вологодская область вошла в топ самых туристических городов и регионов России по популярности в 2018 году. Рейтинговое агентство «Эксперт-РА» позиционирует Вологодскую область на 11 месте в РФ по туристскому потенциалу и на 3 месте в СЗФО по суммарному туристскому потоку. Такие высокие позиции в российских

рейтингах говорят о развитости и значительном потенциале сферы туризма в регионе.

Анализ кластерных технологий в сфере туризма в Вологодской области. По данным Департамента культуры и туризма ВО туристский поток в последние годы постоянно растет. На территории области функционируют свыше 320 коллективных средств размещения, реализуется более 300 туристских маршрута.

На основе матричного подхода выделим четыре блока инноваций в туризме Вологодской области.

1. Новые виды туризма: детский и образовательный. С 2018 года реализуется проект по образовательному туризму «Вологодские уроки». Также развитие получает детский активный туризм.

2. Информационное обеспечение. Портал vologdatourinfo.ru признан лучшим по итогам Международного конкурса «Лучший туристский портал». Среди инноваций в данном портале стоит отметить:

– аудиогиды. В 2018 году выпущен второй аудиогид «В гости к Дедушке Морозу», предназначенный для автотуристов, путешествующих из Вологды в Великий Устюг.

– виртуальные туры (виртуальный тур по этнографическому музею «Семеново», виртуальная экскурсия по сказочным владениям Деда Мороза, аэропанорама ансамбля Кирилло-Белозерского монастыря, святыни Вологодской епархии и др.).

3. Маркетинговые инновации, направленные на продвижение туризма Вологодской области (информационные пункты, информационные туры, участие в специализированных выставках, система ориентирующей информации и др.). Для продвижения туризма Вологодской области созданы профили в Instagram, Twitter, Вконтакте, Facebook.

4. Кадровые инновации: повышение качества трудовых ресурсов реализуется через систему научно-практических, коммуникационных региональных мероприятий. Проводятся конференции и форумы, круглые столы по вопросам развития туризма, в том числе вопросам инноваций в туризме Вологодской области.

Проблемы применения туристических инноваций в Вологодской области. Вологодская область, обладая высоким потенциалом по развитию туризма, имеет проблемы, которые мешают выйти в безусловные лидеры:

– отсутствие в региональных нормативных правовых актах задач и направлений по внедрению инноваций в туризме;

– несоответствие цен и качества услуг;

– небольшой охват аудитории в социальных сетях: в сети Instagram на профиль под-

писано 945 подписчиков, в сети Вконтакте – 6333, в Facebook – 2175, в Twitter – 273 человека;

– недостаточность кадровых инноваций. В области не ведется системная работа по повышению качества трудовых ресурсов в сфере туризма, хотя учебные заведения реализуют образовательные программы по специальностям «Организация обслуживания в общественном питании», «Технология продукции общественного питания», «Поварское и кондитерское дело», «Гостиничный сервис», «Гостиничное дело» и т.д. (Вологодский колледж сервиса, Вологодский колледж технологии и дизайна, Вологодский кооперативный колледж, Череповецкий многопрофильный колледж и др.), по направлениям «Туризм», «Гостиничное дело» (Вологодский государственный университет, Череповецкий государственный университет), профессиональная переподготовка «Управление бизнесом в индустрии гостеприимства и туризма» (Вологодский филиал РАН-ХиГС) и т.д.

Предложения по совершенствованию управления в сфере гостеприимства в Вологодской области. Для решения выявленных проблем кластерного развития сферы туризма предлагается следующее: 1. принять стратегию развития туристского кластера Вологодской области, где в качестве ключевого вектора задать внедрение инноваций.

2. оказывать финансовую поддержку инноваций в туризме, например, в форме грантов, что положительно повлияет на качество и объем туристских услуг в области.

3. для осуществления маркетинговых инноваций организовать кросс-функциональную региональную команду. В состав команды должны войти аналитики, технические специалисты, маркетологи. Основными задачами для данной команды видятся следующие:

– создание короткого ролика / короткометражного фильма о Вологодской области и продвижение его в социальных сетях, ТВ;

– редактирование сайта (применение технологии сторителлинга, формирование обратной связи);

– формирование новых и активизация продвижения существующих брендов в стране и за рубежом;

– включение в сайт vologdatourinfo.ru интернет-сервисов заказа экскурсий, иных туров, бронирования мест в гостиницах в Вологодской области, трансферта и др.

4. создать учебный центр в рамках туристского кластера Вологодской области на базе высших и средних учебных заведений через се-

тевое взаимодействие для подготовки и сертификационной оценки квалификации работников, а также взаимодействия по вопросам сотрудничества, обмена лучшими практиками.

5. создать информационную интернет - площадку на базе Департамента культуры и туризма ВО, которая объединит все объекты туризма (государственные и частные туристические предприятия, гостиницы, туробъекты, вузы и т.д.). Она должна включать голосование по актуальным проблемам турбизнеса; обсуждение проблем в форме чата; банк запросов и инновационных решений; раздел краудфандинга.

Выводы. Обзор отечественных и зарубежных источников позволил на первом этапе исследования сформировать целостное представление о сущности и видах кластерного подхода в сфере гостеприимства.

На основе применения матричного подхода сформулированы конкурентные преимущества и проблемы турбизнеса Вологодской области. В регионе развиты событийный, гастрономический, экотуризм. За последний год появилось два новых вида туризма: образовательный и детский активный. В информационном обеспечении среди инноваций стоит отметить наполнение портала vologdatourinfo.ru (аудиогиды, виртуаль-

ные туры и др.). Маркетинговые инновации представлены разными формами сотрудничества с другими странами, развитием активности в социальных сетях. В качестве проблем отмечены несовершенства нормативного правового регулирования инноваций и используемых технологий, что негативно сказывается на качестве предоставления услуг, недостатки в продвижении брендов области и туристического портала, в кадровом обеспечении и отсутствии межсекторного взаимодействия.

Для решения выявленных проблем предложено:

- принять стратегию развития туркластера с приоритизацией решения инновационных задач;
- грантовая поддержка инноваций в сфере туризма;
- для активного внедрения маркетинговых инноваций сформировать кросс-функциональную команду;
- организовать специализированный учебный центр на базе сетевого взаимодействия образовательных организаций;
- создать единую информационную платформу.

Литература

1. Асаул А. Н. Сущность кластерных предпринимательских сетей и их роль в экономике региона // Экономическое возрождение России. 2010. №2. С. 56-58.
2. Игнатъев А. А. Инновации в туризме как эффективный метод повышения уровня конкурентоспособности туристского продукта // Горизонты экономики. 2017. № 4 (37). С. 28-35.
3. Игнатъев А. А. Инновации в туризме как эффективный метод повышения уровня конкурентоспособности туристских услуг // Горизонты экономики. 2017. № 5 (38). С. 102-106.
4. Казьмина Л. Н., Провоторина В. В. К вопросу об инновационных процессах в туризме и индустрии гостеприимства на современном этапе развития // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2015. № 1 (80). С. 153-157.
5. Карпова Г. А., Максимова Т. Г., Ид Н. Мониторинг и проактивное управление экологическими инновациями в туризме: постановка задачи // Научный журнал НИУ ИТМО. Серия: Экономика и экологический менеджмент. 2019. № 4 (39). С. 165-176.
6. Лукьянова Е. Ю., Казак А. Н. Использование технологических инноваций предприятиями туристской отрасли: проблема достижения устойчивого эколого-экономического развития и пути ее решения // Вестник АГТУ. Сер.: Экономика. 2018. № 4 С.116-123.
7. Лях О. А., Лиханова В. В. Инновации в экскурсионной деятельности // Ученые записки Забайкальского государственного университета. 2017. Т. 12. № 3. С. 160-168.
8. Морозова М. А. Сферы применения инноваций в индустрии туризма: теория и практика // Перспективы науки. 2016. № 7 (82). С. 49-53.
9. Портер М. Конкуренция. Пер. с англ./ уч. пос. М.: Издательский Дом «Вильямс», 2005. 608 с.
10. Рубан Д. А. Инновационный менеджмент в туризме: направления и управленческие действия // Вестник УРФУ. Серия: Экономика и управление. 2015. № 1. С. 114-126.
11. Солодовник Ю. А. Методические основы классификации инноваций в туристической сфере Российской Федерации // Вестник ВГУИТ. 2018. Т. 80. № 4. С. 366–370.
12. Цатхланова Т. Т., Буркутбаева Н. А., Эрендженова Д. Б., Натырова Е. В., Уланов М. В. Инновации в сфере услуг // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2018. Т. 8. № 4А. С. 92-98.

13. Alizhonivna Z.K. Standardization of the sites of tourist destinations in Ukraine as a means of implementation of the internet technologies on the local territorial level of the tourist area // Asian Social Science. 2014. Vol. 10. No 15. P. 273-282.
14. Brandan F., Costa C., Buhalis D. Tourism innovation networks: a regional approach // European Journal of Tourism Research. 2018. Vol. 18. P. 33-56.
15. Divisekera S., Nguyen V.K. Determinants of innovation in tourism evidence from Australia // Tourism Management. 2018. Vol. 67. P. 157-167.
16. Dönmez Y., Türkmen F. The relation between the landscape design and brand image in purchase preferences of tourists: the case of Safranbolu and Nevşehir, in Turkey // Applied Ecology and Environmental Research. 2018. Vol. 16. No 1. P. 629-643.
17. Kofler I., Marcher A., Pechlaner H., Volgger M. The special characteristics of tourism innovation networks: the case of the regional innovation system in South Tyrol // Journal of Hospitality and Tourism Management. 2018. Vol. 37. P. 68-75.
18. Maráková V., Medved'ová M. Innovation in tourism destinations // Forum Scientiae Oeconomia. 2016. Vol. 4 No. 1 P. 33-43.
19. Ruban D.A., Molchanova T.K., Yashalova N.N. Three rising tourism directions and climate change: conceptualizing new opportunities // e-Review of Tourism Research (eRTR). 2019. Vol. 16, No 4, P. 352 - 370.
20. Жаркова В. Л., Танкиева Т. А., Ким Е. Р. Проблемы и перспективы использования техногенного ландшафта в туристических и рекреационных целях // Управление устойчивым развитием. 2020. №4. С. 5-13.
21. Фомин Н.Ю., Дырдонова А.Н., Зинурова Р.И. Формирование территориально-производственных кластеров как эффективный механизма развития региональной экономики // Вестник Казанского технологического университета. 2014. Т. 17. № 12. С. 384-387.

Сведения об авторе:

©**Крюкова Ирина Владимировна** – кандидат экономических наук, доцент кафедры управления и экономики, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Вологодская государственная молочнохозяйственная академия имени Н.В. Верещагина», e-mail: iri917717@yandex.ru.

©**Яковлева Елена Николаевна** – кандидат экономических наук, доцент кафедры управления и экономики, Вологодский филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», г. Вологда, Российская Федерация, e-mail: yenm2a@mail.ru.

Information about the authors:

©**Kryukova Irina Vladimirovna** – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of economics Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Vologda State Dairy Economic Academy named after N.V. Vereshchagin», e-mail: iri917717@yandex.ru.

©**Yakovleva Elena Nikolaevna** – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of economics Vologda branch of the Russian presidential Academy of national economy and public administration, Vologda, Russia, e-mail: yenm2a@mail.ru.

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 316.346.32

Р. И. Зинурова

ФОРМИРОВАНИЕ «СЕТЕВОГО СОЗНАНИЯ» ПОКОЛЕНИЯ Z В ВИРТУАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ
в рамках научного проекта № 21-011-33006

Ключевые слова: поколение Z, социализация, цифровая среда, сетевое пространство, молодежная политика, социальная активность, гражданская активность, ценности, сетевое сознание

Современных молодых людей называют поколением «Z». Значительную часть жизни они проводят в виртуальном мире. Цифровая культура возникает в цифровом пространстве и имеет свои особенности: она виртуальна, коммуникационные процессы в ней ускоряются в разы, время обмена информацией в ней сокращается до минут, иногда секунд, но это тоже поверхностно. Несмотря на то, что цифровая культура предполагает переход человека на новый уровень познания мира с помощью цифровых технологий и способов коммуникации и благодаря повсеместному распространению информации, по сути, человек становится безличным и становится потребителем цифрового контента. Что касается того, как социализируется поколение Z, они часто характеризуются постматериализмом и отказом придерживаться традиционной системы ценностей, что приводит к «разрыву мировоззрения» с предыдущими поколениями и существенному разнообразию их ценностей. Особенность социализации этого поколения заключается в большой самостоятельности, индивидуальности и принятии решений при определении направлений своего развития. Анализ настоящих тенденций говорит о том, что молодое поколение «Z» амбициозно, с уже подросткового возраста им движет желание самореализоваться, начать карьеру, проявить себя в различных сферах. Активность его не зависит ни от гендерной принадлежности, ни от места жительства, ни от уровня образования. По этим причинам, можно заключить: сегодня не только в рамках отдельного общества, но в государственных и, даже мировых масштабах, огромное значение имеет развитие и продвижение молодежной политики.

R. I. Zinurova

FORMATION OF «NETWORK CONSCIOUSNESS» OF GENERATION Z IN VIRTUAL SPACE

**The reported study was funded by RFBR and EISR according
to the research project № 21-011-33006**

Key words: generation Z, socialization, digital environment, network space, youth policy, social activity, civic engagement, values, network consciousness

Young people today are called Generation Z. They spend a significant part of their lives in the virtual world. Digital culture emerges in the digital space and has its own characteristics: it is virtual, communication processes in it are accelerated at times, the time for exchanging information in it is reduced to minutes, sometimes seconds, but this is also superficial. Despite the fact that digital culture presupposes the transition of a person to a new level of knowledge of the world with the help of digital technologies and methods of communication and thanks to the ubiquitous dissemination of information, in fact, a person becomes impersonal and becomes a consumer of digital content. Regarding how Generation Z is socialized, they are often characterized by post-materialism and a refusal to adhere to the traditional value system, which leads to a «worldview break» with previous generations and a significant diversity of their values. The peculiarity of the socialization of this generation lies in great independence, individuality and decision-making in determining the directions of its development. Analysis of current trends suggests that the younger generation «Z» is ambitious, since adolescence they are driven by the desire to self-actualize, start a career, and prove themselves in various fields. Its activity does not depend on gender, place of residence, or level of education. For these reasons, we can conclude: today, not only within the framework of a separate society, but on a national and even global scale, the development and promotion of youth policy is of great importance.

В XXI веке Интернет занял господствующее положение как коммуникационный канал для нового поколения. Смена поколений представляет собой неизбежный процесс, который является результатом эволюции и привлекает внимание к её изучению многих исследователей. Давно ведутся дискуссии по поводу особенностей и отличительных признаков поколений, вопрос о значимости теории поколений остается открытым, и подвергается критике (в частности, теория Н. Хоуса и В Штрауса).

Социализация молодых людей происходит в эпоху потребления цифровых технологий во всех сферах, это поколение живет в смешанной реальности и мыслит цифрами, выраженными знаками, «мемами» в виртуальном разговоре. Интернет-технологии меняют поведение молодых людей, видоизменяют способы общения, образуют новые смыслы и ценности, формируя, таким образом, так называемое «сетевое сознание» [1]. Кроме того, появилось понятие «каберсоциализация» [2], которое рассматривает Интернет как агент социализации молодого поколения. Особенности образовательных коммуникаций с применением дистанционных технологий не первый гисследовательском фокусе ученых А.Р.Тузикова и Р.И.Зинуровой [3]. Поведение молодых людей в виртуальном пространстве в своих трудах рассматривали У. Бек, Н. Луман, М. Паэтау и другие.

Как отмечает В. Н. Ярская, существуют устойчивые, характерные для определенных частей социального пространства, способы и направления коммуникации. Информационно поле отражает характеристики социального поля, которые касаются возможности, направ-

ления, характера социальных интеракций. Оно предлагает устойчивые способы коммуникации, определяет временные рамки взаимодействия.

Коммуникации в сети выстраиваются вокруг интересных событий, происшествий, инициатив, процесс передачи информации в этом случае является автономным, нет третьих лиц. Это явление М. Кастельс назвал «пространством независимой коммуникации», где молодежь чувствует себя самостоятельной в принятии решений, коммуникации выстраиваются с любыми людьми, происходит обсуждение различных вопросов и проектов [4].

В работе Л. М. Земляной [5]. Отмечается, что растет интерес пользователей к новым видам коммуникации: меняется ее содержание, способы распространения, упрощаются процедуры поиска, появляются новые способы хранения, увеличивается роль социальных сетей в передаче информации.

Следовательно, процессы, протекающие в социальных сетях, структурируются коммуникационными процессами [6]. Именно в социальных сетях организуется пространство, в котором новое поколения ищет и находит свою идентификацию. Социальные сети стали элементами медиа-культуры, характеризующиеся доступностью информации [7].

Все это требует выстраивания коммуникаций с новыми представителями молодого поколения с учетом их специфики. Как показывают исследования, пользуются Интернетом «ежедневно, практически ежедневно» 96 % респондентов в возрастной группе 18-24 года и 92 % в возрастной группе 25-34 года (рис. 1).

Рис. 1 – Ответы респондентов на вопрос: «Как часто вы, в среднем, выходите в интернет?» [8]

Феномен сетевой субкультуры, определяющий значительную долю сетевой идентичности в конфигурации идентичностей поколения Z, позволяет определить субкультуру молодежи как значимый социокультурный фактор ее сознания и поведения, в том числе и гражданского и политического. Помимо социокультурного и системного подходов как общенаучных, для изучения данной темы существенными являются структурно-функциональный и институциональный подходы. Если раньше молодежь рассматривалась как объект воздействия, то в соответствии с вышесказанными подходами упор делается на взаимосвязи поколений, гражданской активности, важности раннего самоопределения. То есть все основные общественные процессы, касающиеся политических, социально-экономических, духовно-ценностных преобразований, идут с массовым и качественно заметным участием молодых людей. Исследование коммуникаций в социальных сетях является фундаментальной задачей для современной социологии и политологии. Бурный рост интернет-технологий способствует формированию новых ценностей у поколения Z, а также может привести к появлению новых конфликтов в сетевом пространстве. Это, в свою очередь, требует выявления роли социальных сетей и медиакоммуникаций в формировании социальной активности в молодежной среде.

Используя синтезирующие преимущества междисциплинарного анализа, социологический ракурс рассмотрения гражданской активности молодежи, сообразно теории социального действия, нацеливает на осмысление контактов в сети, интеракций, коммуникаций с перспективой определения их типа и влияния. Для разработки комплекса научных критериев оценки активности поколения Z, коррелирующих с критериями определения качества экономической и социальной сфер общества, в дальнейших исследованиях необходимо обратиться к помощи политических теорий. В частности, к атрибутивным и реляционным доктринам власти; теории политической системы, политической и электоральной культуры; концепциям федерализма и правового государства. Положения, выводы и оценки этих доктрин, теорий и концепций усилят методологическую базу исследования.

Несмотря на рост активности населения в Интернете, данный ресурс не создает и не транслирует конструктивные формы поведения для подростков и молодежи, сложно обществу и государственным структурам отслеживать качество контента, содержание информации на сайтах. Этим Интернет существенно отличается

от традиционных агентов социализации, которые выполняют, в том числе, контролирующую функцию.

Проблеме молодежи в отечественной социологии уделяется много внимания. Рассматривали молодежь как социально-демографическую группу такие ученые, как Р. И. Зинурова, Ю. А. Зубок, А. А. Козлов, И. С. Кон, А. Р. Тузиков, В. И. Чупров и др. [9]. Важно отметить, что молодежь – это не только возрастная группа, молодежь поколения Z наследует степень развития общества, формирует образ будущего и рассматривается как потенциал жизнедеятельности общества. Особый интерес в последнее время молодое поколение вызывает у оппозиционных политических сил, учитывая текущую политическую ситуацию, молодежь уже сложно обвинить в инертности и аполитичности

В социальном плане, молодежь – поколение с актуализированной потребностью задавать вопросы, осознавшее свою незавершенность и открытость будущему [10].

При этом важно учитывать, что молодежи присущи определенные качества:

1. Небольшой жизненный опыт, подверженность влиянию, отсутствие нравственных ориентиров, что может привести к ошибкам при принятии важных решений.

2. Недостаточная социальная активность. В исследованиях выявлено, что на формирование активности оказывают влияние политическая культура, доминирующая в обществе; состояние экономики; специфика государственной молодежной политики [11].

3. Несовпадение индивидуальных целей с общественными.

4. Являются носителем инновационного потенциала развития общества.

Участие молодых людей в общественной жизни – один из основных тезисов молодежной политики. Это позволяет рассматривать молодежную политику в качестве основы стратегического развития всего российского общества. Современная молодежь пытается участвовать в развитии страны, она адаптивная к изменениям. При этом существует доля неустроенных молодых людей, склонных к девиациям.

Среди негативных тенденций в молодежной среде можно выделить следующие:

– негативные демографические процессы привели к уменьшению доли молодежи в структуре населения;

– снижение физического и психического здоровья, что может привести к снижению интеллектуального потенциала молодежи;

– зарождение новых групп риска в молодежной среде;

- снижение доступности образования;
- сложности с трудоустройством;
- размытость духовно-нравственных ценностей;
- слаборазвитая культура ответственного гражданского поведения.

При этом можем наблюдать и позитивные тенденции:

- личная инициатива стала способом решения собственных задач;
- рост инновационных качеств и быстрая приспособляемость к меняющимся условиям;
- упор на качественную профессиональную подготовку;
- рост экономической культуры;
- здоровьесберегающее поведение.

Опыт последних лет показывает, что успешны в политическом и экономическом плане те страны, которые уделяют должное внимание молодежной проблематике; устойчивое развитие характерно тем государствам, которые идут «в ногу со временем», перешли от традиционности к инновационности и акцентируют внимание на межпоколенных взаимоотношениях. И в стратегическом плане такие государства получают неоспоримое преимущество в социально-экономическом развитии.

В век информационных технологий появилась негативная тенденция пропаганды в Интернете аморальных ценностей и насилия. Пользователям представляют негативное девиантное поведение в качестве проявления индивидуальности, эстетического вкуса, тем самым

меняя их мироощущение и мировосприятие. Как показывают исследования, основным источником получения информации для возрастных групп 18-24 года и 25-34 года являются социальные сети – 64 % и 56 % соответственно (рис. 2).

Медиа имеют большое влияние на современную молодёжь, по этой причине государству необходимо активизироваться в этом направлении и перейти на новые интернет-платформы (YouTube, Telegram, Instagram и другие). С их помощью можно проводить онлайн-конференции, мотивировать молодых людей к соблюдению закона и порядка, транслировать цели, задачи, способствовать формированию ценностей. Исследования психологов показали, что у подростков и молодежи формируется особый язык общения, они выстраивают идеальную модель образа жизни, которую легко разрушить при умелом внешнем воздействии [12]. Также виртуальные сети являются действенным фактором привлечения молодых людей к различным деструктивным молодежным субкультурам [13]. В работе М. А. Головина выявлено, что чем чаще человек обращается к сети Интернет, углубляется в нее, тем больше он недоволен своей реальной жизнью и ее отдельными аспектами [14].

Еще одним распространенным риском, связанным с переносом общения в виртуальное пространство, нередко называют снижение эмпатии и социально интеллекта – ключевых факторов в формировании социальных связей [15].

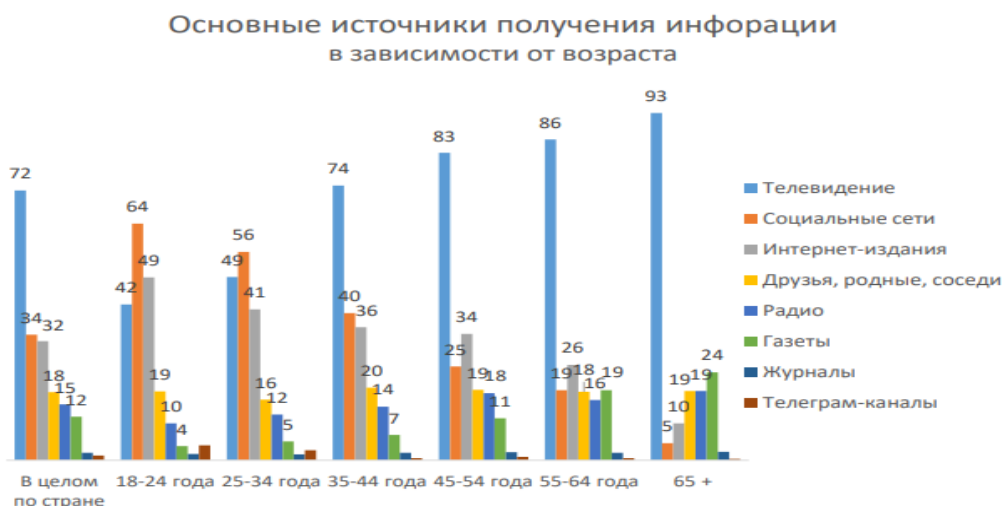

Рис. 1 – Ответы респондентов на вопрос: Вопрос: «Откуда Вы чаще всего узнаете о новостях в стране и в мире?» [8]

С одной стороны, государство не может осуществлять полный контроль глобальной сети, так как информационные технологии, в том числе и механизмы защиты данных, постоянно совершенствуются. Кроме того, постоянный и

полный контроль требует больших затрат ресурсов, то есть является нецелесообразным, когда существует возможность взаимодействовать с пользователями сети.

С другой стороны, сотрудничество – это одно из самых перспективных направлений молодёжной политики. Взаимодействие с руководством и пользователями различных интернет-платформ позволит в целом государственной политике отвечать интересам поколения «Z», а также обращаться и взаимодействовать с ним с помощью социальных сетей и иных интернет-ресурсов.

Таким образом, верным решением является развитие сотрудничества, приближения государственной политики к запросам представителей нового поколения, которое может выразиться в создании молодёжной комиссии при законодательном органе Российской Федерации, недопущении установления полного контроля над интернет-платформами, а также использовании инновационных технологий при проведении мероприятий по социальному брендингу государственных институтов среди молодёжи. Социальный брендинг будет более результативен при использовании медиа-ресурсов. Социальная реклама и телевидение по своему целевому назначению являются способами прямого воздействия, в том числе, на представителей поколения «Z», однако в силу всеохватывающей информатизации общественных сфер, Правительству России в целях более эффективной реализации молодёжной политики необходимо переходить на новые более популярные платформы, такие как YouTube, Telegram, Facebook, изменять формат транслирования информации на соответствующий требованиям экранной культуры и клипового мышления, свойственного большей части молодой аудитории.

Рост активности молодёжи в интернете – необратимый процесс, который искажает восприятие действительности, способствует появлению «сетового сознания», коммуникативной солидарности и сотрудничества, но при

этом является образом жизни молодого человека. При этом важно рамки информационных практик в глобальной сети и не упустить момент их превращения в девиантные формы. В современных условиях потенциал молодёжи можно использовать для повышения гражданской активности в позитивном ключе. Для этого необходима продуманная молодёжная политика, сформированная при участии государства и общества, которая будет использовать механизмы взаимодействия общества и новых поколений.

Таким образом, использование информационно-коммуникативных ресурсов является необходимым условием успешности реализации молодёжной политики. Благодаря сетевым ресурсам можно воздействовать на сознание молодёжи в позитивном ключе. Прогрессивная составляющая в молодёжной политике заключается в следующем:

- активное привлечение к работе блогеров, зуммеров, медийных персон, популярных среди молодёжи;

- наличие официальной страницы молодёжных организаций и региональных органов управления в популярных социальных сетях;

- рекламирование региональных молодёжных программ, грантовых программа и различных конкурсов в медиaprостранстве.

Достоинство такой работы – это возможность получения обратной связи в виде «лайков», комментариев, отзывов и т.д.

Государству важно создавать условия, удовлетворяющие потребности молодого поколения, снизят социальную напряжённость, повысят национальную безопасность. При этом изменения необходимы изменения не только в молодёжной политике, но и в сферах образования, науки, здравоохранения, культуры, затрагивающие жизнь молодых людей.

Литература

1. Пономарева В. В. Формирование сетевого сознания старшеклассников // Молодой ученый. 2019. №44. С. 285-288.
2. Влияние Интернета на социализацию молодёжи / М. С. Чванова, М. С. Анурьева, И. А. Киселева // Вестник ТГУ. 2017. № 5 (169). С. 23–36. DOI: 10.20310/1810-0201-2017-22-5(169)-23-36.
3. Зинурова Р. И., Тузиков А. Р. Глобальные тренды в развитии университетского образования и вызовы дистанционных технологий // Университетское управление: практика и анализ. 2014. № 4-5 (92-93). С. 44-51.
4. Castells M. Networks of Outrage and Hope: Social Movements in the Internet Age. Cambridge: Polity Press, 2012. P. 11.
5. Землянова Л. М. Гуманитарная миссия современной глобализирующейся коммуникативистики. Москва: Издательство Моск. университета, 2010. С. 40-41.
6. Ярская В. Н. Пространство и время социальных изменений / В. Ярская, Л. Яковлева, В. Печенкин, О. Ежов. Саратов: Научная книга, 2004. 280 с.

7. Зинурова Р. И., Фатхуллина Л. З. Использование социальных сетей в рекрутинге иностранных студентов // Управление устойчивым развитием. 2018. №4. С. 70-74.
8. Российский медиа-ландшафт 2019: телевидение, пресса, интернет и социальные сети. URL: <https://www.levada.ru/cp/wp-content/uploads/2019/08/LevadaMedia2019-1.pdf> (дата обращения 20.08.2021).
9. Саморегуляция жизнедеятельности молодежи: методология и социальные практики / Зубок Ю.А. и коллектив авторов; Монография. Белгород, 2021.- 500 с.
10. Григорьева И. А. Социализация молодежи в современном российском обществе. Молодежь как ресурс регионального развития: материалы Международной научно-практической конференции. Киров: Изд-во ВятГГУ, 2011. С.110-113.
11. Зинурова Р. И., Тузиков А. Р., Фатхуллина Л. З., Алексеев С. А. Особенности формирования социальной активности и гражданской позиции у студенческой молодежи // Управление устойчивым развитием. 2018. №3. С. 45-49.
12. Садыгова Т. С. Социально-психологические функции социальных сетей // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Педагогика, психология. 2012. № 3. С. 192–194.
13. Кучукян А. В. Роль виртуальных сетевых сообществ в распространении деструктивных молодежных субкультур // Общество: социология, психология, педагогика. 2017. № 3. С. 28-31.
14. Головчин М. А. Влияние интернет-активности на жизнь в эпоху цифровизации общества и экономики: на данных регионального исследования // Актуальные проблемы экономики и права. 2019. Т. 13, № 3. С. 1356–1369. DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.13.2019.3.1356-1369>.
15. Мифы о «поколении Z» / Н. В. Богачева, Е. В. Сивак; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Институт образования. М.: НИУ ВШЭ, 2019. С. 32.

Сведения об авторе:

©**Зинурова Раушания Ильшатовна** – доктор социологических наук, профессор, директор Института управления инновациями, зав. каф. менеджмента и предпринимательской деятельности, Казанский национальный исследовательский технологический университет, Российская Федерация, Казань, e-mail: rushazi@rambler.ru.

Information about the author:

©**Zinurova Raushanya Ilyshatovna** – Doctor of Sociological Sciences, Professor, Director of Institute of Innovation Management, The Head for the Department of Management and Entrepreneurship, Kazan National Research Technological University, Russian Federation, Kazan, e-mail: rushazi@rambler.ru.

УДК 316

Ч. И. Ильдарханова, В. А. Гневашева, А. Р. Абдульязнов

ПОВЕДЕНЧЕСКАЯ ДЕСТРУКЦИЯ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ В КОНТЕКСТЕ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО САМОЧУВСТВИЯ НАСЕЛЕНИЯ

Памяти нашего Учителя Валерия Андреевича Лукова (1948–2020) — известного российского ученого, внесшего значимый вклад в становление социологии молодежи в РФ в рамках научной школы Московского гуманитарного университета (Института молодежи)

Ключевые слова: молодежь, демографическое самочувствие населения, брачные и репродуктивные ориентации, меры государственной поддержки семей с детьми, поведенческие деструкции

В статье проанализированы некоторые семейно-центристские векторы современной российской молодежи в ракурсе сопоставленности с населением РФ в целом и молодежи отдельных субъектов. Эмпирической базой исследования выступает межрегиональный опрос, проведенный в десяти субъектах РФ в 2020 г. Молодежная страта выделяется обособленно и сравнивается со средними результатами в целом по межрегиональному российскому опросу, а также с молодежной стратой отдельного субъекта РФ – Республики Татарстан – с целью выявления наличия или отсутствия поведенческих деструкций в рассматриваемых сферах социальных отношений. В статье представлены оценки трех концептов в рамках общего исследования демографического самочувствия населения рассматриваемых регионов с акцентом на молодежной страте, а именно: брачные ориентации, репродуктивные ориентации и отношение к государственным программам поддержки семей с детьми. Гипотезой исследования определяется отклонение поведения молодежной страты от средних поведенческих траекторий общества в силу особенностей формирования ценностных ориентаций молодежи. Авторы эмпирически опровергают сложившиеся в публичном дискурсе стереотипы о нежелании современной молодежи создавать семью и рожать детей. Меры государственной поддержки семей с детьми, направленные на формирование репродуктивных стратегий, востребованы, преимущественно, той частью респондентов, которые уже включены в процесс рождения и воспитания детей, но могут выступать и фактором мотивации для молодого поколения, которое формирует свое репродуктивное поведение. В современном семейно-репродуктивном поведении молодежи отчетливо прослеживается заданный общественный вектор понимания семьи и брака, необходимый для формирования демографически устойчивого общества. Вместе с тем молодежь склонна перенимать и усиливать ряд формирующихся тенденций, которые могут привести к демографическому дисбалансу.

Ch. I. Ildarhanova, V. A. Gnevasheva, A. R. Abdulzanov

BEHAVIORAL DESTRUCTION OF RUSSIAN YOUTH IN THE CONTEXT OF DEMOGRAPHIC WELL-BEING OF POPULATION

Keywords: youth, demographic well-being of population, marriage and reproductive orientations, measures of state support to families with children, behavioral destructions

The article analyzes some family-oriented vectors of contemporary Russian youth compared to Russian population in general and youth of definite Russian regions. Empiric base of the research was an inter-regional survey held in 2020 among 10 Russian regions. Youth strata is viewed separately and is compared with medium results of inter-regional survey in general and also with youth strata of the Republic of Tatarstan in order to find presence or absence of behavioral destructions in the analyzed spheres of social relations. The article presents assessments of three concepts in the framework of a general study of the demographic well-being of the population of the regions under consideration, with an emphasis on the youth stratum, namely: marital orientations, reproductive orientations and attitude to state programs for supporting families with children. Hypothesis of the research states deviation in behavior of a youth strata from average behavioral trajectories of society due to peculiarities of formation of value orientations of youth. Finally, authors empirically disprove stereotypes (that are spread in the public discourse) about youth's unwillingness to marry and have kids. Measures of state support for families with children aimed at the formation of reproductive strategies are in demand, mainly, by the part of respondents who are al-

ready involved in the process of giving birth and raising children, but can also act as a motivating factor for the younger generation, which forms its reproductive behavior. In the modern family and reproductive behavior of young people, a given social vector of understanding of family and marriage is clearly traced, which is undoubtedly important for the formation of a demographically stable society. At the same time, young people tend to adopt and strengthen a number of emerging trends that can lead to a demographic imbalance.

Введение

Расширение проблематики исследований молодежи, постановка теоретических обобщений эмпирического материала в контекст современной социальной науки оживили разработку интегральной науки о молодежи. Эта позиция, активно обсуждавшаяся еще в 1970-е годы, вновь стала предметом обоснования в трудах В. В. Павловского, который предлагает вести интеграцию знаний о молодежи в рамках особой науки ювентологии [1]. Ту же идею, хотя и в иной интерпретации, высказывает Е. Г. Слуцкий и его коллеги [2]. В рамках интеграции современного гуманитарного знания такая позиция естественна, хотя и не необходима, поскольку в интегральной функции применительно к молодежной проблематике сегодня может выступить любая из социальных наук, не связанных более (как это было характерно в начале XX века) жесткими границами по объекту, предмету и методу исследования.

В соответствии со Стратегией государственной молодежной политики в Российской Федерации, утверждённой распоряжением Правительства Российской Федерации, к категории молодёжи в России относятся граждане России от 14 до 30 лет². Положение данной группы по отношению к населению страны в численном выражении составляет порядка 23 %, однако существенно качественная составляющая социализации представителей молодежной группы оказывает глобальное влияние на построение общества в целом, на перспективы его развития.

Многие социологические опросы последних лет в своих выводах фиксируют общий ценностно-нормативный кризис у российской молодежи, который имеет характер переоценки культурных, этических и духовных ценностей предшествующих поколений [3-8]. На основании представленного ниже анализа результатов социологического опроса авторами статьи оп-

ровергаются сложившиеся в публичном дискурсе стереотипы о нежелании современной молодежи создавать семью и рожать детей, трактуемом, в частности, в терминах поведенческой деструкции.

Поведенческая деструкция молодежи (в социологии) – социальное противодействие молодежи обществу в поведенческих установках, не имеет ярко выраженной причинности, обусловленной ограниченным рядом факторов. Ее природа представляет комплексную систему взаимно обусловленных элементов, возникновение и развитие которой в молодежной среде может привести к деструкции общества впоследствии. «Деструктивно-конструктивные» отношения можно наблюдать в проявлении всех процессов, характерных для живых организмов. И потому вполне естественно, что эти отношения выходят на психологический уровень (как бессознательный, так и осознанный), даже если возникающая деструкция ведет к гибели. Биология изобилует массой подобных примеров (особенно в области инстинктивного поведения), а поскольку в человеке биологическое начало присутствует, то оно должно иметь возможность реализовываться и в отношении деструктивности: в норме — адекватно, в патологии — инадекватно.

Важно отметить смену парадигмы от однозначно негативного отношения к сожительству в молодежной среде в более ранних работах ученых к более положительной интерпретации совместного добрачного проживания разнополых партнеров, состоящих в межличностных, в том числе, сексуальных связях, как социальной реалии современного общества, ведущей в условиях демографического кризиса и к рождению детей и последующей регистрации отношений в органах ЗАГС [9].

Эмпирические оценки

Особенности и предпосылки деструктивного поведения молодежи в сфере семейно-брачных отношений рассматриваются на примере статистических данных межрегионального исследования, проведенного в 2020 г. Сравнительные исследования репродуктивного поведения молодежи разных регионов, попавших в выборку 2020 года, проводились казанскими учеными и ранее [10,11]. Потому каждое следующее исследование представляет интерес с

²На момент опроса актуально было выделять социально-демографическую группу до 29 лет включительно в связи с действовавшим в 2020 году указанным документом. В 2021 году границы молодежи законодательно расширены до 35 лет согласно Федеральному закону от 30 декабря 2020 г. N 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации».

точки зрения динамики социально-демографических процессов.

В настоящем исследовании приняли участие 10 субъектов РФ: Ивановская область, Московская область, г. Москва, Вологодская область, Волгоградская область, Ставропольский край, Республика Башкортостан, Республика Татарстан, Нижегородская область, Свердловская область³. Объем выборки составил 5616 человек. В Республике Татарстан исследование проводилось Центром семьи и демографии Академии наук Республики Татарстан. В рамках данной статьи приводится сравнительное сравнение результатов опроса в среднем по выборке, ответы молодежной подвыборки всех включенных в исследование регионов, а также молодежной подвыборки Республики Татарстан.

В статье представлены оценки трех концептов в рамках общего исследования демографического самочувствия населения рассматриваемых регионов с акцентом на молодежной страте, а именно: брачные ориентации, репродуктивные ориентации и отношение к государственным программам поддержки семей с детьми. Вопросы семейного тезауруса преимущественно заданы для молодежи малой социальной группой, поэтому по общему ряду вопросов в отношении брачных ориентаций позиции ответов схожи со средними значениями по опросу по рассматриваемой межрегиональной выборке.

Желание вступить в брак присуще примерно половине респондентов с несколько большей значимостью для молодежной страты и в особенности для респондентов молодежной страты Республики Татарстан (табл. 1). При этом факт регистрации брака так же отмечается как важный для более половины респондентов, однако в основном респонденты склоняются к принятию варианта регистрации после предварительного непродолжительного сожительства с целью проверки своих отношений. Отличительно, что подобное условие регистрации брака в меньшей степени характерно для молодежи Республики Татарстан. Отличительной для Республики Татарстан является наличие определенной доли молодежи, состоящей во втором браке – 11 %, что максимально на фоне других

субъектов РФ, принявших участие в опросе; в Республике Башкортостан 8 %, в Свердловской области данная подгруппа составляет 7 %, Ставропольском крае и Волгоградской области по 4 %.

Желание в ближайшее время иметь ребенка является определяющим для вступления в брак для практически каждого пятого респондента, и чуть более для молодежи Республики Татарстан.

Определяющим фактором вступления в брак для 78 % респондентов является желание иметь рядом близкого человека, что практически в равной степени присуще всем социально-демографическим группам в РФ. Есть основания предполагать, что период самоизоляции 2020 года, обусловленный распространением новой коронавирусной инфекции, способствовал пересмотру перспективы создания долгосрочных межличностных отношений молодыми людьми, проживающими самостоятельно, не имеющих супруга(у)/партнера.

Общественное мнение как инструмент конструирования института семьи имеет неоднозначное влияние на молодежь. С одной стороны, ответов, что брак необходимо регистрировать, поскольку «это соответствует нормам общественной морали, мнению окружающих», не является популярной причиной как среди россиян в целом, так и среди российской молодежи – значима, в среднем для 26,5 % опрошенных. С другой стороны, в значимой мере меньшая распространённость установки на добрачное сожительство в Республике Татарстан (45,8 %) в сравнении с Россией (63,9 %) и молодежью других субъектов РФ (66,6 %) сформирована, на наш взгляд, существующими ценностными нормами и фактором внешнего осуждения в регионе.

Отличительная особенность при двумерном анализе полученных данных опроса заключается в выраженной у молодежи Республики Татарстан поддержке межнациональных браков – 23,8 %, что в 2 раза выше общероссийского показателя (11,5 %) и существенно выше, чем у молодежи субъектов РФ (17 %). Причины данного феномена заключаются в системной идеологии взаимоуважительного отношения различных народов, проживающих на территории Татарстана, друг к другу, ставшей национальной идеей региона.

³В российских регионах опрос реализован в рамках научного проекта «Демографическое поведение населения в контексте национальной безопасности России» (руководитель – зам. дир. ИДИ ФНИСЦ РАН, д.с.н Т.К. Ростовская при поддержке гранта РНФ «Проведение фундаментальных научных исследований и поисковых научных исследований отдельными научными группами» (№ 20-18-00256)

Таблица 1 – Сравнительный анализ брачных ориентаций

	Среднее по опросу/ все опрошенные рос- сияне (N=5616) (в %)	17-29 лет / росси- йская молодежь (N=2017) (в %)	17-29 лет (подвыборка РТ) / молодежь Татар- стана (N= 229) (в %)
Собираетесь ли Вы вступить в брак? (ответ: «да»)	43,8	53,8	62,3
Если "Да", то предполагаете ли Вы зарегистрировать его? (ответ: «Да, предполагаю, но сначала надо пожить вместе год-два и проверить свои чувства, а затем зарегистрировать»)	63,9	66,4	45,8
Насколько могут быть для Вас значимы следующие факторы начала Вашей будущей супружеской жизни (ответ: «желание в ближайшее время иметь ребёнка»: выбор позиции 5 баллов)	18,7	15,4	21,6
Насколько могут быть для Вас значимы следующие факторы начала Вашей будущей супружеской жизни (ответ: «желание иметь рядом близкого по духу, родного, любимого человека, не чувствовать себя одиноким»: выбор позиции 5 баллов)	78,0	81,0	78,9
Если Вы считаете, что брак нужно регистрировать, то почему? (ответ: «это соответствует нормам общественной морали, мнению окружающих»: выбор позиции 5 баллов)	26,5	15,5	20,1
Как Вы относитесь к межнациональным бракам? (ответ: «полностью поддерживаю такую организацию семейной жизни»)	11,5	17,0	23,8

Таблица 2 – Корреляционный анализ брачных ориентаций трех рассматриваемых подгрупп

	Среднее по опросу /все опрошенные россияне	17-29 лет / российская молодежь	17-29 лет (подвыборка РТ) / молодежь Татарстана
Среднее по опросу	1		
17-29 лет	0,986642	1	
17-29 лет (подвыборка РТ)	0,872311	0,915296	1

Корреляционный анализ брачных ориентаций трех рассматриваемых подгрупп (табл. 2) отражает устойчивую положительную связь между сформированным общественным восприятием концепта брака и семьи и ретрансляцией данного понимания молодежной стратегией вне зависимости от регионального аспекта. В силу распределения ответов важно подчеркнуть формирующееся в обществе устойчиво социально положительное принятие семьи как социально значимого концепта.

Оценивая брачные ориентации молодежных подгрупп в сравнении с общими пред-

ставлениями россиян важно подчеркнуть демонстрацию ими социально одобряемых моделей брака, но вместе с тем молодежь более свободна в некоторых вопросах института семьи, в частности общественных и национальных ограничений.

Репродуктивные ориентации молодежи в сравнении с общими оценками респондентов, а также двух подвыборок: молодежь включенных в исследование регионов и молодежь Республики Татарстан, фиксировались по ряду вопросов – маркеров. В общих оценках не прослеживается существенных различий между

подвыборками. Можно отметить наличие чуть больших ожиданий молодежи в отношении собственного репродуктивного поведения, но по общим положениям поведение молодежи схоже как межрегионально, так и в сравнении с общими социальными представлениями.

Ожидаемое количество детей – 2, с некоторой долей тех, кто все же готов иметь 3-х и более детей. Надо отметить, что ожидание иметь трех и более детей в сознании населения присутствует в достаточно устойчивой доли – порядка четверти-трети респондентов, что может в целом означать наличие формирующейся репродуктивной ориентации на многодетность, которая передается и молодому поколению [12].

При этом для молодежи все же отмечается отложенность ожиданий, они в большей

степени утверждают свое желание иметь ребенка несколько позже, но при этом не сталкиваются на данный момент с какими-то социально-экономическими факторами, существенно препятствующими им иметь детей. Факторы жилья, работы, карьеры не отмечаются молодежью как мешающие рождению ребенка. В меньшей степени в сравнении с прочими подвыборками экономические и карьерные факторы значимы в определении репродуктивного поведения для молодежи Республики Татарстан (табл. 3).

Причины, по которым молодежь откладывает рождение ребенка, в основном сводятся к двум доминантным: «нужно закончить образование» и «необходимо найти более оплачиваемую работу».

Таблица 3 – Сравнительный анализ репродуктивных ориентаций

	Среднее по опросу (N=5616) (в %)	17-29 лет (N=2017) (в %)	17-29 лет (подвыборка РТ) (N= 229) (в %)
Сколько всего детей Вы хотели бы иметь, если бы у Вас были все необходимые условия? (ответ: одного) (ответ: двух) (ответ: трех)	9,4 41,3 25,8	10,1 45,6 23,0	9,0 52,0 24,0
Если Вы хотели бы иметь большее число детей, чем собираетесь, то, что и в какой степени мешает лично Вам иметь желаемое число детей? (ответ: отсутствие работы – не мешает) (ответ: стремление достичь успехов в работе – не мешает) (ответ: жилищные трудности – не мешает)	41,3 55,3 36,8	28,3 41,9 28,4	31,7 46,6 32,1
Собираетесь ли Вы иметь ребёнка? (ответ: да, но несколько позже)	21,9	40,3	39,6
В какой степени Ваше желание отложить рождение ребёнка связано со следующими причинами (ответ: нужно закончить образование - выбор позиции 5 баллов) (ответ: необходимо найти более оплачиваемую работу - выбор позиции 5 баллов)	38,4 48,5	50,1 54,6	46,3 57,5

Меры государственной поддержки семей с детьми, несомненно, направлены и на формирование репродуктивных стратегий, востребованы, преимущественно, той частью респондентов, которые уже включены в процесс рождения и воспитания детей, но могут выступать и фактором мотивации для молодого поколения, которое формирует свое репродуктивное поведение.

В целом ответные реакции на значимость ряда мер государственной поддержки представлены схожими позициями по подвыборкам.

Особенную значимость для респондентов всех социально-демографических групп имеют меры улучшения качества работы медицинских учреждений (52,3 %), повышения пособий при рождении ребёнка (47,6 %), на ре-

бенка (в возрасте до 1,5 лет – 46,6 %, в возрасте до 3 лет – 49,4 %) и сроков их выплат.

Для молодежной межрегиональной подвыборки особенно важно улучшение работы медицинских учреждений (49,9 %) и повышение пособий на ребёнка в возрасте до 3 лет (40,9 %).

Молодежь Республики Татарстан в своих надеждах, связанных с созданием семьи и рождением ребенка, в наибольшей мере озабочена обеспечением лучшей доступности (в том числе, экономической) и повышением качества

работы дошкольных образовательных учреждений (59,4 %), улучшением качества работы медицинских учреждений (58,9 %), повышением пособий на ребёнка в возрасте до 3 лет (51,2 %), повышением пособий на ребёнка в возрасте до 1,5 лет (49,2 %), повышением пособий при рождении ребёнка (47,5 %), улучшением возможностей для проведения досуга семей с детьми (47 %), расширением возможностей дистанционной занятости для родителей с детьми дошкольного и младшего школьного возраста (40,6 %) (табл. 4).

Таблица 4 – Сравнительный анализ значимости мер государственной поддержки семей

(Распределение ответов на вопрос: Если Вы считаете, что вероятность рождения ребёнка несколько выше, если будут какие-нибудь дополнительные меры помощи семьям, то в какой степени для Вас могут быть значимы меры, направленные на... - выбор позиции 5 баллов – имеет большое значение)

	Среднее по опросу (N=5616) (в %)	17-29 лет (N=2017) (в %)	17-29 лет (подвыборка РТ) (N= 229) (в %)
Повышение пособий при рождении ребёнка	47,6	39,6	47,5
Повышение пособий на ребёнка в возрасте до 1,5 лет	46,6	38,5	49,2
Повышение пособий на ребёнка в возрасте до 3 лет	49,4	40,9	51,2
Сохранение пособий в нынешнем размере, но продление их выплаты до достижения ребёнком школьного возраста	34,1	29,5	35,1
Улучшение качества работы медицинских учреждений	52,3	49,9	58,9
Улучшение качества работы учреждений бытового обслуживания	38,7	36,8	43,6
Улучшение возможностей для проведения досуга семей с детьми	37,9	35,4	47,0
Обеспечение лучшей доступности и повышение качества работы дошкольных образовательных учреждений	44,0	41,1	59,4
Предоставление льготных кредитов в зависимости от числа детей в семье	45,4	31,5	37,8
Расширение возможностей дистанционной занятости для родителей с детьми дошкольного и младшего школьного возраста	35,4	31,3	40,6

Заключение

В современном семейно-репродуктивном поведении молодежи отчетливо прослеживается заданный общественный вектор понимания семьи и брака, что, несомненно, важно для формирования демографически устойчивого общества. Вместе с тем молодежь склонна перенимать и усиливать ряд формирующихся тенденций, которые могут

привести к демографическому дисбалансу, а именно: сроки рождения детей, причинность их рождения, по сути, отсутствие восприятия мер государственной поддержки семей, что говорит об их слабой актуальности для рассматриваемой группы и может привести к снижению значимости с одной стороны самих мероприятий, а с другой – к снижению мотивации молодежи к рождению и далее к формированию семей.

Литература

1. Павловский В. В. Ювентология: проект интегративной науки о молодежи. М.: Академический проект, 2001. 304 с.
2. Слуцкий Е. Ювентология в XXI веке. Комплексное междисциплинарное знание о молодом поколении. С-Пб.: Петрополис, 2007. 216 с.
3. Тузиков А. Р., Зинурова Р. И. Концептуализация социокультурных аспектов формирования идентичности современной молодежи в рамках теории идеологии // Управление устойчивым развитием. 2015. №1 (01). С. 39-44.
4. Зинурова Р. И., Тузиков А. Р., Гаязова Э. Б., Алексеев С. А. Конфигурация идентичности российской молодежи: результаты социологического исследования// Управление устойчивым развитием. 2016. №6 (07) С.67-81.
5. Настявин И. М. Ценностные ориентации современной молодежи (на примере студентов КНИТУ)// Управление устойчивым развитием. 2018. №2 (15). С. 58-68.
6. Зинурова Р. И., Тузиков А. Р., Фатхуллина Л. З., Алексеев С. А. Особенности формирования социальной активности и гражданской позиции у студенческой молодежи// Управление устойчивым развитием. 2018. №3 (16) С.45-50.
7. Зинурова Р. И. Актуальная молодежная повестка дня в Республике Татарстан// Управление устойчивым развитием. 2019. №6 (25) С.57-63.
8. Зинурова Р. И. Молодая семья в Татарстане: социальное самочувствие, межэтнические отношения, репродуктивное поведение// Управление устойчивым развитием. 2020. №3 (28). С.48-55.
9. Егорова Н. Ю., Кутявина Е. Е. Молодая семья в контексте социологических исследований // Молодежь и молодежная политика: новые смыслы и практики. Серия «Демография. Социология. Экономика» / Под ред. Рязанцева С. В., Ростовской Т. К., Зубок Ю. А. Том 5. № 1. М.: «Экон-информ», 2019. С.146-151.
10. Зинурова Р. И. Особенности репродуктивного поведения в российских регионах // Социологические исследования. 2005. № 3 (251). С. 82-87.
11. Зинурова Р. И. Этнокультурные и конфессиональные особенности репродуктивного поведения женщин как фактор устойчивого развития регионов Российской Федерации // Sociotime / Социальное время. 2016. №4 (8) С.64-71.
12. Ильдарханова Ч. И., Ибрагимова А. А. Качество жизни многодетных семей (кейс Республики Татарстан) // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2021. №1. С. 73-82.

Сведения об авторах:

© **Ильдарханова Чулпан Ильдусовна** – доктор социологических наук, директор Центра семьи и демографии Академии наук Республики Татарстан, член научного совета «Демографические и миграционные проблемы России» Отделения общественных наук РАН», Российская Федерация, Казань, ORCID: 0000-0002-3992-0336, Researcher ID: N-6382-2016, e-mail: chulpanildusovna@gmail.com.

© **Гневашева Вера Анатольевна** – доктор экономических наук, руководитель отдела воспроизводства трудовых ресурсов и занятости населения ИДИ ФНИСЦ РАН, главный научный сотрудник Центра семьи и демографии Академии наук Республики Татарстан, Российская Федерация, Казань ORCID: 0000-0002-3596-661X, Researcher ID: E-3157-2014, e-mail: vera_cos@rambler.ru.

© **Абдульязнов Артур Рашидович** – кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник Центра семьи и демографии Академии наук Республики Татарстан, e-mail: gailj_07@bk.ru.

Information about the authors:

© **Idarhanova Chulpan Ildusovna** – Doctor of Sociological Sciences, Director of Family and demography center of Tatarstan Academy of Sciences, Russia, Russian Federation, Kazan, e-mail: chulpanildusovna@gmail.com.

© **Gnevasheva Vera Anatolyevna** – Doctor of Sociological Sciences (Economics), Professor, Head of the Department of Reproduction of Labor Resources and Employment, IDR FSRSC RAS, Senior Researcher, Family and demography center of Tatarstan Academy of Sciences, Russia, Russian Federation, Kazan, e-mail: vera_cos@rambler.ru.

© **Abdulzhanov Arthur Rashidovich** – Candidate of Sociological Sciences, leading researcher of Family and demography center of Tatarstan Academy of Sciences, Russia, Russian Federation, Kazan, e-mail: gailj_07@bk.ru.

УДК 316.334.2

А. А. Кошелев, М. С. Ивченкова

**ФАЙНДРАЙЗИНГ КАК ИНСТРУМЕНТ РЕАЛИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНЫХ
ИНИЦИАТИВ НЕКОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ МОЛОДЕЖНОЙ СФЕРЫ
(НА ПРИМЕРЕ САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ)**

Ключевые слова: фандрайзинг, молодежь, грант, некоммерческие организации, молодежные организации

Актуальность тематики обусловлена новизной данной технологии в российской практике функционирования некоммерческих организаций, а также недостаточной теоретико-методологической базой в изучении данного социального феномена. Экономическая детерминанта в теоретических конструктах предполагает восприятие данной научной категории как способ финансового развития, позволяющий привлекать дополнительные ресурсы из внешних источников. Процессный подход в исследовании фандрайзинга, акцентирует внимание на организованную деятельность по сбору пожертвований с целью ресурсного обеспечения социально-значимых программ, а системный взгляд предполагает комплексные действия для обеспечения эффективности за счет привлечения не только материальных, но и нематериальных средств (информационных, человеческих). Целью данного исследования выступает теоретический и практический анализ понятия фандрайзинга, а также выявление его роли в реализации социально-значимых инициатив на региональном уровне. В качестве метода авторы использовали интервью с экспертами отрасли, что позволило объективно рассмотреть проблемы и перспективы развития фандрайзинга в решении социально-значимых инициатив региона. К числу основных выводов можно отнести уточнение понятия, выявление конкретных результатов деятельности проблем и методов их преодоления.

A. A. Koshelev, M. S. Ivchenkova

**FUNDRAISING AS A TOOL FOR IMPLEMENTING SOCIAL INITIATIVES OF NON-
PROFIT ORGANIZATIONS OF THE YOUTH SPHERE
(ON THE EXAMPLE OF THE SARATOV REGION)**

Keywords: fundraising, youth, grant, non-profit organizations, youth organizations

The relevance of the topic is due to the novelty of this technology in the Russian practice of functioning of non-profit organizations, as well as the insufficient theoretical and methodological base in the study of this social phenomenon. The economic determinant in theoretical constructs presupposes the perception of this scientific category as a way of financial development, which allows attracting additional resources from external sources. The process approach in the study of fundraising, focuses on organized activities to collect donations in order to provide resources for socially significant programs, and a systematic view involves complex actions to ensure efficiency by attracting not only material, but also non-material means (information, human). The purpose of this study is a theoretical and practical analysis of the concept of fundraising, as well as identifying its role in the implementation of socially significant initiatives at the regional level. As a method, the authors used interviews with industry experts, which allowed them to objectively consider the problems and prospects for the development of fundraising in solving socially significant initiatives in the region. The main conclusions include the clarification of the concept, the identification of specific results of the problems and methods of overcoming them.

Введение. Проблематика фандрайзинга представляет особый интерес, именно с развитием деятельности некоммерческих организаций, направленных на реализацию социально-значимых инициатив общественной жизни, что обусловило актуальность выбранной цели **исследования**. А именно, проанализировать инструменты фандрайзинга в дея-

тельности агентов, которыми зачастую являются НКО, призванные акцентировать внимание на важные социальные проблемы, требующие интегративного подхода к осмыслению и решению. В этой связи, в качестве **объекта**, мы выделим именно социально-значимые инициативы в сфере молодежной политики и их генерирование некоммерче-

скими организациями, в то время как **предметом** исследования будут являться инструменты фандрайзинга для достижения инициативных целей в указанной выше сфере.

Определение **метода** неразрывно связано с целью, объектом и предметом, а также условиями присутствия данного социального феномена в деятельности некоммерческих организаций для достижения реального социального эффекта в молодежной сфере. Наиболее эффективным методом автор обоснованно видит глубинное интервью в составе 10 (десяти) экспертов, наиболее оптимально и комплексно объединивших мнение о специфике функционирования фандрайзинга в процессе достижения социально важных целей и задач.

Если проанализировать степень изученности предмета исследования, то вполне очевидно конструируется вывод о хорошо представленном теоретическом концепте западных ученых [1] и несколько размытом обосновании изучаемого социального феномена среди российских специалистов, что обусловлено относительно недавним периодом появления фандрайзинга в отечественной социально-экономической экосистеме российского общества.

Особенности фандрайзинга для некоммерческих организаций в российской науке рассматривали Петренко Е. С., Градосельская Г. В. [2] и Попова Ю. С. [3], а эффективные инструменты использования данного феномена исследовали такие авторы как Артемьева Т. В., Семиглазов В.А. [4], Комаровский А. В. [5], Игнатьева Е. Л. [6].

Результаты исследования и обсуждения

Сам термин «фандрайзинг» можно трактовать как процесс поиска ресурсов для функционирования организации. Для российской практики данное явление достаточно новое, как было отмечено ранее, зато в американской стратегии менеджмента, особенно в политической сфере, данная категория упоминается достаточно часто, именно, в функционировании некоммерческих организаций [7].

По мнению А. Л. Балашовой, фандрайзинг – это деятельность некоммерческой организации, в основе которой лежит уникальная идея, что позволяет сформировать баланс (удовлетворённость) между получателем (НКО) и дарителем (источником ресурсов), результатом чего является благополучие и процветание общества [8].

Если интегрировать данные концепции, то можно утверждать, что фандрайзинг

– это система целенаправленного привлечения материальных и нематериальных ресурсов для успешного достижения поставленных задач при реализации конкретного социально-значимого проекта. Ключевыми источниками поступления финансовых средств в бюджет НКО являются федеральные или муниципальные органы власти, фонды, коммерческие структуры, а также частные лица, что, как правило, выражается в грантах, спонсорском участии и благотворительных пожертвованиях. Следовательно, фандрайзинг концептуально похож на поиск инвесторов, с весьма важным отличием, что любые предпринимательские капиталовложения, как правило, содержат коммерческий контекст, в то время как поиск средств в некоммерческих организациях предполагает реализацию социальных проектов, которые не предполагают извлечение прибыли. Иными словами, фандрайзинг можно рассматривать как технологию, которая свойственна, именно, социальной сфере в широком смысле, то есть включающей в себя и культуру, образование, здравоохранение и т.д. [9].

Следует подчеркнуть активацию деятельности некоммерческих организаций в современном российском социуме, что подтверждается ростом новых фондов, объединением, союзов не являются исключением и в регионах. Хорошо в научном контенте представлена социальная активность молодежных организаций в Республике Татарстан [10,11]. Специальные исследования посвящены анализу студенческих общественных организаций [12].

В Саратовской области неправительственные организации имеют широкий спектр функциональных возможностей, где преобладают такие виды общественной деятельности, как поддержка ветеранов войны и труда, инвалидов, профилактика алкоголизма, наркомании и пропаганда здорового образа жизни, охрана и защита окружающей среды, сохранение культурного наследия. В последние годы стал динамично развиваться институт казачества, структурные подразделения которого работают в одиннадцати районах области, а численный состав саратовских казаков приближается к более чем двум тысячам человек. Характеризуется активной деятельностью по защите интересов территориального общественного самоуправления «Ассоциация самоуправляемых территорий» г. Саратова. Следует подчеркнуть, что большинство некоммерческих организаций Саратовской области работает в сфере социальных услуг. Кроме того, наиболее востребованными, согласно

данным Правительства Саратовской области, являются такие направления как предпринимательство, здравоохранение, инновации и технологии, добровольчество, патриотизм, творчество [13].

Для более эффективного исследования фандрайзинга, как технологии привлечения ресурсов по реализации социально-значимых инициатив региона, в марте – апреле 2021 г. было реализовано авторское социологическое исследование при помощи метода глубинного интервью, где респондентами выступили эксперты отрасли (грантополучатели, работники правительственных структур, грантодатели).

Согласно мнению экспертов, на территории области действует относительно небольшое количество молодежных организаций, каждая из которых имеет свою специфику и направления деятельности. К числу активных добровольческих молодежных организаций, по мнению респондентов, относятся «Российский союз молодежи», Саратовское региональное отделение Всероссийской общественной организации «Ассоциация студенческих объединений России», молодежная общероссийская общественная организация «Российские Студенческие Отряды», Саратовское региональное отделение Общероссийской общественно-государственной детско-юношеской организации «Российское движение школьников», Саратовское региональное отделение Общероссийской молодежной общественной организации «Российский союз сельской молодежи», «Центр развития волонтерства», «Волонтеры победы», региональное отделение движения «Бессмертный полк», «Союз добровольцев». Также, эксперты отметили Корпус общественных наблюдателей общественной организации «РСМ», осуществляющей, в том числе, контроль за сдачей ЕГЭ, участие в акциях и спортивных мероприятиях. По мнению экспертов, наиболее эффективную деятельность в сфере политики осуществляет «Молодая гвардия», реализующая добровольческие мероприятия в области патриотизма, программы, направленные на участие молодежи в демократических процессах современного общества. Особое внимание респонденты уделили деятельности государственного учреждения «Молодежь+», на базе которого создан ресурсный центр, осуществляющий взаимодействие с НКО по вопросам информационного, правового и организационного консультирования социально-активных групп молодежи, что, безусловно, способствует реализации общественных идей.

Наибольшим опытом в области реализации социальных проектов, согласно мнению респондентов, обладает Саратовская региональная молодежная общественная организация «Синегория», которая более 25 лет эффективно выстраивает работу с аудиторией школьников. В круг интересов данной организации входит стимулирование интереса школьников к общественной жизни, обеспечение развития их духовного, творческого и лидерского потенциала.

В процессе исследования эксперты пришли к единому мнению, что все НКО, так или иначе реализуют социально-значимые инициативы, под которыми они понимают формирование, утверждение и практическую реализацию идеи, как отражение социальной активности, добровольно осуществляемых субъектом взаимодействий. То есть любая идея, приобретает вид социально-значимой, когда выходит за рамки эгоистических интересов инициатора, а становится общественным благом, что позволяет формировать у молодежи такие важные ценности как командный дух, взаимовыручку, активность гражданскую позицию и осознание общественного долга.

Кроме того, по мнению экспертов, у молодежных объединений саратовской области сформирован богатый опыт осуществления социально-значимых программ в области организации досуга здорового образа жизни, патриотического, гражданского, художественного, эстетического и социального воспитания, что стало возможным, благодаря поддержке Правительства, профильных министерств и ведомств, а также различных некоммерческих организаций, действующих на территории области. Большим успехом в регионе пользуется мероприятие «Российская студенческая весна», реализованное при поддержке Саратовской областной организации «Российский союз молодежи» совместно с Министерством образования и дирекцией губернских праздников. Наиболее интересным проектом ресурсного центра «Молодежь +» является «Платформа развития», направленной на формирование навыков проектирования, что стимулирует участие в грантовых конкурсах и форумных компаниях студентов и работающей молодежи. Молодежная организация «Российские Студенческие Отряды» (РСО) специализируется на обеспечении временной трудовой занятости, а также спортивной и творческой социализации молодежи. Студенческий отряд — это особая форма организации студентов и обучающихся образовательных учреждений, осуществляющая

трудовую деятельность в различных отраслях хозяйства в свободное от учебы время.

Как отмечают респонденты, деятельность молодежных организаций многопрофильна и разнообразна. Так организация «РСМ», формируя корпус вожатых, способствует участию молодежи в волонтерской деятельности по организации полезных и развлекательных мероприятий в детских домах и домах-интернатах, а «Союз добровольцев» сосредоточен на деятельности по улучшению качества жизни пожилых людей, помощи ветеранам, организации празднования памятных дат. «Российский Союз Сельской Молодежи» разрабатывает программы в селах по мотивации молодых специалистов, возрождению духовного и культурного наследия, а также традиций районов области.

Среди интересных социальных инициатив, эксперты отметили проект «Хопер», инициатором которого выступает «Центр открытых диалогов» специализирующийся на выявлении лидеров, приглашая в качестве спикеров и тьюторов представителей политики и бизнес-структур, а также организовывая традиционные спортивные и развлекательные программы.

Не менее значимым, выступает федеральный проект «Территория смыслов», где осуществляется повышение компетенций в области реализации программ молодежной политики. Молодежный форум Приволжского федерального округа «iВолга-2017» и Всероссийский молодежный образовательный форум «Таврида традиционно объединяет талантливых ребят различных регионов, способствуя социализации и самореализации молодежи.

Как отмечают эксперты, развитие подобных проектов в регионе требует значительной финансовой поддержки, как со стороны государства, так и частных фондов и коммерческих корпораций. Однако, каждая организация, по их мнению, обладает всего несколькими источниками финансирования, среди которых были отмечены президентские и муниципальные гранты, конкурсные субсидии, форумные компании. Наиболее масштабными, как отмечают специалисты, являются президентские гранты, и в этой связи, упрощение процедуры и переход на электронный формат способствовали повышению интереса молодежи к участию в конкурсе некоммерческих организаций. Главными условиями для участия в конкурсе являются наличие регистрации более года, статус юридического лица и наличие расчетного счета.

Кроме того, осуществление поддержки реализуется через систему конкурсов по выделению грантов некоммерческим неправительственным организациям (ННО), операторами которых выступают такие организации, как ФАДМ «Росмолодёжь», «Общественная палата РФ», РОО «Институт проблем гражданского общества», ООФ «Национальный благотворительный фонд», ООО «Российский Союз Молодёжи», ООО «Лига здоровья нации», ООО «Общество Знание» России, Фонд ИСЭПИ, ООД «Гражданское достоинство». Также, как отмечают эксперты, источником финансирования социально значимых инициатив могут выступать крупные фонды, такие как Благотворительный фонд В. Потанина, Фонд региональных социальных программ «Наше будущее», Фонд «Династия», что позволяет выделить данный вид в отдельное направление фандрайзинга.

Одним из перспективных направлений является корпоративный фандрайзинг, предполагающий как разовые, так и регулярные пожертвования, финансирование благотворительных программ и привлечение штатных сотрудников к их реализации на безвозмездной основе. Иными словами, философия корпоративного фандрайзинга построена на привлечении внимания общественности к компании, снижении репутационных рисков за счет участия в реализации социальных инициатив и демонстрации высокой степени социальной ответственности, что позволяет укрепить лояльность местных органов власти, СМИ и населения. Следовательно, как утверждают эксперты целесообразно привлекать предпринимательские структуры к организации праздников, благотворительных ярмарок, концертов, фестивалей при этом совмещая общественную полезность и PR-стратегии компаний. Безусловно, подобные шаги способствуют укреплению корпоративной культуры, где на первый план выходит общественная выгода, инновации и креативный подход. В тоже время, следует тщательно анализировать мотивацию спонсоров к участию в благотворительности, которая должна соотноситься с социокультурными и религиозными ценностями региона и направлена на повышение качества жизни населения. Тем не менее, размышляя о привлечении средств для НКО, путем пожертвований и благотворительности, эксперты отмечают, что данный вид фандрайзинга на территории Саратовской области реализуется очень редко или отсутствует совсем. Не следует забывать, что общественная организация имеет права вести коммерческую деятельность (если это зафик-

сировано в Уставе), не для извлечения прибыли, а для использования ее социальные цели и задачи.

Как предсказуемо показало исследование, в деятельности организаций «третьего сектора», осуществляющих деятельность на территории региона существует и ряд актуальных проблем. Одной из важных проблем остается наличие учебно-методических материалов и опыта написания проектной документации, что усложняет процесс масштабирования реализации социальных инициатив. В этой связи наличие цифровых платформ для обмена опытом, увеличение количества вебинаров и семинаров, и даже брошюр, а главное своевременное информирование позволило бы значительно нивелировать данный недостаток.

Также респонденты отмечают необходимость укрепления доверия к общественным организациям со стороны образовательных учреждений и подчеркивают их важную роль по выявлению талантливых ребят, создавая основу для их дальнейшего карьерного роста и развития. Вполне логично, что следствием этого, отчасти выступает и следующая проблема – кадровая нестабильность, ведь получив должное образование молодые специалисты зачастую просто уходят в другую сферу деятельности для получения более высокого личного дохода, а обучение следующего поколения требует еще больше времени.

Но основной проблемой, по мнению экспертов, остается нестабильное использование технологий фандрайзинга и не высокое материально-техническое обеспечение подобной деятельности особенно на стартапе. В первую очередь речь идет о сложностях в

аренде помещения, приобретения оборудования и оргтехники, привлечения компетентных кадров и опытных консультантов.

Заключение

Таким образом, можно сделать вывод, что фандрайзинг – относительно новая технология, предполагающая поиск материальных и нематериальных средств на реализацию социально-значимых инициатив общественными некоммерческими организациями. В Саратовской области действует достаточно большое количество НКО, хотя объединений, реализующих социально-значимые инициативы в молодежной сфере сравнительно не много. При этом каждая организация имеет свою специфику и решает задачи в определенном сегменте, что важно для системного подхода в реализации государственной молодежной политики. Спектр задач весьма разнообразен: от патриотических, волонтерских до образовательно-проектных, что способствует решению общественно значимых проблем и позволяет выявлять интересные инициативы, а самое главное, внедрять их в практику. Среди основных проблем эксперты видят необходимость разработки большего числа площадок для обмена опытом, их доступность для информирования, кадровые вопросы, а также потребность в укреплении доверительного отношения образовательных и общественных организаций для эффективного взаимодействия по решению поставленных задач. В качестве решений эксперты предлагают развитие образовательных программ по повышению компетенций в области фандрайзинга и увеличение грантового финансирования в периферийных регионах.

Литература

1. Зинурова Р. И., Тузиков А. Р. Тренды молодежной политики за рубежом // Вестник Казанского технологического университета. 2012. Т. 15. № 10. С. 345-348.
2. Петренко Е. С., Градосельская Г. В. Российское гражданское общество сегодня: реконструкция по результатам крупномасштабных опросов М.: Мир России, 2009. С. 236-243.
3. Попова Ю. С., Тараданов А. А. Теоретико-методологические основы определения социально-экономической эффективности некоммерческой сферы // Вестник Челябинского государственного университета, 2012. С. 49-50.
4. Семиглазов В. А. Инновации и инвестиции: учебное пособие. Томск: Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники, 2016. 134 с.
5. Комаровский А. В. Фандрайзинг в вопросах, ответах и цитатах: учеб. пособие. Луганск, 2007. С. 76-80.
6. Игнатьева Е. Л. Фандрайзинг в России – состояние и перспективы: интервью Чередниченко М. Л., М.: Art-менеджер, 2002. С. 246-250.
7. Цивук Р. А. Фандрайзинг. СПб.: Питер, 2007. С. 130-146.
8. Балашова А. Л. Фандрайзинг для молодежной организации: конспект лекций, М.: МГГУ им. М.А. Шолохова, 2008. С. 150-157.

9. Экономика и управление в некоммерческих организациях: учебно-методическое пособие / составители Ю. Ф. Колесникова. — Липецк : Липецкий государственный педагогический университет имени П. П. Семёнова-Тян-Шанского, 2018. 42 с.
10. Зинурова Р. И. Институты воспроизводства социальных практик в сфере социального творчества и предпринимательства // Управление устойчивым развитием. 2019. № 5 (24). С. 61-66.
11. Тузиков А. Р. Молодежь России: патриотическая идеология и политический активизм в региональном измерении // Управление устойчивым развитием. 2019. №6 (25). С.63-68.
12. Тузиков А. Р., Зинурова Р. И. Социология студенчества: теоретический статус и исследовательские практики // Высшее образование в России. 2019. Т. 28. № 6. С. 40-51.
13. Сайт Правительства Саратовской области. URL: <https://saratov.gov.ru/> (дата обращения: 20.07.2021).

Сведения об авторах:

©**Косхелев Александр Анатольевич** – кандидат социологических наук, доцент кафедры «Социология молодежи», Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского, Российская Федерация, Саратов, koshelev76@mail.ru.

©**Ивченкова Мария Сергеевна** – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Института социологии – обособленное подразделение Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Российская Федерация, г. Москва, m.ivchenkova@gmail.com.

Information about the authors:

©**Koshelev Alexander Anatolyevich** – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of the Department «Sociology of Youth», Saratov National Research State University named after N. G. Chernyshevsky, Russian Federation, Saratov, koshelev76@mail.ru.

©**Ivchenkova Maria Sergeevna** – Candidate of Sociological Sciences, Senior Researcher Institute of Sociology-a separate division of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation, Moscow, m.ivchenkova@gmail.com.

УДК 316.624.3

И. М. Настявин

ИДЕИ ИНДИВИДУАЛИЗМА И ИХ ОТРАЖЕНИЕ В СОЗНАНИИ СОВРЕМЕННОЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Ключевые слова: индивидуализм, индивидуалист, амбивалентность сознания, природа индивидуализма, коллективизм, суррогатный коллективизм, альтруизм, мировоззрение, отчуждение, власть

В статье рассматривается проблема индивидуализма в условиях современного развития человеческого общества. Затрагиваются вопросы его генезиса, природы и той роли, которую он играет в современных социально-политических и экономических отношениях в формировании структур политической власти и политического режима, внутренней и внешней политики государств. Анализируются основные положения концепции индивидуализма М. Штирнера, а также взгляды П. Струве, С. Франка, Г. Зиммеля, Э. Шредингера, Г. Лукача, А.В. Гидлевского и других западных и отечественных ученых. Выделены и проанализированы некоторые разновидности индивидуализма. Раскрывается его содержание, причины экспансии и трансформации в процессе развития общества. Дается сравнительный анализ индивидуализма и альтруизма. Определяется соотношение индивидуализма и гуманизма, патриотизма. Подчеркивается амбивалентность сознания индивидуалиста и особенности его политического поведения. В статье приводятся данные результатов социологического опроса студентов 2-го и 4-го курсов 2-х факультетов КНИТУ, проведенного автором в 2020 г. которые подтверждают его теоретические положения и гипотезы.

I. M. Nastyavin

IDEAS OF INDIVIDUALISM AND THEIR REFLECTION IN THE MODERN STUDENT YOUTH

Keywords: individualism, individualist, ambivalence of consciousness, nature of individualism, collectivism, surrogate collectivism, altruism, worldview, alienation, power

The article considers the problem of individualism in the conditions of modern development of human society. The questions of its genesis, nature and the role that it plays in modern socio-political and economic relations in the formation of structures of political power and political regime, domestic and foreign policies of states are touched upon. The basic principles of the individualism concept of M. Stirner, as well as the views of P. Struve, S. Frank, G. Simmel, E. Schrödinger, G. Lukacs, A.V. Gidelevsky and other Western and domestic scientists. Some varieties of individualism are highlighted and analyzed. It reveals its content, the reasons for expansion and transformation in the development of society. A comparative analysis of individualism and altruism is given. The correlation of individualism and humanism, patriotism is determined. The ambivalence of the individualist consciousness and the features of his political behavior are emphasized. The article presents the results of a sociological survey of 2nd and 4th year students of 2 faculties of KNIU, conducted by the author in 2020, which confirm his theoretical positions and hypotheses.

Проблема индивидуализма всегда была и остается актуальной для любого общества, желающего сохранить себя как единое целое. Индивидуализм (франц. individualism) – тип мировоззрения, нравственного и политического сознания, который абсолютизирует позицию отдельного индивида, противопоставляя её обществу. Причём эта позиция касается не обязательно какого-то определенного обустройства общества, а общества вообще. Индивидуализм означает приоритет личных интересов над общественными, делает упор на самостоятельность личности, возможность её обособления, независимости от общества. Он может проявляться в поступках человека, в различных эти-

ческих, философских, идеологических, политических и прочих взглядах, установках и концепциях. В практической плоскости индивидуализм и коллективизм символизируют степень интеграции индивидов в какие-либо социальные общности, группы.

В индивидуалистических обществах связи между индивидами определяются не духовными, а деловыми отношениями. В духовном отношении они достаточно слабые, так как каждый индивид заботится лишь о себе (в лучшем случае о себе и своем ближайшем семейном окружении). В коллективистских обществах люди от рождения, в силу соответствующего воспитания, интегрированы в духовно спло-

ченные ингруппы, например, в расширенные семьи (с дядями, тетями, дедушками и бабушками), которые защищают каждого члена семьи как часть неразрывного целого. Данные коллективистские отношения переносятся на все общество, в котором часть (индивид) и целое (общество) связаны чувством взаимной ответственности друг перед другом. Зависимость способа существования одного зависит от способа существования другого. Таким образом, понятия «индивидуализм» и «коллективизм» имеют не только общественное, но и общественно-политическое значение.

Исторически индивидуализм не характерен для примитивных, архаических обществ, в которых индивиды не принадлежат своему социальному целому и не могут рассматриваться как его самостоятельные единицы. Проявление индивидуализма возможно только в обществах, где имеется возможность осознания индивидом обособления от общности, к которой он принадлежит. К таковым относятся общества, в которых уровень экономического развития достиг возможности обособления хозяйства его отдельных индивидов (семей, кланов) от необходимости участвовать в ведении хозяйства всей общности. Возрастание возможности экономической самостоятельности и порождает в сознании человека индивидуализм. Хозяйственные успехи укрепляют его, и он начинает играть доминирующую роль не только в ведении индивидом хозяйства, но и в его политическом поведении, в политике. Общество дифференцируется на «Я» и «Они», «свой – чужой». Происходит расслоение общества на богатых и бедных, а социальные отношения между ними приобретают классово-антагонистический характер. Таковыми являются все общества, основанные на индивидуалистических, частно-собственнических отношениях, включая буржуазные отношения, которые превращают «отношения людей в общественном процессе производства в чисто атомистические» [1, с. 103]. Эти отношения наиболее полно отражают мировоззрение, психологию изолированного одиночки, создают видимость обособленности индивида от всякого социального целого. Только в «обществе свободной конкуренции, – писал Маркс, – отдельный человек выступает освобожденным от природных связей и т.д., которые в прежние исторические эпохи делали его принадлежностью определенного ограниченного человеческого конгломерата» [1, ч. 1, с. 18]. Производственная, родовая деятельность человека в условиях частной собственности превращается в нечто чуждое ему. Хотя «именно в переработке предметного мира человек впервые действительно утверждает себя как родо-

вое существо. Это производство есть его деятельная родовая жизнь. Благодаря этому производству природа оказывается его производением и его действительностью» [2, с. 94].

Отчужденный же труд, отчуждая от человека «1) природу, 2) его самого, его собственную деятельную функцию, – писал Маркс, – его жизнедеятельность, тем самым отчуждает от человека род: он превращает для человека родовую жизнь в средство для поддержания индивидуальной жизни. Во-первых, он отчуждает родовую жизнь и индивидуальную жизнь, а во-вторых, делает индивидуальную жизнь, взятую в ее абстрактной форме, целью родовой жизни, тоже в ее абстрактной и отчужденной форме» [2, с. 92-93].

Процветающий на почве развивающейся экономики индивидуализм порождает отчуждение человека от человека и от своей собственной «родовой сущности», социальной, коллективистской природы. При капитализме индивидуализм находят свое полное и завершающее воплощение, доводя до крайнего абсурда способ существования человека, его родовую сущность. Подготавливая тем самым переход общества либо к качественно новому состоянию, либо к угрозе самоуничтожения.

В обществе, где частная собственность делает не просто различными, а противоположными коренные интересы людей, коллективизм проявляет себя в извращенной, суррогатной форме (т.е. только до тех пор, пока личные интересы совпадают), за которой скрывается отчужденность людей друг от друга, подозрительность, вражда и т.д. Здесь коллективизм проявляет себя как простое объединение людей, как, например, способ противостояния (отражения) общей угрозы существованию индивидов данной общности. И существует оно ровно столько, сколь существует угроза, т.е. порождающая его причина. Это, скорее всего групповой (корпоративный, классовый, национальным и т.д.) эгоизмом, но никак не подлинный коллективизм, так как доминирующим типом сознания при объединении людей является индивидуализм. Необходимость объединения лишь «притупляет», «притормаживает» эгоизм каждого из участников объединения до той поры, пока это отвечает их личным, частным интересам. Оно существует ровно столько, сколько оно способно удовлетворять потребности и интересы входящих в это объединение лиц. Каждый из членов такого объединения выходит из него, как только его индивидуальные потребности и интересы достигнуты или больше не могут быть удовлетворены в рамках данного объединения. Он вступает либо в другое объединение (где его потребности и интересы вновь

будут удовлетворены), либо (если это возможно) удовлетворяет их индивидуально. Совпадение интересов здесь не создает коллектива, поскольку их интерес не совпадает с их родовой сущностью, социальной коллективистской природой человека. Их объединение держится только на возможности синергии удовлетворения индивидуального (корпоративного, группового, классового) интереса. Индивидуалистический интерес всегда ситуативен, поскольку его носитель обязательно ориентируется на сложившуюся ситуацию, обстановку из которой можно (или нельзя) извлечь личную пользу, выгоду. В зависимости от этого индивид и принимает то или иное решение по вхождению или выходу из объединения.

Здесь нет, и не может быть коллективистского интереса. Это тот же индивидуалистический интерес, приобретший массовую (групповую, корпоративную, классовую) форму.

В качестве примера группового индивидуализма можно привести высказывание А. Чубайса: «Мы, – говорил он, – не могли выбрать между «честной» и «нечестной» приватизацией, потому что честная приватизация предполагает четкие правила, установленные сильным государством, которое может обеспечить соблюдение законов. В начале 1990-х у нас не было ни государства, ни правопорядка. Службы безопасности и милиция были по другую сторону баррикад. Они учились по советскому Уголовному кодексу, а это от трех до пяти лет тюрьмы за частное предпринимательство. Нам приходилось выбирать между бандитским коммунизмом и бандитским капитализмом» [3].

Одной из ярких черт индивидуалиста является то, что он не только не избегает возможности удовлетворить свои потребности и интересы за счет других людей, но и постоянно находится в её поиске, в желании переложить свои трудности и неудачи на других. «Я» для него цель, другие «Я» – средство достижения этой цели.

Сознание индивидуалиста, как правило, латентно и открывается либо через его поведение и поступки, либо тогда, когда достижению его цели нет явной угрозы. В случае наличия такой угрозы, он вуалирует, скрывает истинные цели, чтобы не быть подвергнутым ostracism (или еще более жесткому наказанию) со стороны той общности (конкретного человека), за счет которой он собирается её достичь. Он вынужден скрывать её даже от своих «собратьев» индивидуалистов, так как и они для него являются (или могут быть) конкурентами или средством достижения его цели. Открытое провозглашение цели разоблачает его подлинные намерения по отношению к ним, и это может

быть препятствием на пути к достижению цели. Тем более что и конкуренты также не против использования его в качестве средства достижения собственных целей.

Таким образом, индивидуалист если и противостоит какой-либо социальной несправедливости или борется за неё, то вовсе не потому, что он вдруг стал коллективистом, а только потому, что на данный момент ему это выгодно для достижения своих собственных индивидуальных целей.

Амбивалентность сознания индивидуалиста – его естественное состояние. С одной стороны, преобладающее в нем чувство эгоизма, наличие каких-то индивидуальных качеств, способных (по крайней мере, как ему кажется) сделать его свободным, независимым от общности, толкает его на обособление от этой общности. С другой стороны, невозможность быть абсолютно свободным от общности, принуждает эгоиста идти на компромисс с общностью, «наступать на горло своей собственной песне».

Стремление индивидуалиста к увеличению личной (или защищающей индивидуалистические интересы) власти, расширение её границ, экспансии, столь же естественны, сколь естественно его отрицание власти коллектива (коллективистской власти). С помощью власти он имеет возможность достигать нужных ему результатов и целей. Власть (господство) над другими людьми – условие и гарантия его существования и благополучия. Политические отношения, вместо необходимости согласования действий между людьми по поводу того или иного совместного способа их существования, индивидуализм превращает в непримиримое противостояние и соответствующую форму борьбы индивидов за политическую власть как необходимое средство поддержания индивидуального и индивидуалистического способа существования. Возвышение индивидуального интереса над общественным приводит к непрочности и нестабильности обществ, распространяя эту нестабильность на все общественные отношения, включая внутрисемейные.

Индивидуалист вынужден под угрозой захвата власти другим индивидуалистом постоянно заботиться об укреплении и расширении своей власти. Поэтому экспансия и агрессивность имманентны индивидуалистическому типу политического сознания. Его интенциональность всегда связана с подменой общего единичным, содержание формой, общественного индивидуальным. Сознание человека, отравленное ядом индивидуализма, уничтожает его самого, как существа общественного, не дает ему возможности быть самим собой, заставляет постоянно скрывать свою индивидуалистиче-

скую сущность от разоблачения, поскольку в противном случае сразу же становятся понятными его асоциальные интересы и цели.

Индивидуализм наполняет общественную форму связей между людьми своим индивидуалистическим содержанием, заменяя их общественное содержание – индивидуалистическим суррогатом. Все структурные элементы общественного сознания (правовое, экономическое, экологическое, нравственное и др. виды сознания) оставаясь общественными по своей форме, приобретают не свойственное им индивидуалистическое содержание. Чтобы скрыть это противоречие, носители индивидуализма сконструировали десятки различных теорий, оправдывающих антигуманную сущность индивидуализма. Многие из них весьма успешно спекулируют на том, что в поведении человека всегда можно найти элементы эгоизма, поскольку «эгоизм, так же как и самоотверженность, – писал К. Маркс, – при определенных обстоятельствах есть необходимая форма самоутверждения индивидов» [4, с. 236].

Участвуя в том или ином виде в общественной, политической деятельности, носитель индивидуализма не только стремится к власти, но и, приобретая ее, стремится к выстраиванию соответствующих, властно-иерархических отношений для закрепления своего, обретенного им в ходе борьбы за «место под солнцем», социально-правового статуса. Внутри этих отношений обязательно выстраиваются властно-иерархические отношения, основанные не на общественной необходимости, а на индивидуальных потребностях. Такая политическая власть, оставаясь по форме общественной, на деле становится либо властью конкретного индивида, либо группы, класса, придерживающегося индивидуалистических ценностей и идеалов. Социальная природа власти, призванная выражать объективные интересы общества, подменяется властью интересов конкретного индивида или группы, класса.

Богатому и сильному человеку помощь, солидарность с другими людьми не нужна. Он сам себе хозяин. При определенных психологических и интеллектуальных склонностях – это и создает у него иллюзию свободы, независимости от общества. Ему наиболее присущи черты эгоизма и индивидуализма, чем людям с меньшим социальным благополучием. Бедному человеку без солидарности и поддержки не обойтись (а иногда и не выжить). Он не хозяин своего положения. Его усилия одиночки тщетны. Условия господствуют над ним. Отсюда его стремление к коллективизму даже тогда, когда на самом деле он склонен к индивидуализму.

Именно поэтому с богатыми и бедными людьми происходят, на первый взгляд странные метаморфозы – богатый, обеднев, вдруг становится коллективистом, а бедный, обогатившись, становится индивидуалистом.

У индивидуализма две основные социальные причины генезиса и существования. Первая – относительное экономическое благополучие, позволяющее индивидам вести относительно независимый, обособленный друг от друга образ жизни. Не случайно в странах богатого Запада индивидуализм развит сильнее, чем в странах бедного Востока. Чем выше уровень благосостояния человека, тем больше у него возможности реализовать себя, тем ниже в обществе темпы роста населения, тем чаще возникают малочисленные семьи, в которых складываются благоприятные условия для ориентации ребенка только на самого себя.

Вторая причина индивидуализма как общественного явления – незрелый, индивидуалистический тип политического сознания. Экстраполяция в той или иной форме закона естественного отбора – выживание наиболее приспособленных особей [5] на отношения между людьми. Частные интересы индивидов реализуются в процессе их свободных взаимоотношений на конкурентной основе. В экономической сфере это происходит посредством рынка, где осуществляется якобы эквивалентный обмен индивидуальными благами (стоимостями). Конкуренция присутствует и при стремлении людей обеспечить себе более благоприятный социальный статус.

Такова природа и сущность индивидуализма.

Тем не менее, сегодня мы живем в мире, в котором господствует идеология индивидуализма. З. Бауман, описывая современное состояние общественной жизни, как исторический итог модернизации социально-экономических и политических отношений, ввел специальный термин «индивидуализированное общество» [6, с. 13-124]. А Ж. Липовецки назвал время господства этого общества эрой пустоты [7]. Однако сторонников индивидуализма, как в теории, так и на практике, не становится меньше. К его наиболее последовательным сторонникам можно отнести Л. Мизеса, А. Ренд, Л. Штрауса, Ф. Хайека, Э. Шрёдингера, Л. Дюмона и др. Родоначальником же ультраиндивидуализма можно считать М. Штирнера. Его идеи (чаще всего в неосознанном варианте) и сегодня популярны в среде либеральной части населения – молодежи. Поэтому его идеи, безусловно, заслуживают самого пристального внимания.

Мысль о гармонии индивидуальных особенностей и коллективизма о том, что человек, обладая индивидуальностью, не может её выражать иначе, чем через других людей, Макс-у Штирнеру абсолютно чужда. Он мыслит строго полярными категориями. Или общество или личность. Своего героя он называет «единственным». Ключевая мысль Штирнера: «Свободен я от того, от чего избавился, – собственник же я того, что в моей власти, над чем властвую» [8, с. 146-147]. Отсюда он делает вывод: «То, что не могут у меня отнять, остается моей собственностью; так пусть же сила решает вопрос собственности, и я буду ждать всего от моей силы! Чужая сила, сила, которую я предоставляю другому, делает меня крепостным, пусть же моя собственная сила сделает меня обладателем. Так отберу же я у других ту власть, которую я им дал в неведении своей силы! Я скажу тебе, что все, на что я могу распространить свою власть, – моя собственность, и я предъявлю свои права на все, чего могу добиться и достичь; я признаю своей действительной собственностью все, на что я даю себе право» [8, с. 244]. На какую же собственность его «единственный» имеет право? На ту, на которую он дает себе право. «Эгоизм, – пишет он, – не имеет намерения жертвовать чем-нибудь или ограничивать себя, он просто решает: что мне нужно, то я должен иметь, и я себе это добуду» [8, с. 245]. Мысль Штирнера проста «вся жизнь – борьба за существование, и в зависимости от ступени общественного положения – за большее или меньшее «благополучие» [8, с. 256]. «Неутомимое стяжательство, – пишет он, – не дает передохнуть и спокойно наслаждаться» [8]. «Наслаждение жизнью – вот «цель» жизни» [8, с. 308], восклицает он.

Штирнер полагает, что миром правит сила, поэтому прав сильнейший [9]. Жизнь отдельного человека, – пишет он, – имеет для меня значение лишь постольку, «поскольку она ценна для меня». «Его блага, как материальные, так и духовные, – мои блага, и я распоряжаюсь ими как моей собственностью, насколько хватает у меня силы» [8, с. 235]. Проблема «единственного» заключается в том, что другие индивиды тоже могут захотеть иметь такое право. Поэтому, чтобы стать «действительно свободным», человеку нужно окружить себя плотным кольцом охранников. Бред? Но не находите ли вы, что этот бред удивительно созвучен нашей эпохе? Человечество действительно движется по пути, указанному Штирнером. Он, в отличие от других, особенно наших современных отечественных либералов, рисует открытую картину буржуазной одержимости собственностью. Люди превращаются в вещи; их отношения

друг с другом принимают характер владения собственностью. Штирнер открыто выражает то, о чем думает каждый индивидуалист, собственник – «я должен иметь все, что хочу», «мое удовлетворение определяет мои отношения к людям» [8, с. 306]. Таких «единственных» ждет незавидная участь. Последовательный индивидуализм приводит человека к полному одиночеству. Что и произошло с автором «Единственного...».

Индивидуализм может создавать у своего носителя иллюзию возможности жить за счет общества и быть свободным от него. Однако негативный опыт такого общения, накапливаемый в обществе, может привести к ostracism индивидуалиста от общества. Поэтому индивидуалист вынужден приспосабливаться к сложившимся в обществе тем или иным нормам и принципам коллективистских отношений.

Возникающую дилемму каждый индивидуалист решает по своему, пытаясь найти наиболее удобную для себя форму общения с другими людьми, социальными институтами, обществом. Именно поэтому хитрость и изворотливость являются наиболее характерными чертами такого человека. Постоянный поиск личной выгоды и при этом понимание необходимости сохранения существующих социальных связей и отношений с неизбежностью порождают у индивидуалиста подобные качества.

Увеличение в обществе доли индивидуалистов или усиление их влияния на общественные отношения приводит к дестабилизации этих отношений. Это находит свое выражение в поляризации социально-классовой структуры общества, росту пропасти между доходами богатых и бедных, различного рода нравственным, моральным издержкам. Например, унижению людей с низкими доходами, обвинению их в лени, низких интеллектуальных способностях и т.п.

Джозеф Стиглиц охарактеризовал формирующуюся сегодня социальную структуру общества как 1 % против 99 %. Согласно Т. Пикетти нынешняя ситуация возрождающегося классового противостояния по целому ряду параметров аналогична той, которая привела к Первой мировой войне и революциям, и, если не умерить аппетиты господствующего класса, различия в обществе примут необратимую культурную форму, а затем превратятся в идеологию антропологического раскола [10].

В обществах, пропитанных духом индивидуализма, социальные возмущения трансформируются в соответствующую форму. Так, в США после убийства негра полицейскими в июне 2020 г., социальное возмущение негри-

тянской общины приобрело характер расизма наоборот. Толпы возмущенных афроамериканцев не только сносили памятники белым работодателям, но и заставляли людей с белой кожей каяться (становиться на колени, целовать обувь неграм) за период рабства и унижения их предков в США.

В современных экономически развитых странах Запада, США индивидуализм проявляется в межпоколенных отношениях со стороны молодежи. В её нежелании заботиться о престарелых родителях [11].

Амбивалентность, противоречивость индивидуализма заложена в его природе. На это обратил внимание Э. Фромм. Индивидуализм «в позитивном смысле, - отмечал он, - означает освобождение от социальных пут, в негативном есть «право собственности на самого себя», то есть право – и обязанность – посвятить всю свою энергию достижению собственных успехов» [12, с. 93]. Тейяр де Шарден называет индивидуализм «привилегией» «или скорее недостатком» «индивида в той мере, в какой он, замыкаясь от остального, становится антиподом целого» [13, с. 371].

Польская исследовательница М. Оссовская, выделяя три значения индивидуализма, пишет, что в «одном из своих значений индивидуализм противопоставлен стадности... В другом значении индивидуализму противопоставляется конформизм в поведении... Наконец, индивидуализм понимается иногда не как личное качество, но скорее как воззрение, не признающее подчинения интересов личности интересам целого и выступающее против этатизма, ибо государство должно служить человеку, а не человек государству» [14, с. 70-71].

Питательной средой индивидуализма является сфера рыночной экономики, бизнеса, в которых а priori заложены принципы индивидуалистических отношений. Частная собственность, конкуренция закрепляют имеющиеся у человека склонности к индивидуализму, порождая специфическую индивидуалистическую культуру, мораль, чьи нормы и принципы находятся в противоречии с общечеловеческими принципами и нормами культуры и морали. Общечеловеческое отчуждается от человека, его родовой сущности и социальной природы.

Попытки придать индивидуализму некую форму гуманизма, так как он, якобы, признаёт абсолютную ценность человеческой жизни, ничего общего с гуманизмом не имеет. Невозможно, противостоять обществу, другим людям и одновременно проявлять заботу о них. Такое противостояние исключает гуманизм. «Воплощая в себе раздробленный, противоречивый опыт, индивидуалистическое сознание –

писал А.А. Богданов, – необходимо становится жертвою «проклятых вопросов». Это те безнадежно-бесплодные вопросы, на которые вот уже столько веков «глупец ожидает ответа». Что я такое? – спрашивает он, - и что этот мир? Откуда все это? Зачем? Почему столько зла в мире? И т.д., до бесконечности.

Присмотритесь к этим вопросам, и вам станет ясно, что это вопросы раздробленного человека. Именно их должны были задавать себе разъединенные органы одного организма, если бы продолжали жить и могли спрашивать» [15, с. 37-38].

Возведение индивидуализма в абсолют уничтожает общество как единое целое и, следовательно, самого человека, поскольку его существование как человека разумного вне общества невозможно.

Гирт Хофстед, много лет изучающий ценности разных наций, пришел к выводу, что в странах, где доминирует индивидуализм, обычно более развита экономика, более современны производительные силы, люди более мобильны, а средний класс более обширен, чем в странах с преобладанием коллективных ценностей, где царят отсталость и бедность. В этих странах хорошо развит сервис (за определенную плату человек можно рассчитывать на любую услугу). Здесь не принято зависеть от кого-то, принято рассчитывать только на свои способности. В культуре такого общества «выше ценят независимость, разнообразие и удовольствие, чем экспертное знание, долг и безопасность» [16, с. 28]. В то же время в таком обществе, чем независимее в материальном отношении становится молодежь, тем очевиднее рушатся традиции, тем сильнее выражена тенденция к доминированию права над моралью. Такое общество разрушается. И чтобы оно не развалилось окончательно, ему необходима инъекция суррогатного коллективизма. Этим, например, призвана заниматься киноиндустрия в США. Такую же роль начинает выполнять и отечественный кинематограф, показывая группу борцов за справедливый и честный бизнес. В результате чего, разлад в сфере нравственного и политического сознания людей, особенно в среде молодежи, становится еще глубже. Так, например, результаты проведенного автором социологического опроса студентов КНИТУ в феврале 2020 г. (152 студента) показали, что 34,2 % из них готовы дать денег займы без всяких условий. 59,2 % при условии, что их вернут вовремя. 0,7 % готовы обговорить процент с занятой суммой. Т.е. в целом коллективистские черты (взаимопомощь, взаимовыручка и т.п.) проявляют более 93 %. В то же время 7,9 % из них смогли бы пожертвовать интересами

своих друзей и близких ради достижения своих личных целей и 57,9 % допускают это в крайнем, альтернативном случае. Т.е. фактически 65,8 % готовы поступиться интересами самых

близких людей. Не смогли бы этого сделать только 27,6% опрошенных студентов (см. рис. 1.).

Если у вас, кто-нибудь из близких, знакомых, попросит в долг какую-то сумму денег, вы ему дадите?	
34,2	Да, без всяких условий
59,2	Да, но при условии, что вернет одолженную сумму вовремя
0,7	Да, но обговорю процент с занятой суммой
5,9	Что другое, укажите _____

Рис. 1 – Отношение студентов к финансовой помощи своим друзьям и близким знакомым

Интересные данные были получены и при выявлении отношения студентов к списыванию. Так, 30,8 % студентов, из числа опрошенных, ответили, что специально заниматься этим не будут, но если представится такая возможность, то они ею воспользуются. 31,3 % всегда готовы списать со шпаргалки или какого-нибудь другого источника. 6,7 % готовы сделать преподавателю подношение, оказать

необходимую услугу, а 1 % при возможности готовы попросить знакомых, родителей, чтобы они поговорили с преподавателем. И только 30,2 % студентов предпочитает сдавать экзамены и зачеты без поиска «лазеек» (см. рис. 2.). Следует заметить, что практика приема зачетов и экзаменов свидетельствует о том, что в действительности процент не списывающих, скорее всего, гораздо ниже.

Что бы вы предпочли, для того чтобы облегчить себе сдачу экзамена, зачета?	
6,7	Сделать преподавателю какое-нибудь подношение или оказать необходимую услугу
31,3	Списать со шпаргалки или какого-нибудь другого источника
1,0	Если есть возможность, попросить знакомых, родителей и т.д., чтобы они поговорили с преподавателем
30,8	Специально всем этим заниматься не буду, но если будет возможность – воспользуюсь
30,2	Предпочитаю сдавать, а не искать «лазейки»

Рис. 2 – Отношение студентов к сдаче экзаменов и зачетов недобросовестными методами

Особенности проявления идей индивидуализма в среде молодых членов общества хорошо прослеживаются в результатах социологических исследований [37,38,39,40].

По мнению А. де Токвиля, индивидуализм призван обозначить спокойное и взвешенное стремление каждого гражданина изолировать себя от массы себе подобных и замкнуться в узком семейном и дружеском кругу. Следствием этого стремления является то, что, создавая для себя маленькое сообщество, человек охотно перестает тревожиться об обществе в целом. Как символ буржуазно-либерального мировоззрения индивидуализм провозглашает свободу индивида от всех форм внешнего давления, тем самым стимулирует самостоятельную, личную инициативу, активность человека.

П. Б. Струве возносил индивидуализм в критерий нравственности. «Нравственно лишь

то, – писал он, – что творится свободно, «автоматно» или, по прекрасному и выразительному русскому слову, самочинно» [17, с. 23]. Для него «индивидуализм есть абсолютное морально-политическое начало. Никакой общественно-политический универсализм не может быть признаваем, если он несовместим с индивидуализмом. С этой точки зрения должен быть рассмотрен и социализм как этическая и политическая, т.е. культурная проблема» [17, с. 22]. В то же время он утверждает, что «философская противоположность социализма – индивидуализм» [17, с. 159].

П. Б. Струве, а так же С. Л. Франк, употребляют понятие «гуманистический индивидуализм» как некое «цельное и внутренне согласованное культурно-философское мирозерцание» [17, с. 150]. П.Б. Струве дополняет этот ряд понятиями «религиозный индивидуализм», понимая под этим понятием «художест-

венное отношение к миру, в котором величайший субъективизм единственных чувствований соединяется с полнейшим объективизмом общеобязательного восприятия, мистицизм – с реализмом, личное – с всеобщим» [17, с. 209-210], «идеалистический (религиозный, метафизический, гуманистический) либерализм-индивидуализм», который исходит из «ценности отдельной человеческой личности» [17, с. 412], «осознанный индивидуализм» [17], «хозяйственный индивидуализм» [17, с. 155], «номиналистически обоснованный индивидуализм» [17, с. 375], «христианский индивидуализм» [17, с. 384], «абсолютный индивидуализм» (христианство) [17, с. 386], «социально-политический» или «бытовой» индивидуализм» [17, с. 405].

Г. Лукач, анализируя экономические и этические обоснования социализма, употреблял понятие «методологический индивидуализм». «Экономический фатализм и новое этическое обоснование социализма, – писал он, – тесно связаны между собой. Не случайно то, что у Бернштейна, Туган-Барановского и Отто Бауэра мы равным образом находим такое этическое обоснование. А именно, оно появляется не только в силу необходимости отыскать и найти субъективную замену загражденному ими самими объективному пути к революции, но также методологически проистекает из вульгарно-экономического подхода, из методологического индивидуализма» [18, с. 185].

В научной литературе имеются и другие взгляды на феномен индивидуализма. Так, Даниель Колак выделяет три его разновидности: закрытый, пустой и открытый индивидуализм.

Одна из этих точек зрения, на наш взгляд, близка к берклианскому солипсизму (открытый индивидуализм) [19]. Другая (закрытый индивидуализм) ничем не отличается от обычной и самой распространенной точки зрения на это понятие. Представители «пустого индивидуализма», например, Дэниел Деннет [20], считают, что в сознании нет единой управляющей инстанции (субъекта), и вся его работа представляет собой систему спонтанно самоорганизующихся процессов.

К наиболее характерным чертам индивидуализма относятся рационализм, прагматизм, стремление к выгоде, перевес эгоистических, примитивных потребностей над духовными, гуманистическими потребностями и т.п. В этом смысле индивидуализм практически ничем не отличается от эгоизма. Разница между ними может усматриваться только в том, что индивидуализм предполагает аргументированное (теоретическое) обоснование своего права на существование. Ребенок может быть эгои-

стом, но индивидуалистом он станет только тогда, когда будет строить свое поведение, общение с другими людьми, природой и определять средства достижения своих целей, исходя из сформировавшихся у него соответствующих нравственных принципов, мировоззрения.

Социологические исследования, проведенные в РФ в 90-е [21] и последующие годы, [22] связанные с проблемами индивидуализма и коллективизма, показывают, что удельный вес индивидуалистов больше всего в среде самых молодых и самых богатых людей. Среди них гораздо больше лиц, считающих себя успешными. Они считают, что в жизни нужно действовать энергично, напористо. Коллективисты же предпочитают действовать обдуманно, ответственно, учитывать мнение окружающих.

По результатам исследований А. В. Гидлевского альтруистического и эгоистического сознания, эгоисты, в сравнении с альтруистами, имеют более низкий уровень интеллекта, например, в способности решать новые, неожиданные задачи, поскольку в решении таких задач они применяют сканирующий алгоритм: выбирают наиболее приемлемое для них решение из набора стереотипных решений. Одной из ярких черт эгоистов является лживость (по мнению А. К. Секацкого лживость показатель высокого интеллекта) [23, с. 85-86]. А. М. Горький считал, что «личный эгоизм – родной отец подлости» [24]. Эгоист, по мнению Н. А. Островского, живет только для себя, и если поворачивает его «я», то ему нечем жить.

Альтруисты, в отличие от эгоистов, не умеют лгать. В то же время альтруист избирателен. По мнению Г. В. Правоторова, он предпочитает рисковать собой «преимущественно для альтруистов» [25].

Иного мнения об эгоизме придерживались Г. Зиммель, полагавший, что «эмпирически, согласно рассудку, человек является просто эгоистом, и обратить этот естественный факт в его противоположность уже никогда не сможет сама природа» [26, с. 501] и А. Рэнд, по мнению которой, альтруизм «не предполагает существования человека, обладающего самоуважением и самодостаточностью» [27]. Такое мнение вообще достаточно характерно для западной общественной мысли. Так, А. В. Гидлевский считает, что современная западная этика, являясь одной из худших, нацеливает людей на успех, т.е. на антиальтруизм, культивируя в индивидах эгоистичные черты характера: тупость, лживость, подлость, лицемерность, жестокость и беспощадность. Другими словами, эгоист, управляемый геномом разрушения, нацелен на уничтожение мира, что мы и видим

на протяжении последних двух тысячелетий [23, с. 85-86].

Имя монстрам эгоизма, с которыми человечеству до сих пор не удалось справиться, – это нажива, алчность, преступность, воровство, коррупция, лживость, вседозволенность, насилие и т.д. Все это многообразие антиценностей концентрируется в понятии «индивидуализм», основой которого является личный интерес. Неважно с чем он связан и на что направлен, он всегда обслуживает «эго». Таким, например, является «буржуазный человек», собственник, который, с одной стороны, без общества не может существовать, но с другой стороны, «только в обществе и может обособляться» [28, с. 710] и не слышать, не чувствовать никаких (кроме своих) проблем. «Эгоизм, – говорил польский писатель-классик Г. Сенкевич, – это вата, заложенная в уши, чтобы не слышать людского стоны». Таким человеком может стать каждый. Даже самая слабая страсть человека может «сорваться с цепи» и завладеть «всем полем сознания; тогда ни один инстинкт, включая волю к жизни, уже не может противостоять тирании этой неодолимой силы» [29, с. 136]. Например, в Китае за коррупцию и злоупотребление властью чиновников ждет неминуемая казнь, но сила частного интереса бывает гораздо сильнее.

Следует подчеркнуть, что индивидуалистом делает человека не слабость, а осознание им силы. Его защита других – это, прежде всего, защита себя. Его помощь другим – это помощь себе. Даже в любви к другому человеку, проявляется его любовь к себе. «Эгоизм, – писал А.И. Герцен, – ненавидит всеобщее, он отрывает человека от человечества, ставит его в исключительное положение; для него все чуждо, кроме своей личности. С эгоизмом об руку идет гордая надменность» [30, с. 89].

Формирование индивидуалиста носит противоречивый и латентный характер. Например, формирование у детей предприимчивости, частной инициативы сочетается с воспитанием у них качеств патриотизма. Иная, открытая и непротиворечивая форма такого воспитания здесь просто невозможна, так как она может привести к формированию законченного эгоиста, циника и мизантропа, что угрожает распаду и так не очень прочного индивидуалистического общества. Но и последовательное формирование коллективистских качеств (бескорыстие, щедрость, совесть и т.д.) здесь тоже невозможно, так как оно тоже создает угрозу преобразования этого общества. «Достижение морального совершенства, – замечает С. Радхакришнан, – действительно ведет к смерти, но к смерти не морали, а моралистического ин-

дивидуализма. Правила поведения сохраняют свою силу до тех пор, пока мы стремимся вперед, подавляя зверя в самих себе» [31, с. 314].

Исходя их выделенных характерных черт индивидуализма к его основным источникам можно отнести:

- в экономической сфере – частная собственность, рыночные отношения;

- в духовной сфере – индивидуалистическая культура, обычаи, традиции, соответствующая система образования и воспитания, мораль, ближайшее окружение и т.д. То есть преобладание в практике межличностных отношений, опыта, построенного на принципах и нормах индивидуализма;

- в сфере психологии человека – эгоизм, духовная черствость, отсутствие сострадания к другим людям, желание возвыситься над ними или невозможность справиться со своими элементарными животными страстями. По этому поводу Эпиктет заметил: «Насколько прекраснее господствовать над неразумными страстями, нежели быть их рабом, настолько лучше быть человеком, нежели животным» [32, с. 338]. По его мнению, «человеку постыдно довольствоваться одной своей животной жизнью и забывать о человеческой разумной и духовной жизни» [33, с. 207];

- в сфере познания (гносеологии) – заблуждения, иллюзии, проистекающие из интеллектуальных, властных и экономических (собственности, денег), информационных возможностей.

Индивидуализм означает отношение конкретного или совокупного индивида, субъекта (социальной группы, класса) к окружающей его действительности, людям, выраженное в приоритете личного, индивидуального интереса над общественным, над интересами других людей. Это субъективный интерес, противоречащий объективному интересу самой личности индивидуалиста как существу общественному.

Индивидуализм – это попытка человека индивида освободиться от своей социальной природы (что практически невозможно сделать даже в условиях монашества). Причиной этого является либо непонимание человеком своей социальной природы, либо его неспособность контролировать в себе эгоистические потребности.

Индивидуализм может проявлять себя как индивидуальный, групповой, корпоративный, классовый, национальный, криминальный (воровской, коррупционный), индивидуализм буржуа (собственника), чиновника, бюрократа и т.д. Крайней формой буржуазного, частнособственнического индивидуализма является фашизм.

Таким образом, индивидуализм можно рассматривать как ценностное отношение личности к действительности, к людям, обществу, как тип мировоззрения, сутью которого является абсолютизация личного интереса отдельного индивида, как противостояние обществу независимо от его уровня развития или социального строя. К индивидуалистам можно отнести любого человека, которым движет сугубо личный интерес в ущерб общественному.

Индивидуализм имеет бинарную, двойственную природу: биологическую, уходящую своими корнями в инстинкт самосохранения (исходный фактор) и социальную, связанную с соответствующими социокультурными факторами: рыночной экономикой и соответствующей системой образования и воспитания. Степень его проявления во многом зависит от самой личности. Так, например, индивидуализм бывшего угнетенного, раба может проявить себя в более жестких и циничных формах, чем индивидуализм рабовладельца, поскольку первый настроен мстить за то унижение, в котором он находился. Причем эта месть может иметь самых экстремистские формы. Нечто похожее сегодня характерно для движения «Black Lives Matter» (жизни чернокожих имеют значение) в США, выступающего против насилия в отношении представителей негроидной расы.

С вопросом о том, что такое «индивидуализм» тесно связано понятиями «индивидуальное», «индивидуальность». Так, М.И. Данилова фактически отождествляет их. «Индивидуализм, – пишет она, – обнаруживается в своей эстетической ипостаси, где проявляются уникальность и самобытность творческих потенций личности» [34]. На наш взгляд, особенность первого состоит в том, что оно отражает черты, присущие конкретному индивиду в его обобщенной форме (честь, совесть, долг, достоинство, храбрость, мужество, доблесть и т.п.). Особенность второго в том, что это качество индивида, подчеркивающее его неповторимость.

Итак, феномен индивидуализма связан с появлением возможности обособления личности от общности [35]. Затем, в эпоху расцвета капитализма, индустрии (роста машинного производства, его автоматизации и, наконец, роботизации) происходит усиление обособленности индивида. Причем этот процесс представляет собой мировую тенденцию, он охватывает все страны, с той лишь разницей, что в индустриально более развитых странах он наиболее ярко выражен. Как тип мировоззрения, индивидуализм проявляет себя не только в межличностных отношениях, но и в отношениях с природой, окружающей средой. Он нахо-

дит свое выражение во всех областях жизнедеятельности людей, включая внешнюю и внутреннюю политику государств. Менее всего он выражен в странах, основой которых является коллективистская идеология, или в странах переживших (переживающих) тяжелые периоды своей истории (борьба за национальное освобождение, суверенитет и т.п.)

Индивидуализм стимулировал великие географические открытия, научные и технические изобретения, но и великие войны, грабежи, насилие, страдания людей. Он и сегодня доминирует в политическом и нравственном сознании экономически господствующих классов, во внутренней и внешней политике стран, в которых господствующее положение в формировании органов государственной власти и политики занимают экономически господствующие классы. Интриги, манипуляции сознанием, ложь, провокации, шантаж, санкции, локальные войны, «оранжевые революции» и т.д. и сегодня остаются важнейшим инструментом в конкуренции, в борьбе за мировое лидерство. Провозглашаемая ими якобы борьба за права и свободы человека – это, прежде всего, борьба за их права и свободы. Их попытки переписать историю, переложить ответственность за свое историческое прошлое на другие народы, классы – это не просто попытка представить себя истинными борцами за благополучие человека и человечества, обелить свое прошлое и избежать ответственности за содеянное, это желание упрочить своё господствующее положение в обществе и в международных отношениях. Для этого создаются специальные институты, учреждения, СМИ (свободные от мнения тех, для кого они якобы созданы, но не свободные от мнения тех, кому они принадлежат). Осуществляется скрытая или открытая поддержка тех, кто создает необходимые для укрепления их власти теории и концепции, оправдывающие «право сильного» на принятие соответствующих законов и соответствующую внутреннюю и внешнюю политику.

Политик с индивидуалистическим типом сознания – это мастер политических интриг, провокаций, неверности своему слову и подписанным им договорам, постоянно стремящийся к власти над другими людьми для удовлетворения своих личных интересов. От него не нужно ждать патриотических чувств. «Если попытаться поставить вопрос о том, а кто, собственно, мог бы быть инициатором, драйвером [перемен], – говорил И. Чубайс, – у меня и здесь тоже взгляд пессимистичный, потому что в моем понимании бизнес им по определению быть не может» [36]. Господство одних людей над другими для индивидуалистиче-

ского типа политического сознания столь же естественно, сколь естественно возвышение его личных интересов над общественными. Доведенный до абсурда индивидуализм угрожает не

только целостности общества, но и самому индивидуалисту, поскольку он будет вынужден остаться в одиночестве.

Литература

1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. 2-е издание. М.: Политиздат, 1960. 907 с.
2. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 42. 2-е издание. М.: Политиздат, 1974. 536 с.
3. Высказывания А. Чубайса. URL: <http://stuki-druki.com/Aforizmi-Chubais.php> (дата обращения 16.08.2021).
4. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. 2-е издание. М.: Политиздат, 1955. 629 с.
5. Выживание наиболее приспособленных (англ. survival of the fittest). Распространён и другой, неточный перевод – «выживание сильнейших». Этот афоризм приписывается Г. Спенсеру, который якобы использовал Ч. Дарвин в книге «Происхождении видов» (см.: его пятое 1869 года издание) как синоним естественного отбора, являющегося основной движущей силой эволюции. По поводу этого афоризма австрийская писательница, нобелевский лауреат по литературе и широко известная своими цитатами баронесса Мария фон Эбнер-Эшенбах (1830-1916) заметила, что «право сильнейшего, есть сильнейшее бесправие».
6. Бауман З. Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2002. 326 с.
7. Липовецки Жиль. Эра пустоты. Эссе о современном индивидуализме. СПб.: Владимир Даль, 2001. 336 с.
8. Штирнер М. Единственный и его собственность. Харьков: Основа, 1994. 560 с.
9. Право сильного – это сильнейшее бесправие. Афоризм австрийской писательницы, лауреата нобелевской премии по литературе, широко известной своими цитатами баронессы Марии фон Эбнер-Эшенбах.
10. Пикетти Томас. Капитал в XXI веке. М.: Ад Маргинем Пресс. 2015. 592 с.
11. Несколько веков назад в Японии существовал обычай под названием «убасутэ», когда бедняки навсегда отказывались от престарелых родителей в целях экономии. Они уводили своих старых родителей в лес или горы и оставляли их там умирать, так как не могли больше о них заботиться. Эта практика в слегка модифицированном виде, существует и сегодня, но не столько из экономических, сколько из эгоистических соображений. Молодые люди избавляются от стариков из-за нежелания за ними ухаживать. Их отвозят не в лес, а в специальные приюты, госпитали, разного рода благотворительные организации.
12. Фромм Э. Иметь или быть? Ради любви к жизни. М.: Айрис-пресс, 2004. 384 с.
13. Тейяр де Шарден П. Феномен человека. М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. 553 с.
14. Оссовская М. Рыцарь и буржуа. М.: Прогресс, 1987. 528 с.
15. Богданов А.А. Вопросы социализма. М.: Политиздат, 1990. 479 с.
16. Хофстеде Г., МакКрэй Р.Р. Возвращаясь к обсуждению личности и культуры: связь личностных черт и культурных осей // Социологический журнал. 2010. № 4. С. 28-32.
17. Струве П.Б. Избранные сочинения. М.: РОССПЭН, 1999. 472 с.
18. Лукач Георг. Ленин и классовая борьба. М.: Алгоритм, 2008. 448 с.
19. Шредингер Эрвин. Мой взгляд на мир. М.: Книжный дом «ЛИБРКОМ», 2009; Разум и материя Ижевск: НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», 2000; Каминский А. Физика персональной самоидентичности // Квантовая Магия. Том 9. Вып. 2. С. 2267-2284.
20. Деннет Дэниел С. Виды психики: На пути к пониманию сознания. М.: Идея-Пресс, 2004; Хофштадтер Даглас Р. Деннет Дэниел К. Глаз разума: Бахрах-М; Самара, 2003.
21. Петрова А., Климова С. Стратегия успеха – коллективизм или индивидуализм? Всероссийский опрос городского и сельского населения. 20.09.1997. URL: http://bd.fom.ru/report/cat/soc_gr/of19974105 (дата обращения 12.08.2021).
22. Гидлевский А. В. Генетические и средовые детерминанты альтруистичного и эгоистичного сознания // Вестн. Ом. ун-та. 2015. № 1. С. 85-86; Настявин И. М. Ценностные ориентации современной молодежи (на примере студентов КНИТУ) // Управление устойчивым развитием. 2018. № 2(15). С. 58-68. 23 Гидлевский А. В. Генетические и средовые детерминанты альтруистичного и эгоистичного сознания // Вестн. Ом. ун-та. 2015. № 1. С. 24-26.
24. Афоризмы. Бремя страстей человеческих. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=208984> (дата обращения: 18.08.2021).

25. Правоторов Г.В. Альтруизм как врождённое свойство. URL: <http://ethology.ru/library/?id=89> (дата обращения: 18.08.2021).
26. Зиммель Г. Избранное. Т. 2. М.: Юрист, 1996. 607 с.
27. Рэнд А. Добродетель эгоизма. URL: <https://yadi.sk/i/WukAAORayJU7X>(дата обращения: 11.08.2021).
28. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 12. 2-е издание. М.: Политиздат, 1958. 879 с.
29. Камю А. Сочинения. В 5 т. Т. 4. Харьков, «Фолио», 1998. 622 с.
30. Герцен А.И. Сочинения: В 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1985. 592 с.
31. Радхакришнан С. Индийская философия. Т. 2. М.: Иностранная литература, 1956. 593 с.
32. Эпиктет. Энхиридион. СПб.: Владимир Даль, 2012. 399 с.
33. Римские стоики: Сенека, Эпиктет, Марк Аврелий. М., 1995. 463 с.
34. Данилова М.И. Индивидуализм: История и современность: дисс ... д-ра филос. наук: Ростов-н/Д., 2001. URL: <http://www.dslib.net/teorja-kultury/individualizm-istorija-i-sovremennost.html>(дата обращения: 11.08.2021).
35. М. Бубер связывает возникновение (концептуализации) индивидуализма с древнеиндийской философией чарваков (локаяттов).
36. Высказывания Анатолия Чубайса. URL: <https://ru.wikiquote.org/wiki/> (дата обращения: 11.08.2021).
37. Тузиков А. Р., Зинурова Р. И. Социология студенчества: теоретический статус и исследовательские практики Высшее образование в России. 2019. Т. 28. № 6. С. 40-51.
38. Тузиков А. Р., Зинурова Р. И. Концептуализация социокультурных аспектов формирования идентичности современной молодежи в рамках теории идеологии // Управление устойчивым развитием. 2015. № 1 (01). С. 39-44.
39. Зинурова Р. И., Фатыхова Ф. Ф. Индикаторы, репрезентирующие содержание социального самочувствия // Вестник Казанского технологического университета. 2011. № 20. С. 245-251.
40. Саенко Л. А., Тузиков А. Р., Зинурова Р. И., Алексеев С. А. Социальное самочувствие молодежи регионов России. Монография. Казань, 2017.

Сведения об авторе:

©**Настявин Иван Макарович** – кандидат философских наук, доцент кафедры государственного, муниципального управления и социологии, Казанский национальный исследовательский технологический университет, Российская Федерация, Казань, e-mail: nastiavin.i@yandex.ru.

Information about the author:

©**Nastyavin Ivan Makarovich** – Candidate Philosophical Sciences, Associate Professor of the Department of Public Administration and Sociology, Kazan National Research Technological University, Russian Federation, Kazan, e-mail: nastiavin.i@yandex.ru.

УДК 316.334

Т. Н. Никитина, Л. З. Фатхуллина

СЕМЕЙНЫЙ БИЗНЕС КАК СРЕДСТВО ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ МОБИЛЬНОСТИ МОЛОДЕЖИ

Ключевые слова: семейный бизнес, семейные традиции, предпринимательство, молодежь, деловая активность

Динамика развития современных семейных предприятий становится основной инновационной экономики страны, гарантом стабильного заработка и профилактикой безработицы. Необходимость дискуссионных площадок на уровне бизнеса и государства становится необходимым условием для увеличения доли семейного бизнеса в экономике страны. Семейные традиции и семейное дело требуют законодательного оформления, создания организационных условий. Эти условия для повышения семейной предпринимательской активности, в свою очередь, обеспечат стабильность социально-экономической ситуации в стране. Цель статьи – изучить формирование экономической категории - малый семейный бизнес, что на период пандемии в сложных социально-экономических условиях становится важной составляющей повышения доходов населения. Комплексный анализ собранного эмпирического материала позволил выявить потенциал государства в аспекте создания благоприятных условий для развития семейного бизнеса. Отмечено, что необходимо акцентировать внимание на развитии семейного предпринимательства для обеспечения развития страны, что в настоящее время становится основной задачей государственной деятельности в сфере инновационной экономики. По итогам исследования сделан вывод, что семейное предпринимательство как социально-экономический институт общества должен развиваться, а государству необходимо приложить максимальные усилия в направлении поддержки малого семейного бизнеса для увеличения благосостояния населения и повышения мирового авторитета страны в целом. К основным рекомендациям можно отнести законодательную поддержку малого семейного предпринимательства, создание положительного опыта и изучение исторических основ малого семейного бизнеса в России и мире, усиление семейных традиций, государственные гарантии в создании семейных предприятий.

Т. N. Nikitina, L. Z. Fatkhullina

FAMILY BUSINESS AS A MEANS OF PROFESSIONAL MOBILITY OF YOUTH

Key words: family business, family traditions, entrepreneurship, youth, business activity

The dynamics of the development of modern family enterprises is becoming the main innovative economy of the country, the guarantor of stable earnings and the prevention of unemployment. The need for discussion platforms at the level of business and the state is becoming a necessary condition for increasing the share of family businesses in the country's economy. Family traditions and family business require legislative registration, the creation of organizational conditions. These conditions for increasing family entrepreneurial activity, in turn, will ensure the stability of the socio-economic situation in the country. The purpose of the article is to study the formation of an economic category - a small family business, which during the period of a pandemic in difficult socio-economic conditions becomes an important component of increasing the income of the population. A comprehensive analysis of the collected empirical material made it possible to identify the potential of the state in terms of creating favorable conditions for the development of family business. It is noted that it is necessary to focus on the development of family entrepreneurship to ensure the development of the country, which is currently becoming the main task of state activities in the field of innovative economy. According to the results of the study, it was concluded that family entrepreneurship as a socio-economic institution of society should develop, and the state should make every effort to support small family business in order to increase the well-being of the population and increase the global prestige of the country as a whole. The main recommendations include legislative support for small family entrepreneurship, the creation of positive experience and study of the historical foundations of small family business in Russia and the world, strengthening family traditions, government guarantees in the creation of family businesses.

Введение. В Российской Федерации постановлением Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 316 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Экономическое развитие и инновационная экономика» (с учетом изменений от 31 марта 2020 г. № 376) реализуются мероприятия по созданию благоприятного предпринимательского климата, повышению инновационной активности бизнеса [1].

Одна из задач Программы – повышение предпринимательской активности и развитие малого и среднего предпринимательства. В статье рассмотрены актуальные проблемы привлечения в сферу малого бизнеса домохозяйств и формирование экономической категории - малого семейного бизнеса, что на период пандемии в сложных социально-экономических условиях становится важной составляющей повышения доходов населения страны и средством профессиональной мобильности молодежи. Финансово-экономический кризис негативным образом сказался на благосостоянии домохозяйств. По данным статистики, около 70 % домашних хозяйств оказались на грани выживания [2].

Помимо стабильной работы малый семейный бизнес вносит значительный вклад в экономику страны, создает ценности предпринимательства у подрастающего поколения, чувство ответственности. Соответственно, профессиональную мобильность молодежи, отношение к семейному бизнесу следует рассматривать как переменную, на которую можно и нужно воздействовать с тем, чтобы выработать оптимальную для данных условий и времени мотивационно-поведенческую структуру экономической активности молодых людей. В России крайне медленно идет процесс по созданию семейных предприятий, прежде всего, в силу неразвитости законодательства в этой сфере. В настоящее время обсуждается законопроект по внесению в законодательство о малом семейном бизнесе понятие «семейный бизнес», предоставляющий социальные гарантии и регулирующий трудовые отношения, определяющий налоговые вычеты и специальные программы кредитования. В России необходимо возрождение исторической культуры ведения семейного бизнеса. Основное определение семейного бизнеса заключается в наличии деятельности с участием членов семьи, направленной на получение прибыли. Понятие «семейный бизнес» используется и изучается как экономический термин с 1960 -70 гг. В 1976 году в статье профессоров Гарварда указывается, что семейное предприятие – это устойчивый независимый механизм со своими правилами.

В РФ понятие «семейный бизнес» только в 2019 году введено в правовой и научный оборот. К участникам семейного бизнеса были отнесены собственник, члены семьи и управленцы, обязанности которых были неравномерно распределены между членами семьи, когда один человек выполнял сразу несколько функций. Семейный бизнес делится на три типа предприятий: наследственное предприятие; общее семейное предприятие (управляют бизнесом все члены семьи с четким распределением обязанностей); предприятие для всей семьи (функции выполняют все члены семьи равнозначно) [3]. Согласно опросу Deloitte, «30 % бизнесменов предпочли бы передать право собственности на компанию и управление ею членам семьи, 15 % предпочли бы передать только управление и 20 % – передать только право собственности. Таким образом, 65 % бизнесменов предпочли бы сохранить семейную преемственность» [4].

Социальные и экономические преимущества семейной формы организации бизнеса определяют высокую эффективность, долговременные перспективы, способствуют активному участию членов семьи в повышении ее благосостояния, способствуют высокой работоспособности. Динамика развития современных семейных предприятий становится основной инновационной экономики страны, гарантом стабильного заработка и профилактики безработицы. Необходимость дискуссионных площадок на уровне бизнеса и государства становится необходимым условием для увеличения доли семейного бизнеса в экономике страны. Семейные традиции и семейное дело требуют законодательного оформления, создания организационных условий. Эти условия для повышения семейной предпринимательской активности, в свою очередь, обеспечат стабильность социально-экономической ситуации в стране.

Обзор литературы. Предпринимательство как социальный феномен нашло отражение в трудах многих известных ученых. Классики экономической науки раскрывают социально-экономическую природу этого явления. Ф. Кенэ, А. Смит, Д. Рикардо связали его с владением капитала, ориентацией на прибыль, использованием рыночных возможностей и определением предпринимателя как работающего капиталиста.

В основе изучения института предпринимательства лежат работы исторических социологических школ, работы О. Конта и Г. Спенсера, Э. Дюркгейма, Т. Парсонса и Й. Шумпетера. В экономической социологии выделяются работы Т. Веблена и Д. Норта. В частности, М. Вебер определил предпринимательство как продукт протестантской культуры. К. Маркс, И. Шумпетер, Ф. Хайек, Ф. Браудель и П. Верхарн

также внесли большой вклад в изучение предпринимательства. Дж. Шумпетер рассматривал предпринимательство как инновацию, как особый экономический фактор наряду с капиталом, трудом и землей. Т. Веблен рассматривал институты с точки зрения сохранения обычаев, способов деятельности, возникающей первоначально в сознании людей, Д. Норт изучал роль институтов в условиях переходной экономики [5].

В России феномен предпринимательства, исторические условия возникновения института, предпринимательскую активность изучали ученые М. И. Туган-Барановский, И. В. Митрофанова, Э. Н. Фетисов, Я. Г. Яковлев, И. В. Долгоруков, Г. Б. Кошарная, Н. Е. Тихонов и А. Ю. Чепуренко. Отметим, что в научном сообществе проблема развития семейного бизнеса и семейного предпринимательства остается мало освещенной. Вклад в развитие и изучение семейного бизнеса внесли ученые Е. В. Биндиченко, Д. А. Волков и С. О. Календжян.

Семейное предпринимательство по своей сути - это предпринимательская деятельность в общем понимании, единые формы и структура предпринимательской деятельности, сферы реализации активности. Отличие - в участниках трудовой деятельности, это члены одной семьи, которые друг для друга не являются коллегами или сотрудниками, а родственниками. Сложности, прежде всего, заключаются в контроле и исполнении полномочий, никак не закрепленных в трудовых договорах. Выстраивание отношений на уровне семейного предпринимательства требует урегулирования в законодательном отношении. Создание малых семейных предприятий способствует реализации задач, указанных в Стратегии инновационного развития России до 2020 года, где перечислены признаки инновационной политики и ее индикаторы [6].

Вторичный анализ результатов экономических исследований, проведенных в ряде регионов страны, показал, что основные проблемы, с которыми сталкивается малый бизнес, практически идентичны. Исследователи считают, что главным препятствием для успешного ведения бизнеса является финансовый фактор: плохой доступ к кредитам и грантам, отсутствие социальных льгот, трудности с приобретением оборудования, административные барьеры и несовершенство законодательства [7]. Большинство малых предприятий, созданных в России, являются убыточными и испытывают острую нехватку средств для открытия собственного бизнеса. Алан Кросби, например, пишет: «по данным статистики, 24 % семейных фирм не выживают дольше одного поколения, и только одно из десяти семейных предприятий

продолжает свою деятельность до третьего поколения» [8]. Специалисты к проблемам также относят отсутствие информации о правилах ведения семейного бизнеса и отсутствие законодательного закрепления семейного бизнеса как самостоятельного вида предпринимательской деятельности [9].

Семейное (индивидуальное) предпринимательство – формат, который обычно находится на грани самозанятости и микробизнеса или малого бизнеса. В этой связи поддержка семейного бизнеса – прямой путь к одновременной поддержке и людей, которые не могут найти приложение своего труда в рамках трудовых правоотношений, и малых форм бизнеса, составляющих доминирующую по количеству предпринимателей часть сферы малого и среднего предпринимательства [10].

Малый бизнес обладает огромным потенциалом для оптимизации путей развития экономики и общества в целом. Характерная черта малого бизнеса – это высокая интенсивность использования всех видов ресурсов и постоянное стремление оптимизировать их количество, обеспечивая рациональность при преобладающих пропорциях. Практически это означает, что для малых предприятий, дополнительного оборудования, избыточных поставок сырья и материалов, дополнительная рабочая сила не может быть предоставлена. Это один из ключевых факторов достижения рациональных показателей экономики в целом.

Материалы и методы. В 2020 году было проведено социологическое исследование «Отношение студентов к предпринимательству». Респондентами данного опроса являлись студенты, возраст которых составил от 18 до 26 лет. В опросе участвовали респонденты – молодые люди, учащиеся вузов и колледжей – 43,1 % а также респонденты, получающие образование и работающие одновременно (заочные отделения вузов) – 40,2 %. Результаты опроса представлены ниже.

Результаты исследования.

Анализу развития инновационно-предпринимательских установок и деловой активности молодежи в последнее время уделяется достаточно внимания. Исследование показало, что молодежь в целом позитивно относится к предпринимательской деятельности: 43,1% молодых людей готовы создать собственный бизнес и видят возможности реализации себя в данной сфере 49% респондентов (рис.1). Это говорит о том, что предпринимательство для студентов, в первую очередь, является воплощением своей мечты и реализацией своей идеи. При этом и заработок является одной из главных причин, почему респон-

денты хотят заниматься предпринимательством. Студенты считают, свой бизнес приносит больше денег, чем работа по найму. Большая часть молодежи на вопрос о том, обеспечивает ли предпринимательская деятельность высокий уровень дохода, выбрала вариант «да» – 69,6 %. Конкретизация факторов успеха показала, что ведущими являются наличие хорошего образования (54,7 %), высокая работоспособность (48,9 %), умение приспосабливаться к ситуации (44,5 %), предприимчивость, инициативность (37,5 %):

Нравственный потенциал будущих предпринимателей характеризуют ответы на вопрос: «Какие способы получения прибыли неприемлемы для Вас?» (рис. 2). Иерархия ответов выглядит следующим образом: «обман партнеров по бизнесу» (78 %), «сбыт некачественной продукции» (64 %), «неуплата налогов» (61 %), «незаконное присвоение государственной собственности» (48 %). Можем предположить, что реальное поведение предпринимателей отличается от нормативного. Однако при наличии соответствующих условий предприниматель готов следовать ценностно-нормативной модели поведения в бизнесе. Отметим, что предпринимательство объединяет круг лиц, обладающих деловыми качествами и материально-денежным ресурсом, которые не-

обходимы для занятия бизнесом на постоянной и профессиональной основе. Она и образует «поле предпринимательской активности».

Диаграмма показывает вектор усилий начинающего предпринимателя для создания своего бизнеса. Респондентам нужно было выбрать три основных, необходимых пункта. Больше всего голосов собрал пункт «знания правовых основ предпринимательской деятельности» - 85,3 %. Вариант ответа «знания основ менеджмента» является вторым по количеству голосов – 71 %. Третий вариант «знания налогообложения» - 65,7 %. Меньше всего голосов собрал вариант ответа «знания в области кредитования» – 33,3 % (рис. 3). Следующие два вопроса помогли создать примерный образ идеального предпринимателя. Какими он должен обладать качествами и что должен делать, чтобы получить признание со стороны общества.

В первой диаграмме респонденты выделили три пункта: лидерство и организационные способности – 70,6 %, целеустремленность – 54,9 % и трудолюбие – 50 % респондентов (рис.4).

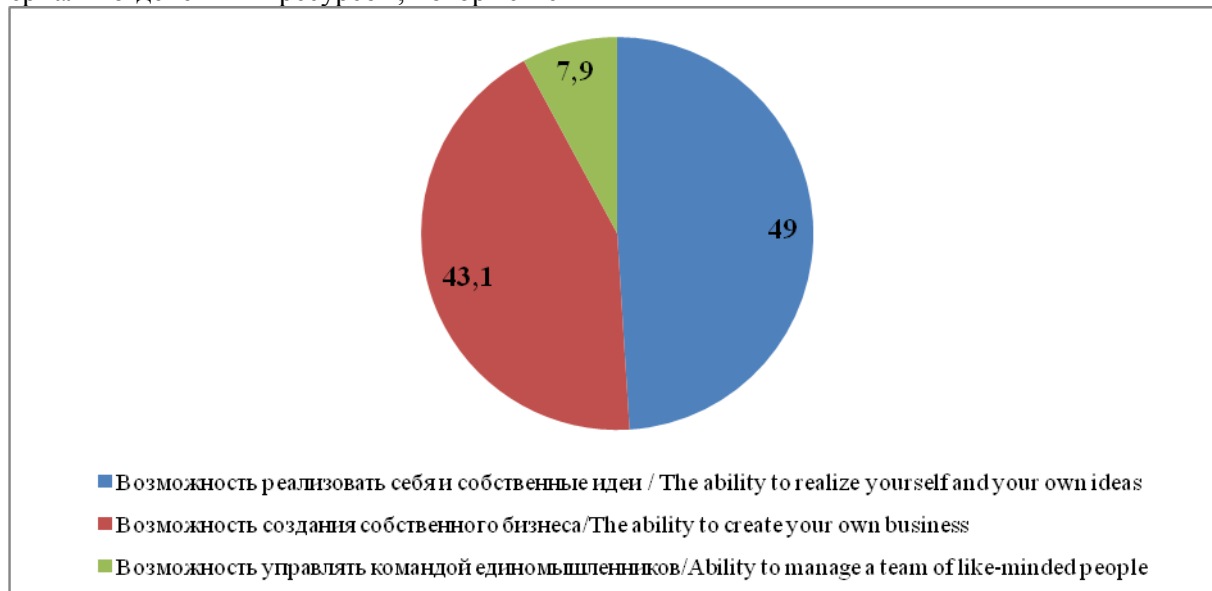

Рис. 1 – Распределение ответов на вопрос: «Что Вы понимаете под предпринимательской деятельностью?», %

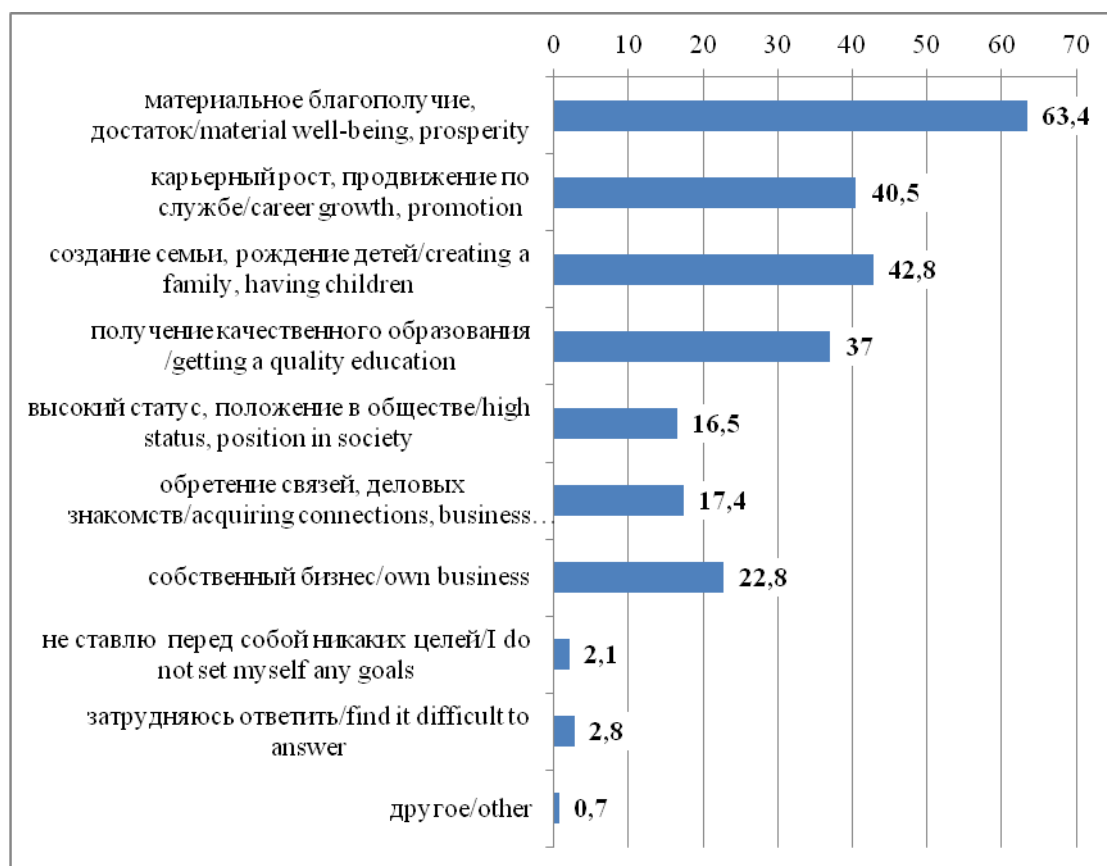

Рис. 2 – Планы молодежи на ближайшие годы, %

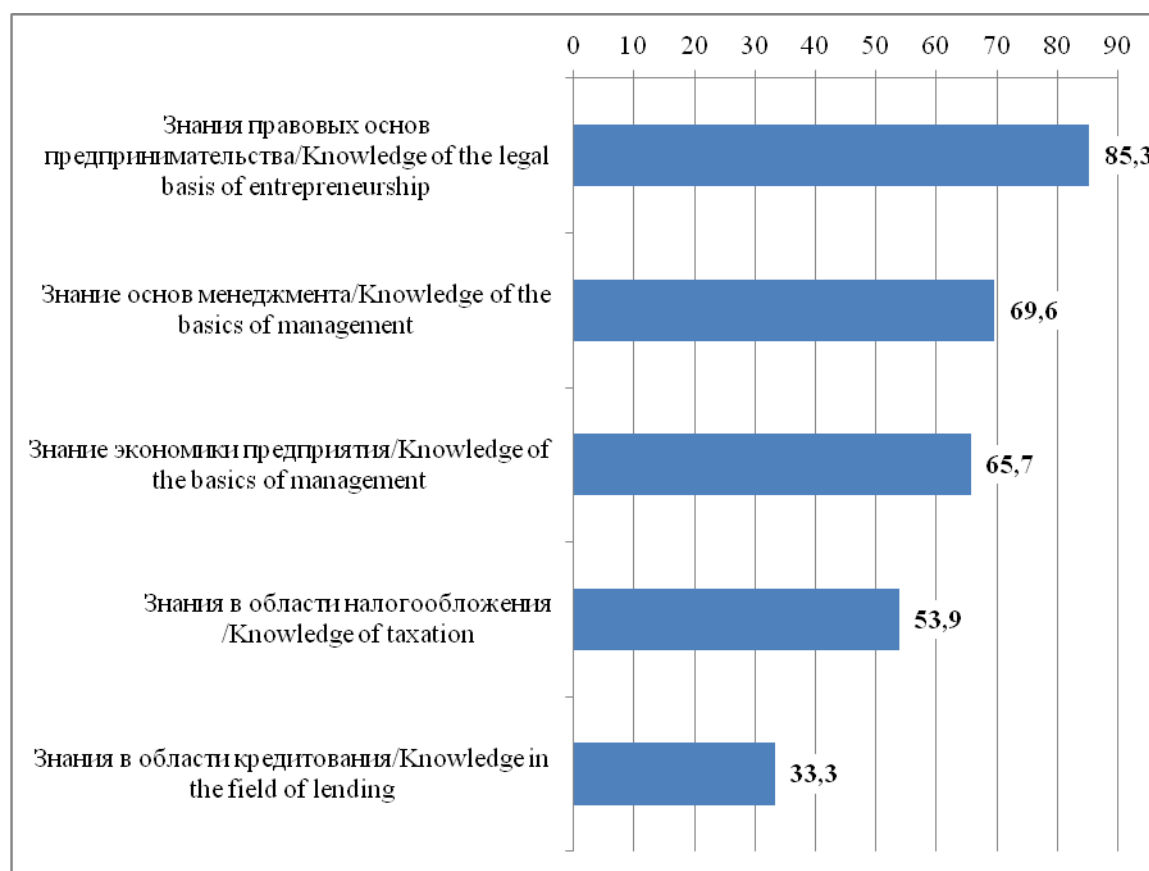

Рис. 3 – Знания, необходимые предпринимателю, %

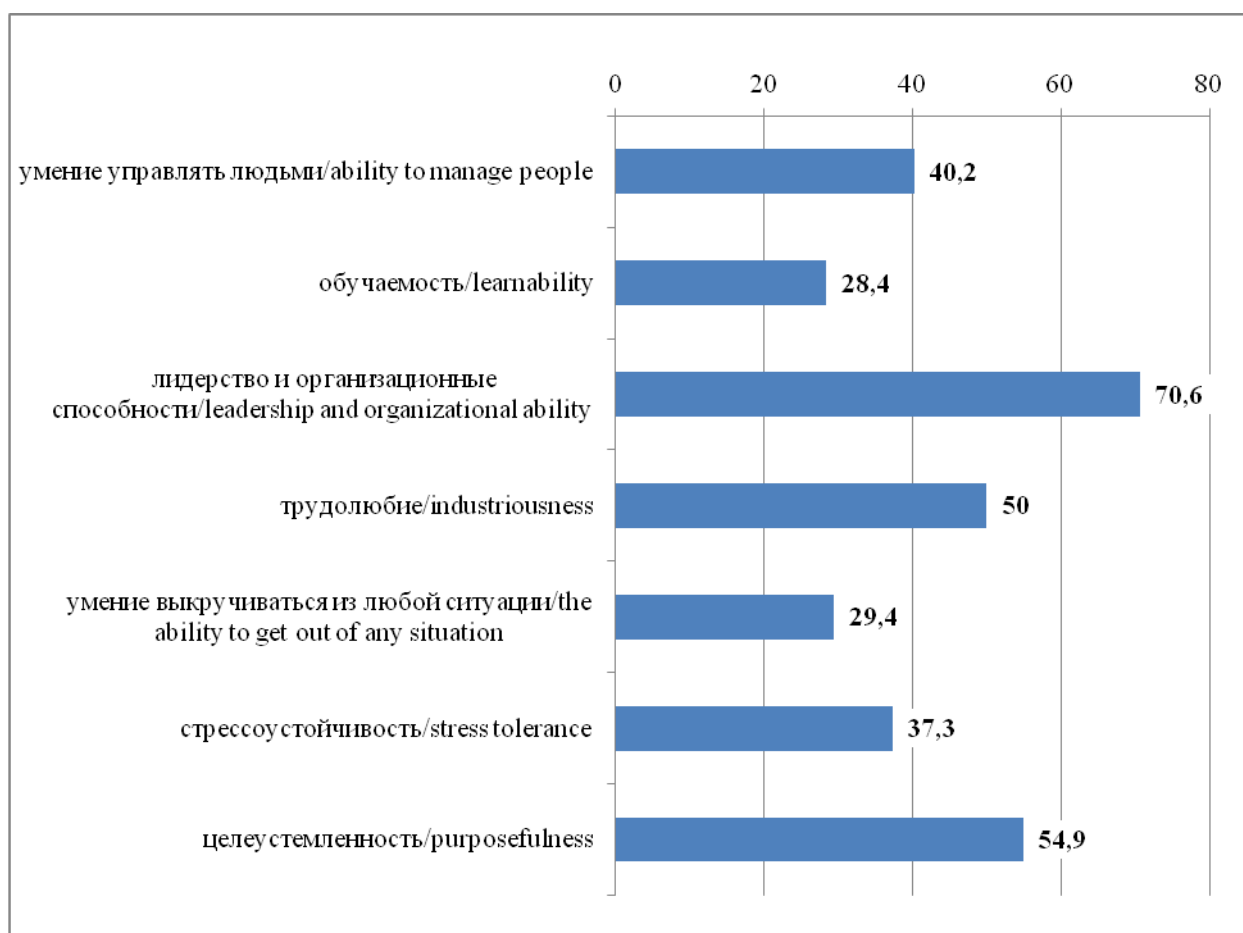

Рис. 4 – Качества предпринимателя, %

Следующий вопрос был задан, чтобы определить основные проблемы предпринимательства. Основным препятствием к организации собственного дела служит отсутствие стартового капитала и недостаточная поддержка со стороны властей - 55,9 % ответов респондентов. Так же без опыта и знаний привлечь инвесторов к молодому бизнесу сложная задача, это пугает будущих потенциальных предпринимателей. Также основной проблемой, по мнению респондентов, может стать ограниченность знаний.

Несомненно, решить начальные проблемы, с которыми сталкивается предприниматель можно с помощью привлечения государственной помощи. Помощь, которая является самой необходимой по мнению респондентов, это частичная компенсация затрат начинающего предпринимателя 73,6 %. На вопрос «Рассматривает ли молодежь предпринимательство как желательный выбор карьеры?», большинст-

во опрошиваемых респондентов ответило «Да» – 63,7 % (рис. 30).

На вопрос «Являетесь ли Вы участником семейного бизнеса?» только 23 % ответили утвердительно, этим объясняется готовность получения образования в отраслях, знания которых необходимы для участия в семейном предпринимательстве. 87 % респондентов изъявили готовность создать семейный бизнес. К сожалению, отсутствие четкого законодательства в области семейного бизнеса на порядок отстает от готовности молодежи создавать малый семейный бизнес. Распределение ответов на вопрос: «В какой сфере Вы бы хотели открыть семейное предпринимательство?» представлены на рис. 5.

В разрезе желаемых сфер ситуация с семейным бизнесом выглядит следующим образом. Исходя из анализа ответов респондентов, лидером является розничная торговля (43 %), аренда квартиры или дома (38 %), и автомобильный бизнес (34 %).

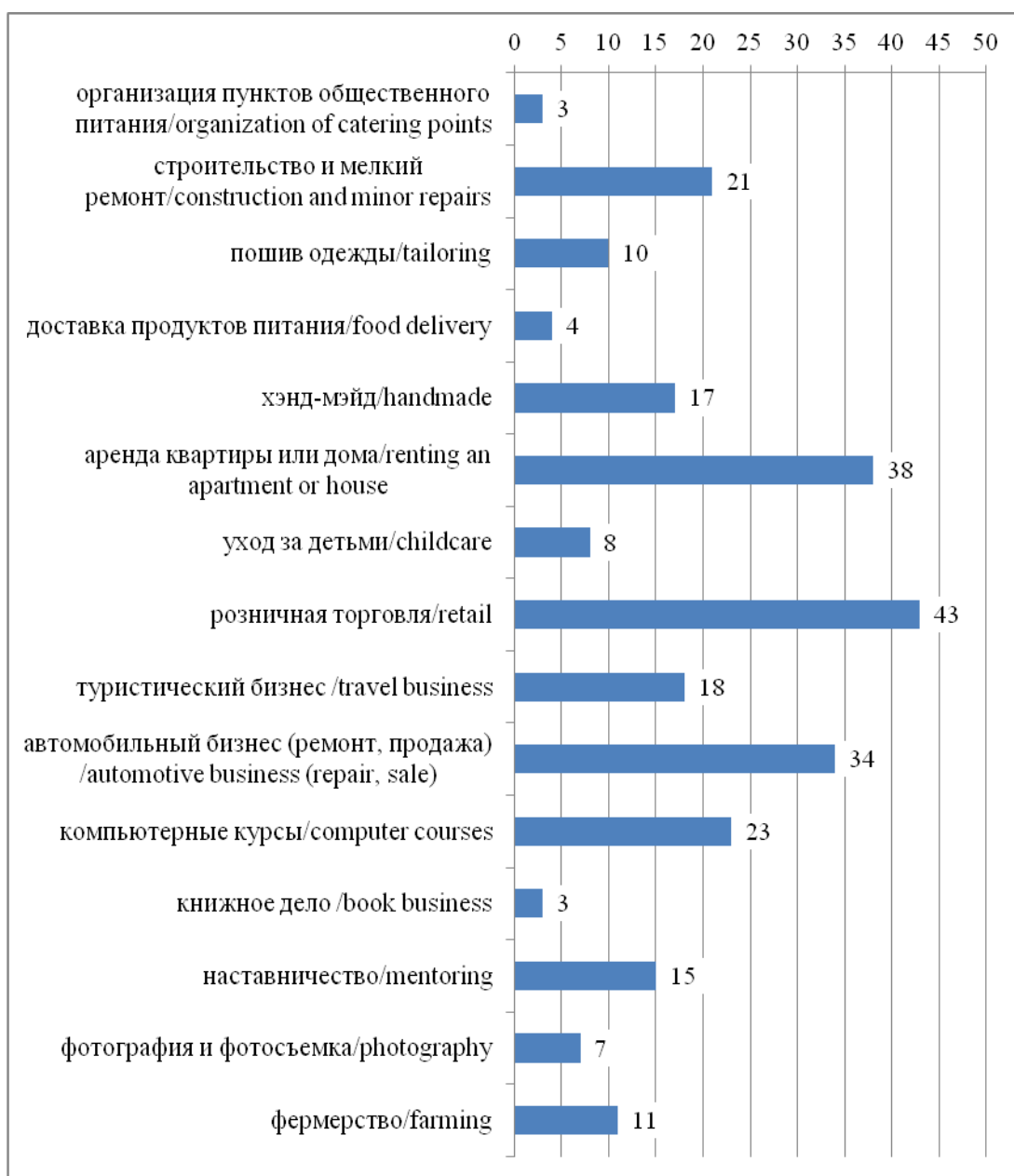

Рис. 5 – Желаемые сферы семейного предпринимательства, %

Проанализировав результаты исследования, можно сделать следующие выводы:

Подавляющее большинство студентов положительно относятся к предпринимателям, многие среди опрашиваемых респондентов и сами бы не отказались начать свой бизнес. Малое предпринимательство для многих является не только шансом реализовать свою идею, но также является высокооплачиваемой работой.

В ходе проведенного исследования были выявлены отрицательные моменты в зарождении малого предпринимательства, с которыми руководителю предстоит столкнуться. Основным препятствием к организации собственного дела служит отсутствие стартового капитала и недостаточная поддержка со стороны властей. Один из вопросов исследования был задан студентам с целью узнать об информированности о помощи со стороны государства на-

чинающим предпринимателям. Большинство опрашиваемых респондентов не знают не одной программы поддержки государства начинающему предпринимателю.

Одним из отталкивающих факторов для создания собственного бизнеса является конкуренция. В настоящее время большое количество людей уже занимается собственным бизнесом, и студенту все труднее найти что-то новое, востребованное на рынке. Так же начинающему бизнесмену не обойтись без базовых знаний. Отсутствие знаний может разрушить так и не начавшийся бизнес, но отсутствие высшего образования, по мнению опрашиваемых респондентов, не влияет на зарождение и развитие бизнеса. Студенты считают, что высшее образование можно получить, но не обязательно. Так, одной из проблем в построении бизнеса является нерешительность, большинство про-

сто боится начать свой бизнес. В наше время основная часть населения скорее пойдет работать на кого – то, тем самым ограничивая себя фиксированной заработной платой. При этом большинство респондентов желает создать семейное предприятие или стать участником малого семейного бизнеса.

Семейное предпринимательство - комплексное экономическое и социально-правовое образование, это социально-экономический институт. К особенностям семейного предпринимательства относят присутствие родственных отношений, высокую степень доверия между участниками бизнеса, при этом не всегда все члены семьи желают работать в семейном бизнесе, если приглашаются сотрудники, то это, как правило, близкие люди или имеющие дружеские отношения, высокая степень рисков, работу теряют в случае утери бизнеса все члены семьи, соответственно домохозяйство лишается доходов и заработка на долгое время. Но, эксперты оценивают положительный вклад семейного бизнеса в общее развитие предпринимательской деятельности государства [11].

Одно из основных определений семейного предпринимательства в работе Н. И. Баранец: «Семейное предпринимательство представляет собой инициативную деятельность членов семьи и их родственников, которые являются собственниками и работниками созданного или приобретенного ими предприятия, деятельность которого направлена на удовлетворение потребностей общества путем организации производства и сбыта товаров и услуг. На начальной стадии развития - это форма малого бизнеса, которая имеет возможность для дальнейшего роста и превращения в крупную организацию с мировым именем». Родственники, создающие семейный бизнес заинтересованы в извлечении прибыли, так как «совпадение базовых функций предпринимательства и собственности в одном лице приводит к большей личной заинтересованности в успешности бизнеса» [12].

Родственники, создающие семейный бизнес заинтересованы в извлечении прибыли, так как «совпадение базовых функций предпринимательства и собственности в одном лице приводит к большей личной заинтересованности в успешности бизнеса» [13]. Необходимо учитывать и получение нематериальной прибыли, к которой помимо разделения общих семейных ценностей, ученые относят чувство гордостью за семью, уважаемое положение в обществе, также это и «возможность для одних членов семьи работать в бизнесе, а для других – добиваться своих целей с опорой на этот бизнес» [14]. Помимо плюсов специалисты в об-

ласти предпринимательства указывают на минусы, особенно если «помешать процветанию общего дела может банальный непрофессионализм работников. Когда все свои, то и с проблемами справляются всем миром. Например, пока жена печет пироги, а муж развозит их по торговым точкам, документацию ведет какой-нибудь не очень компетентный родственник. В итоге компания прогорает из-за просчетов бухгалтера» [15].

Важным, на наш взгляд, должна стать идея формирования в самосознании членов домохозяйств установок на достижение, самореализацию, на успех. В современном обществе должны решаться задачи формирования нового экономического сознания, которое включает в себя такие ценности как достижение, конкуренция, благосостояние. По результатам исследования выявлено, что основным источником доходов большинства домохозяйств является заработная плата по основному месту работу и трансфертные платежи. Чтобы изменить существующее положение только 24 % опрошенных готовы предпринять активные шаги (18 % попытаются сменить работу, 6 % готовы начать свой бизнес). Задача формирования предпринимательской активности остается актуальной на сегодняшний день. Исходя из анализа литературы и Интернет-источников, модель создания оптимальных экономических условий для стимулирования предпринимательской активности выглядит следующим образом:

- 1) обеспечение свободы предпринимательской деятельности;
- 2) воздействие государства на деловую активность граждан путем воздействия на экономический процесс: пересмотр системы налогообложения, инвестиции в социально значимые отрасли;
- 3) введение умеренной системы налогообложения;
- 4) создание конкурентной среды, реальная борьба с монополизмом во всех отраслях экономики.

То есть данная модель должна представлять собой взаимосвязанную совокупность путей, способов, средств институционализации либерально-рыночных отношений.

Обсуждение и заключение. Семейное предпринимательство можно отнести к экономическому феномену 21 века в силу значения семейного бизнеса в экономическом развитии государств. Малые семейные предприятия задействованы практически во всех сферах развития экономики. Перспективы

семейных вариантов малых предприятий заключаются в интеграции межличностных производственных и внутрисемейных отношений. Этот симбиоз приносит экономические выгоды, благоприятные условия труда, заботу о семейных ценностях и общем благе, воспитание в трудолюбии и уважении подрастающего поколения.

Необходимо адекватно оценивать значение семейного предпринимательства для обеспечения развития страны, что в настоящее время становится основной задачей государственной деятельности в сфере инновационной экономики. Необходимо, в первую очередь, развивать законодательное обеспечение семейного бизнеса, дать возможность льготного кредитования на открытие семейного дела. Значение семейного бизнеса для гармонии в обществе также очевидно: профилактика бедности и обеспечение занятости населения, повышение рождаемости и укрепление семейного уклада, рост благосостояния людей.

В настоящее время в Российской Федерации отсутствует юридическое признание института семейного предпринимательства, нет самой структуры бизнеса, отмечается низкий уровень руководителей семейных предприятий, информационный вакуум и отсутствие мотивации населения к ведению семейного бизнеса. Исследования показывают потребности молодого поколения к организации малого семейного бизнеса,

открытию собственного дела. При этом отмечаются трудности - отсутствие стартового капитала и поддержки со стороны государства.

В современном обществе должны решаться задачи формирования нового экономического сознания, которое включает в себя такие ценности как достижение, конкуренция, благосостояние [16,17]. Задача формирования предпринимательской активности остается актуальной для домохозяйств. Реализация национальных проектов также является эффективным механизмом в регулировании благосостояния домохозяйств.

В статье предложена одна из форм поднятия благосостояния домохозяйств – это организация малого семейного бизнеса. Малые предприятия более адаптивны к внешним условиям, гибкие в принятии экономических решений. Малый семейный бизнес обеспечивает максимальный производственный процесс и быстро адаптируется к изменяемым социально-экономическим условиям, способен в ускоренном режиме внедрять инновации. В статье мы указали на основные негативные моменты ведения семейного бизнеса, которые относятся к малому бизнесу в целом. Деятельность малых предприятий в республике просто необходима, так как она обеспечивает занятость и доход местных домохозяйств. Малые семейные предприятия нуждаются в социальной и экономической помощи и поддержке во время кризиса.

Литература

1. Постановление Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. N 316 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Экономическое развитие и инновационная экономика» (с учетом изменений от 31 марта 2020 г. № 376). URL: <https://www.economy.gov.ru/material/departments/d19/> (дата обращения: 15.07.2021).
2. Аникина Н. Дальше будет хуже? Реальные доходы населения продолжают падать. URL: <https://newdaynews.ru/finance/600259.html> (дата обращения: 12.07.2021).
3. Идеи для семейного бизнеса. URL: <https://www.gd.ru/articles/10563-33-idei-dlya-otkrytiya-semeynogo-biznesa> (дата обращения: 18.08.2021).
4. Семейные бизнес-ценности. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4791152> (дата обращения 25.07.2021).
5. Веблен Т. Теория праздного класса. М., 1984. 183 с.; Норт, Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики М.: Начала, 1997. 190 с.
6. Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года. URL: <https://ac.gov.ru/files/attachment/4843.pdf> (дата обращения: 05.07.2021).
7. Фатхуллина Л. З. Совершенствование взаимодействия малого бизнеса и власти // Управление устойчивым развитием. 2018. №1. С. 66-72.
8. Кросби А. Наследование бизнеса. Кто продолжит ваше дело? СПб: Питер, 2004. С. 104
9. Плотникова И. А. Актуальные проблемы становления семейного бизнеса: региональный аспект // Научно-методический журнал XXI век: итоги прошлого и проблемы настоящего 2013. №07(11). С. 330-335.

10. Шипицына К. С. Перспективы и проблемы семейного предпринимательства: российская реальность. URL: <https://www.fundamental-research.ru/ru/article/view?id=38955> (дата обращения 14.03.2021).
11. Информационно-аналитический портал. URL: https://spravochnick.ru/menedzhment/semeynoe_predprinimatelstvo/ (дата обращения 30.07.2021).
12. Баранец Н. И. Семейное предпринимательство как социально-экономическая проблема. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=12961181> (дата обращения 14.06.2021).
13. Шаховалова Е. Г. Перспективы развития семейного бизнеса в России.. URL : http://elib.altstu.ru/journals/Files/pa2009_3_2/pdf/index.pdf (дата обращения 18.07.2021).
14. Разумнова И. И. Семейный и надомный бизнес: опыт США. Канада: экономика, политика, культура. 2001. №1. С.115 – 116.
15. Национальные проекты: ключевые цели и ожидаемые результаты. URL: <http://government.ru/projects/selection/741/35675/> (дата обращения 21.08.2021).
16. Фролова И. А., Зинурова Р. И. Институциональная активность российской высшей школы в обучении предпринимательству // Управление устойчивым развитием. 2016. № 4 (05). С. 51-55.
17. Зинурова Р. И. Институты воспроизводства социальных практик в сфере социального творчества и предпринимательства // Управление устойчивым развитием. 2019. № 5 (24). С. 61-66.

Сведения об авторах:

©**Никитина Татьяна Николаевна** – кандидат социологических наук, доцент кафедры менеджмента и предпринимательской деятельности, Казанский национальный исследовательский технологический университет, Российская Федерация, Казань, e-mail: nita101@mail.ru.

©**Фатхуллина Лилия Зинуровна** – кандидат социологических наук, доцент кафедры менеджмента и предпринимательской деятельности, Казанский национальный исследовательский технологический университет, Российская Федерация, Казань, e-mail: lialfa@rambler.ru.

Information about the authors:

©**Nikitina Tatiana Nikolaevna** – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of the Department of Management and Entrepreneurship, Kazan National Research Technological University, Russian Federation, Kazan, e-mail: nita101@mail.ru.

©**Fatkhullina Liliya Zinurovna** – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of the management and entrepreneurship, Kazan National Research Technological University, Russian Federation, Kazan, e-mail: lialfa@rambler.ru.

УДК 316.472

А. Р. Тузиков

ФОРСИРОВАННАЯ «ОНЛАЙНИЗАЦИЯ» ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ СКВОЗЬ ПРИЗМУ МНЕНИЙ СТУДЕНТОВ

Ключевые слова: высшее образование, онлайн-обучение, цифровизация, локдаун, студенческая молодежь

Современные тренды в системе высшего образования связаны с масштабными переменами в образовательных технологиях. Пандемия вынудила вложить потенциал профессорско-преподавательского состава в разработку онлайн-курсов и совершенствование существующих моделей дистанционного обучения. Современный рынок онлайн-образования разнообразен: есть открытые онлайн-курсы, платформы широкого профиля, мобильные приложения, виртуальные уроки и множество других. В статье, на основе проведенного социологического исследования, выявлено, что образовательные инновации связываются с использованием информационно-коммуникационных технологий в образовательном процессе высшей школы, а также с наличием дистанционной формы обучения в вузе. Современные условия и рынок труда требуют от молодых людей освоение новых умений и навыков, поэтому онлайн-обучение становится важным инструментом. Рассматриваемый формат удобен для обучения, повышения квалификации, работы с новыми цифровыми инструментами. В статье отмечено, студенчество отнеслось к вынужденному дистанту с пониманием, они преимущественно пользовались платформами Moodle и Zoom и в целом российские вузы без больших потрясений справились с форсированным внедрением онлайн технологий.

A. R. Tuzikov

FORCED «ONLAINIZATION» OF HIGHER EDUCATION IN RUSSIA THROUGH THE PRISM OF STUDENTS' OPINIONS

Keywords: higher education, online learning, digitalization, lockdown, student youth

Modern trends in the higher education system are associated with large-scale changes in educational technologies. The pandemic has forced the capacity of faculty to invest in developing online courses and improving existing distance learning models. The modern online education market is diverse: there are open online courses, broad-based platforms, mobile applications, virtual lessons and many others. The article, based on the conducted sociological research, reveals that educational innovations are associated with the use of information and communication technologies in the educational process of higher education, as well as with the presence of distance learning at a university. Modern conditions and the labor market require young people to master new skills and abilities, so online learning is becoming an important tool. The format under consideration is convenient for training, advanced training, and working with new digital instruments. The article notes that the students reacted to the forced distance with understanding, they mainly used the Moodle and Zoom platforms, and in general, Russian universities coped with the forced introduction of online technologies without great shocks.

Пандемия 2020 и связанный с ней локдаун, коснулся и вузов, что проявилось вынужденном и ускоренном внедрении дистанционных технологий в образование и управление. В «доковидные» времена онлайн технологии, во многих вузах России были скорее неким добавочным элементом построения образовательного процесса у заочников, либо экспериментальной практикой, демонстрацией «продвинутости» и движения «в ногу со временем». Сразу скажем, что большинство российских вузов с честью выдержало испытание, достаточно быстро перестроив учебный про-

цесс в дистанционный формат с использованием доступных программных продуктов типа Moodle, MSTeams, Zoom и т.п. Конечно, можно говорить о разной степени дидактической эффективности данных дистанционных технологий в разных вузах, но в целом удалось сохранить и студенческий контингент и избежать потенциальной «незанятости» вузовских преподавателей. Сегодня можно говорить о новом, интегрирующем этапе развития дистанционного образования, основанном на комплексной виртуально-тренинговой технологии обучения. Его основу составляет ком-

плексное внедрение современных коммуникационных систем, которые позволяют максимально быстро передавать любые формы информации в любую точку земного шара.

Современные тренды в системе высшего образования связаны с масштабными переменами в образовательных технологиях. Результаты социологических исследований, проведенных нашим авторским коллективом, показывают, что образовательные инновации связываются с использованием информационно-коммуникационных технологий в образовательном процессе высшей школы (41 % респондентов), а также с наличием дистанционной формы обучения в вузе (20 %) [1, 2,3,4].

Дистанционные формы образования были признаны в XX в. во всем мире. С 1938 г. существует Международный совет по заочному образованию — одна из старейших международных образовательных организаций, с 1982 г. известная как Международный совет по дистанционному образованию (ICDE). О популярности и желательности более широкого использования данных форматов высшего образования говорят данные социологических исследований. Так, фонд «Общественное мнение» (ФОМ) провел экспресс-опрос, приуроченный к проведению Санкт-Петербургского экономического форума. Респонденты сошлись во мнении о необходимости модернизации высшего образования и связывают ее, помимо прочего (прикладность, интернационализация, индивидуализация, рост исследовательской активности профессуры), с повышением роли интернет-технологий и внедрением их в образовательный процесс. Так, за это выступают 73 % опрошенных представителей руководства вузов, 85 % представителей молодежи, 88 % представителей работодателей [5,6].

Все дистанционные технологии, на наш взгляд, можно условно разделить на две группы:

1) электронное обучение (*e-learning*), опирающееся на спутниковое телевидение, Интернет, локальные сети и электронные ресурсы;

2) кейс-технологии, опирающиеся на бумажные носители методических материалов. Обе имеют свои недостатки и преимущества.

Особенный энтузиазм наблюдается в связи с появлением многопользовательских открытых онлайн-курсов (*massive open online courses*, *МООС*) — площадок, предлагающих своим слушателям учебные программы от преподавателей различных университетов вместе с возможностью академического

общения и получения официальных сертификатов после сдачи экзаменов. Электронные дистанционные курсы включают в себя видеолекции с субтитрами, презентации, инфографику, текстовые конспекты лекций, домашние задания, виртуальные лаборатории, тесты и итоговые экзамены [7].

Запуск данных проектов и перспективы развития дистанционного образования породили оптимистические ожидания — заговорили даже о «конце эпохи университетов», переходе их в виртуальный онлайн-формат и торговле образованием «в розницу», имея в виду, что на место полноценного образования придет фрагментарное в виде отдельных университетских курсов. Однако, на наш взгляд, ставить вопрос таким образом неоправданно. МООС — отличная добавка к традиционным форматам образования, особенно применительно к системе повышения квалификации и дополнительного образования. Но ничто не заменит такие функции традиционного университета, как социализация и формирование социального капитала студентов.

Имеются и другие проблемы. Так, по мнению Я. Павлова, директора программ дистанционного обучения Института бизнеса и делового администрирования РАНХиГС, это прежде всего: 1) возможность и соблазн отложить выполнение заданий «на завтра»; 2) игнорирование дополнительных материалов, размещенных на ресурсе, хотя именно они - дополнительные материалы - позволяют компенсировать дефицит прямого общения с преподавателем [8]. Нельзя не отметить и потенциальные (небезосновательные) опасения относительно безработицы на рынке преподавательского труда, стремительных переделов образовательных рынков в пользу крупнейших университетов мира (MIT, Гарвард и т. п.) и вытекающего из этого культурного империализма, угрожающего размыванию национальных идентификаций молодежи. Таким образом, развитие дистанционных технологий в формате комплексной виртуально-тренинговой технологии обучения [9] позволяет университетам найти эффективный ответ на тренды массовизации и интернационализации образования.

Вместе с тем, не маловажный вопрос относительно оценок и суждений студенчества о форсированном процессе внедрения дистанта, что влияло и будет влиять в будущем на степень вовлеченности студентов в онлайн учебную деятельность и в такие традиционные форматы обучения в вузе как лекции и семинары. Тем более, что эпидемиологическая ситуация в стране и «вакцинные страхи» не

позволяют исключать новых локдаунов и, соответственно, новых вынужденных тотальных дистантов. Изучение особенностей отношения студенчества крупнейших технических вузов Казани к «онлайнизации» образовательного процесса послужило целью нашего социологического исследования, проведенного в конце 2020 года. Студенты технических вузов Казани довольно типичны для многих «не столичных» (Москва, Санкт Петербург) технических вузов России, и с точки зрения социального состава и с точки зрения наличия иностранных студентов. Квотная выборка составила 1000 человек (ошибка не превышает 3

%), что позволяет говорить о статистической значимости и репрезентативности.

На занятиях, по ответам респондентов, присутствовало подавляющее большинство - 93,7%. (диаграмма 1).

Более 2\3 опрошенных согласились с тем, что использование онлайн обучения неизбежно (диаграмма 2). В тоже время в своей подавляющей массе студенты согласны с тем, что онлайн технологии не смогут заменить живое общение с преподавателем. Странники «отказа» от непосредственного общения с преподавателем в явном меньшинстве (9,7%) (диаграмма 3).

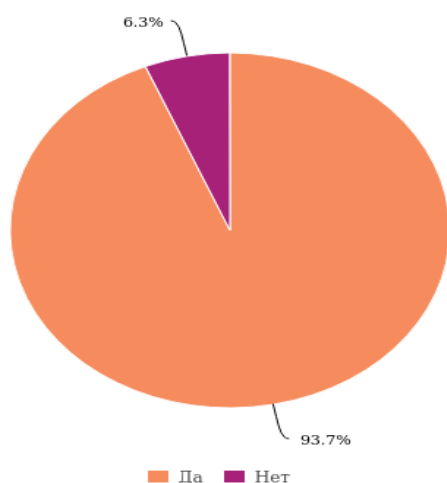

Диаграмма 1 – Присутствовали ли Вы на занятиях в дистанционном формате?

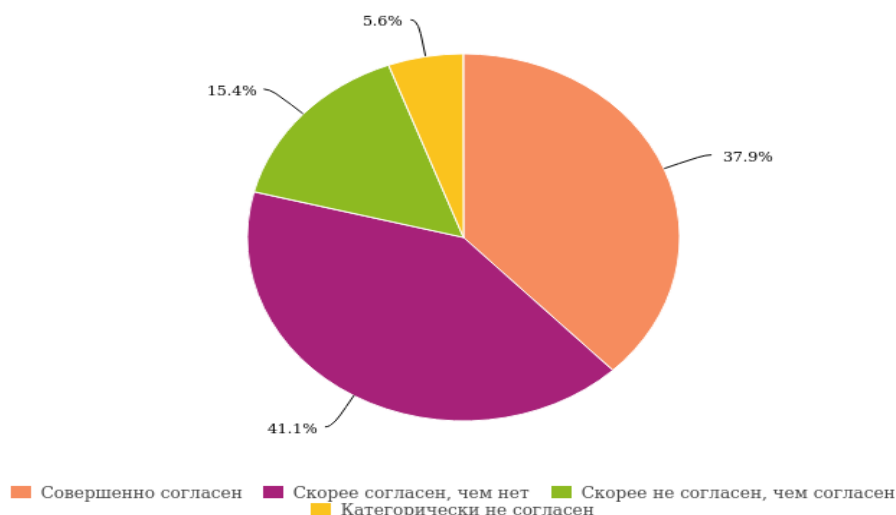

Диаграмма 2 – Использование онлайн обучения в вузах неизбежно?

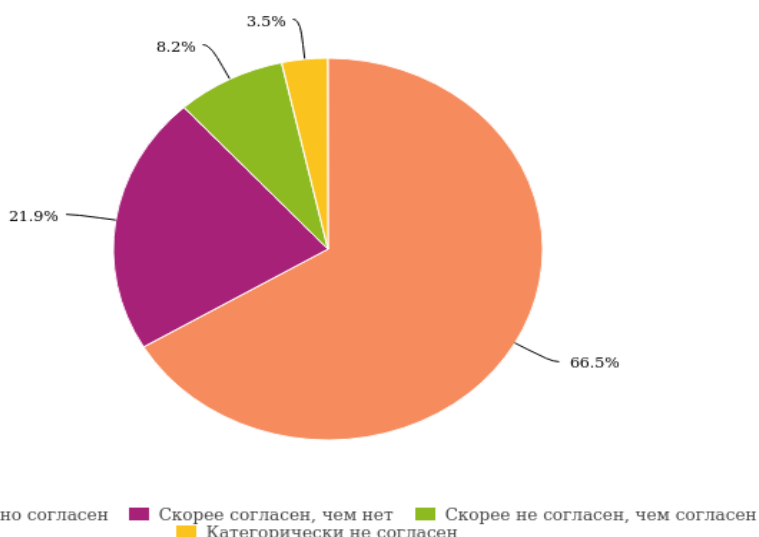

Диаграмма 3 – Дистанционные онлайн технологии обучения никогда не заменят живого общения с преподавателем

Этот вывод подтверждается и тем, что число сторонников дистанционного режима (40,1 %) все же уступает числу сторонников традиционных аудиторных занятий (59,9 %). Хотя и обнаружилось, что заметная доля хоть

и не всегда согласна, что дистант заменяет живое общение с преподавателем, но готова принять онлайн формат как альтернативу аудиторным занятиям (диаграмма 4).

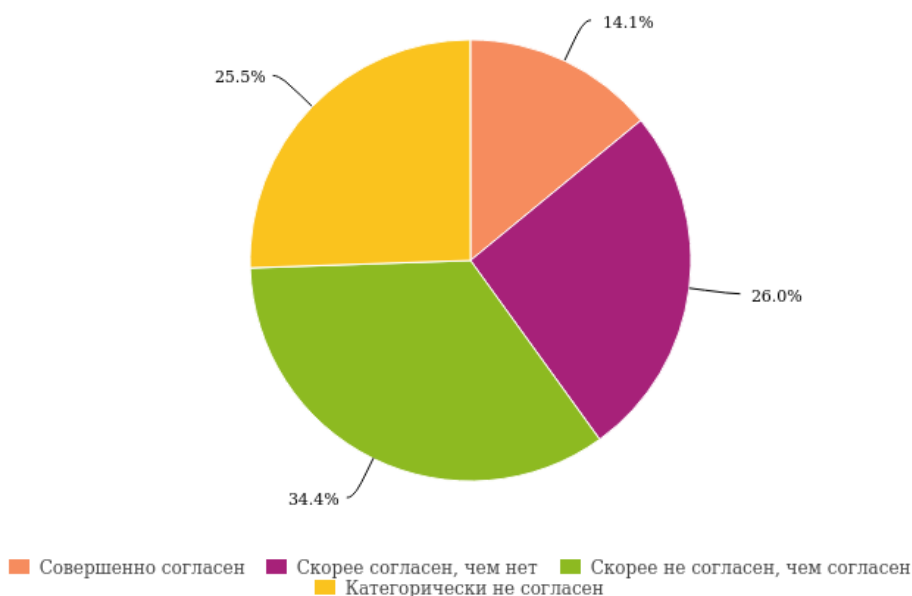

Диаграмма 4 – Студентов режим дистанционного онлайн обучения устраивает больше чем аудиторные занятия

Что касается оценок преимущества онлайн обучения в плане качества образования, но тут выражен скепсис. Только 18,4 % опрошенных заявили, что дистант позволяет достичь лучшего качества обучения по сравнению с традиционными форматами.

Вузы практически справились в онлайнизацией всех основных видов учебной работы со студентами, включая лекции, семинары, лабораторные работы, консультации, экзамены и даже, защиты выпускных квалификационных работ (диаграмма 6).

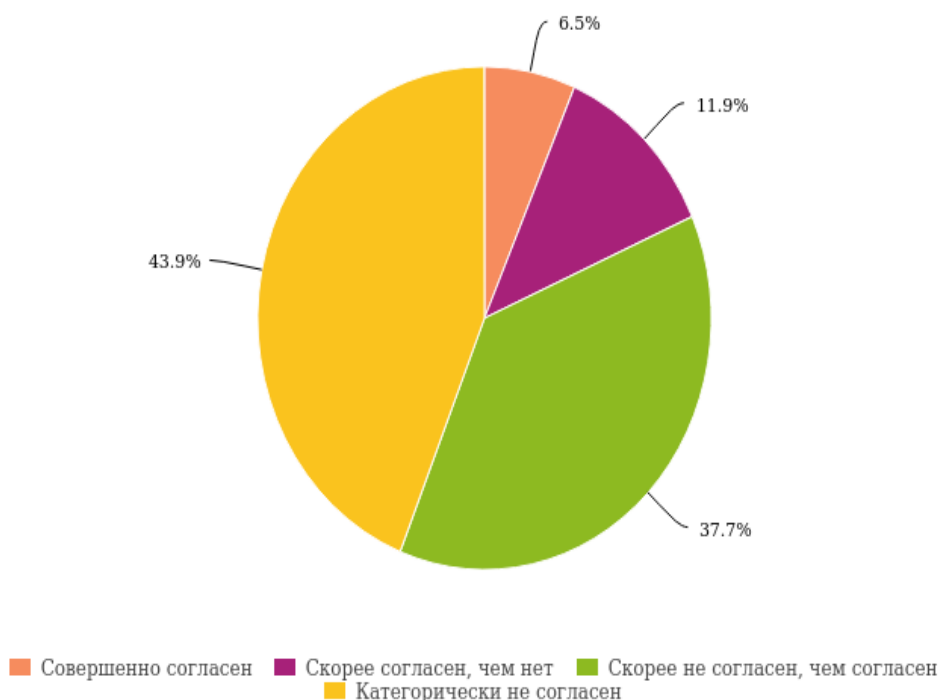

Диаграмма 5 – Качество дистанционного онлайн обучения выше, чем у обучения в традиционной форме

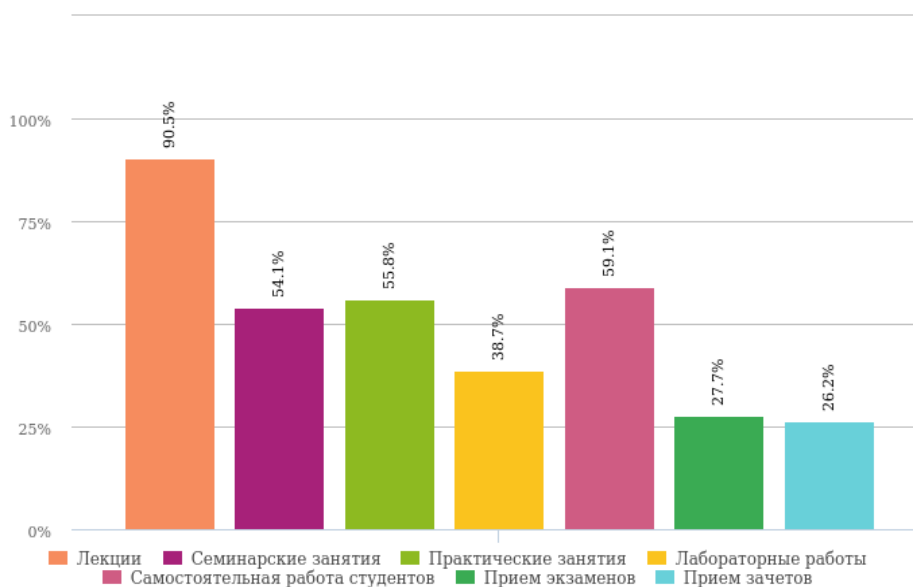

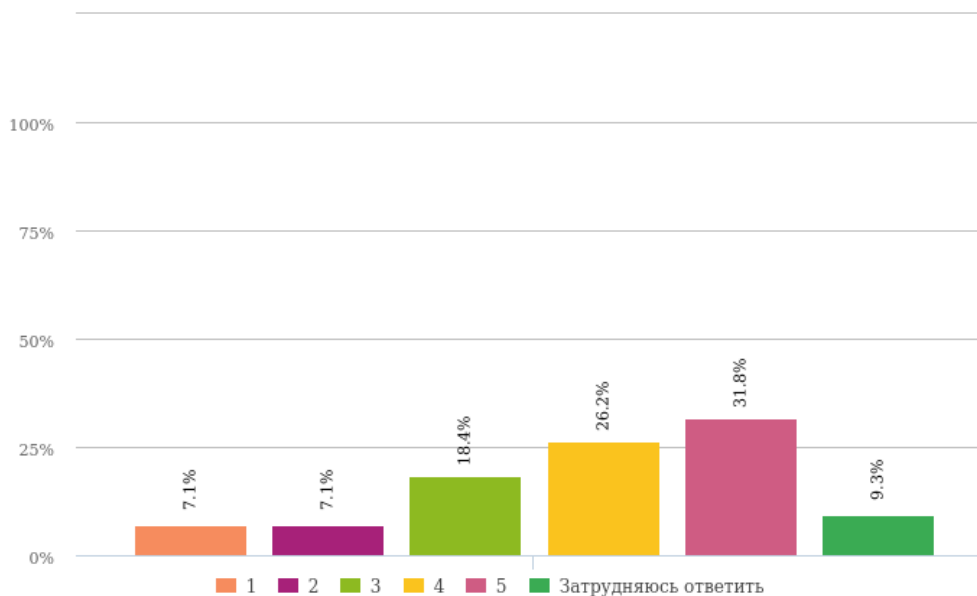
Диаграмма 6 – Какие виды образовательной деятельности использовались в Вашем вузе в режиме онлайн? (множественный выбор)

Наибольшую удовлетворенность у опрошенных вызвали онлайн форматы лекционных занятий (Диаграмма 7), гораздо скромнее оценивается степень удовлетворенности лабораторными работами (Диаграмма 8), и онлайн экзаменами (Диаграмма 9).

Диаграмма 7. Насколько Вы удовлетворены практикой использования дистанци-

онных технологий в Вашем вузе (Оцените по 5 бальной шкале использование дистанционных технологий в ниже перечисленных видах образовательной деятельности, где 1 - отсутствие такой практики, 5 - максимальная удовлетворенность)

Лекции

**Диаграмма 7 – Степень удовлетворенности лабораторными работами в формате онлайн
Лабораторные работы**

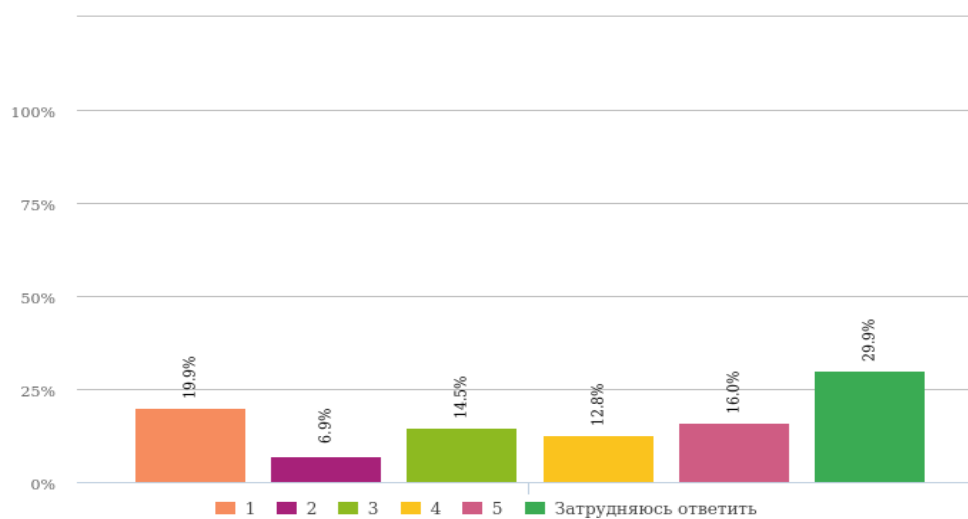

Диаграмма 8 – Степень удовлетворенности экзаменами в формате онлайн

Прием экзаменов

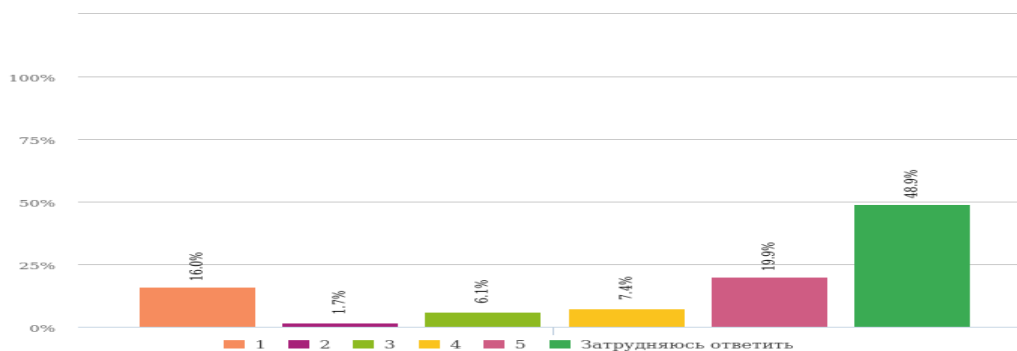

Диаграмма 9 – Какие форматы (платформы) для дистанционного обучения применяют Ваши преподаватели? (Множественный выбор)

Абсолютные лидеры среди онлайн платформ, которые применяли преподаватели в период пандемии – это Moodle и Zoom (диаграмма 10). Их же предпочитают и большинство студентов (диаграмма 11). Думается это связано с доступностью и степенью распространенности данных ресурсов в российских вузах. Платформа Moodle, достаточно давно

уже используется и преподавательский состав уже имел возможность познакомиться с практикой ее применения в «доковидный» период. В изученных нами вузах программы повышения квалификации преподавателей в области ИКТ во многом строились на изучении Moodle.

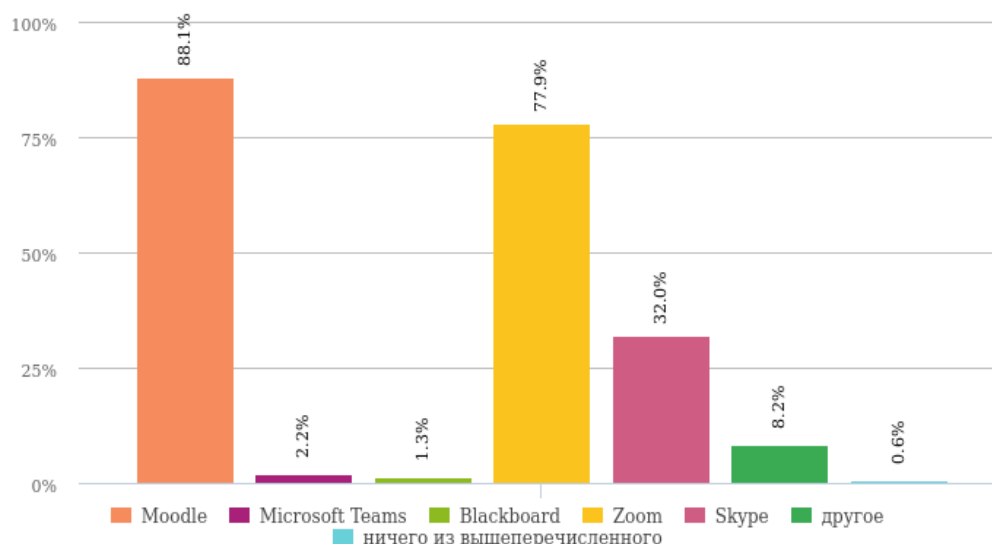

Диаграмма 10 – Какие форматы (платформы) для дистанционного обучения Вы бы предпочли в первую очередь? (Множественный выбор)

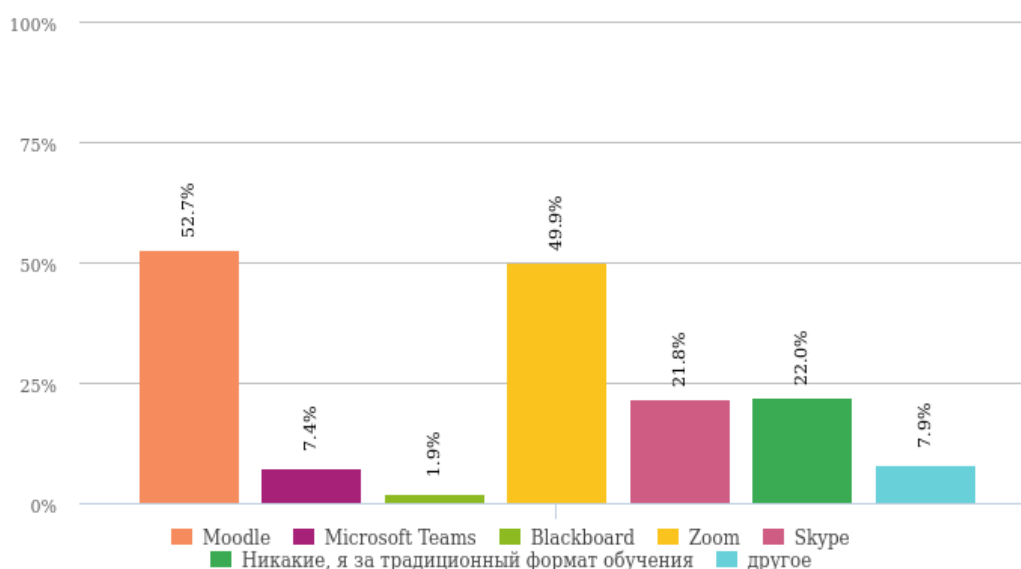

Диаграмма 11 – Лидеры среди онлайн платформ

Вместе с тем респондентами высказывались и критические мнения: «Я считаю, что форма дистанционного обучения - это очень круто для людей, обучающихся заочно. +Это

круто для людей, которые обучаются по направлениям ИТ-сферы, может быть, еще некоторых других сфер. Я имею в виду, что у студентов нет необходимости контактировать с

разным оборудованием, станками и т. д. На счет платформ образовательных. Я считаю, что в данный момент нет платформы для дистанта. Все эти Зумы и Скайпы - это костыли, чтобы хоть как-то выходить на связь». То есть проблематизируется возможности современных онлайн платформ в плане эффективности в ситуации, когда имеется необходимость физического контакта с производственным оборудованием, а это относится к большинству инженерных направлений подготовки.

Онлайн обучение предполагает не только коммуникацию студентов и преподавателей на основе названных выше платформ, но

и возможности использования различных информационных и образовательных ресурсов в Интернете. Из диаграммы 12 видно, что лидируют отечественные ресурсы «Лекториум» (19%) и «Универсариум» (9,7%), однако и такой интернациональный мега ресурс как «Coursera» также используется студентами казанских технических вузов (7,1%). Смартфон и ноутбук являются основными устройствами, которыми студенты чаще всего пользуются при обучении в дистанционном формате (69,6% и 66,4%). Планшеты и стационарные компьютеры гораздо менее распространены (6,9% и 22,1%) (диаграмма 13).

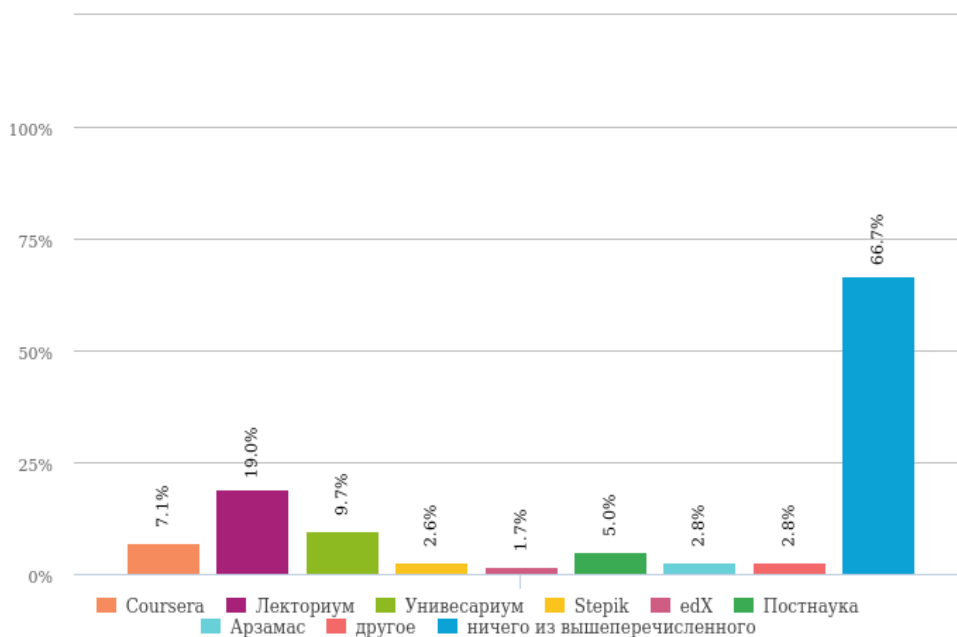

Диаграмма 12 – Какими материалами онлайн курсов платформ Вы пользуетесь в процессе дистанционного обучения? (Множественный выбор)

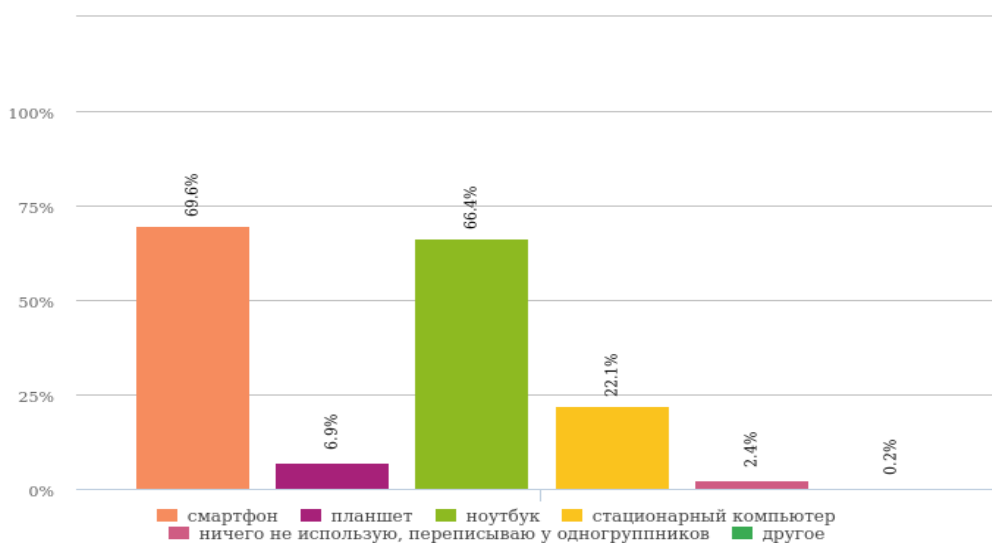

Диаграмма 13 – Что Вы преимущественно используете для участия в занятиях с применением дистанционных технологий: (Множественный выбор)

Среди волнующих студентов проблем учебы в онлайн режиме лидируют: проблемы с интернетом, дефицит живого общения с преподавателями [10]. Высказываются и более развернутые оценки: «С «хаотично сваливаемой» информацией, касающейся обучения. Информация (задания, рекомендации, сроки) поступает не через одну рабочую платформу, т.е. диалог мы ведём через сайты наших вузов, получаем задания через различные беседы с сокурсниками (кстати, эти беседы очень быстро «захламляются» ненужной информацией, которую через некоторое время затруднительно найти, лекции мы просматриваем на Ютуб, а видеоконференции мы ведём Зуум или Скайп. В общем, по моему мнению, нужен единый портал, который заменял бы все имеющиеся программы, средства коммуникации, тогда у студентов не будет путаницы, зашёл на один портал, там лекции, там задания, там с преподавателем можно проконсультироваться, там же можно и отправить выполненные задания. Не хватает порядка в системе, все понимают, что это тестирование, но так оставлять в любом случае нельзя, снизится качество образования. Также, хочу обратить внимание на технические неполадки, которые возникают, вероятно из-за нагрузки, а также на отсутствие у студентов техники достойного уровня для того, чтобы выполнять все задания, связанные с компьютерными технологиями».

Конечно, в рамках одной статьи невозможно охватить всю проблематику оценок студентами «форсированного дистанта», но предъявленный материал позволит сделать ряд выводов теоретического и практического характера:

1. Пандемический локдаун наглядно показал возможности и ограничения онлайн формата в построении образовательного процесса в вузе.

2. В принципе российские вузы без больших потрясений справились с форсированным внедрением онлайн технологий, опираясь на предыдущий опыт использова-

ния платформы Moodle и довольно быстрое овладение ресурсом Zoom.

3. С разной степенью успешности были «онлайнизированы» практически все формы учебной работы со студентами. В большей степени успешно это получилось с лекциями. Опытным путем были разработаны даже регламенты защиты выпускных квалификационных работ.

4. Студенчество отнеслось к вынужденному дистанту с пониманием, но отмечая, что он не может заменить живое общение с преподавателем без потери качества усвоения учебного материала.

5. В тоже время довольно заметная доля (около 40 %) готова была признать, что такой онлайн формат обучения устраивает их даже больше. Но наиболее приемлемы, видимо, является сочетание онлайн и офлайн обучения.

6. Сказанное не относится с тем направлениям подготовки, где важно непосредственное знакомство с промышленным оборудованием.

7. Используемые вузами платформы Moodle и Zoom в принципе одобряются большинством студентов.

8. Правда, надо отметить, что данные платформы, будучи американскими разработками, явно не подходят для использования в учебном процессе по профилям и дисциплинам оборонного характера, так как в таком случае нашим «партнерам» становится доступна информация секретного характера.

9. Эффективность использования онлайн формата обучения требует от студентов устойчивого доступа в интернет, а вузы должны иметь достаточно мощные сервера, способные поддерживать без перебоев повышенную нагрузку на вузовские сайты, с которых осуществляется вход в ресурс Moodle.

10. Студенты еще весьма робко используют интернет ресурсы типа «Лекториум», «Универсариум» или «Coursera» для получения дополнительной учебной информации.

Литература

1. Зинурова Р. И., Тузиков А. Р. Профессиональное образование в 21 веке: региональный ответ на вызовы модернизации: монография. Казань: Изд-во Казан. гос. технол. ун-та, 2011.
2. Тузиков А. Р., Гаязова Э. Б., Зинурова Р. И. Инновационное образование в российской высшей школе – опыт социологического исследования // Вестн. Казан. технол. ун-та. 2011. № 18. С. 278–284.

3. Зинурова Р. И., Тузиков А. Р. Глобальные тренды в развитии университетского образования и вызовы дистанционных технологий // Университетское управление: практика и анализ. 2014. (4-5):44-51.
4. Зинурова Р. И., Тузиков А. Р. Главные образовательные тренды и развитие дистанционных технологий // Вестн. Казан. технол. ун-та. 2014. № 18. С. 237–240.
5. Высшая школа: новации желательные и нежелательные. Фонд Общественное Мнение. URL: <http://fom.ru/blogs/11515> (дата обращения 17.07.2021).
6. Зинурова Р. И., Тузиков А. Р., Фурсова В. В. и др. Современное российское образование: проблемы и перспективы развития. Казань: Казан. ун-т, 2012.
7. Зинурова Р. И., Никитина Т. Н. Цифровая среда высшего образования в России: объективные условия и субъективное восприятие студентами дистанционного обучения в ситуации повышения рисков // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2021. Т. 6. № 1. С. 45–57. DOI: <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2021-6-1-45-57>
8. Павлов Я. Пять самых распространенных ошибок студента, обучающегося онлайн. URL: http://www.executive.ru/education/proeducation/1922208/?utm_source=newsletter_exe&utm_term=&utm_medium=edition&utm_content=20140610&utm_campaign=daily_stat (дата обращения 14.08.2021).
9. Нежметдинова Ф. Т., Фассахова Г. Р., Шагивалиев Л. Р., Шарыпова Н. Х., Зинурова Р. И. Трансформация подготовки кадров для АПК в условиях цифровой экономики // В сборнике: Сельское хозяйство и продовольственная безопасность: технологии, инновации, рынки, кадры. Научные труды международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию аграрной науки, образования и просвещения в Среднем Поволжье. 2019. С. 721-725.
10. Зинурова Р. И. Цифровые форматы обучения в мнениях студентов (на примере казанских вузов) // Цифровое общество - новый формат социальной реальности: структуры, процессы и тенденции развития // Материалы Всероссийской научной конференции. Отв. редакторы: Н.Г. Скворцов, Ю.В. Асочаков. 2020.
11. Зинурова Р. И., Тузиков А. Р. Институционализация новых коммуникационных и деятельностных форматов в работе с молодежью // Управление устойчивым развитием. 2021. №3 (34). С. 56-62.

Сведения об авторе:

©**Тузиков Андрей Римович** – доктор социологических наук, профессор, зав. кафедрой государственного, муниципального управления и социологии, декан факультета промышленной политики и бизнесадминистрирования, Казанский национальный исследовательский технологический университет, Российская Федерация, Казань, an.tuzikoff@yandex.ru.

Information about the author:

©**Tuzikov Andrey Rimovich** – Doctor of Sociological Sciences, Professor, the Head of the Department for Public Administration and Sociology, Dean of the Faculty of Industrial Policy and Business Administration, Kazan National Research Technological University, Russian Federation, Kazan, an.tuzikoff@yandex.ru.

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 378

Л. В. Бортникова, А. Д. Лифанов, С. А. Блохин**ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОДГОТОВКА СПЕЦИАЛИСТОВ СФЕРЫ ОРГАНИЗАЦИИ СПОРТИВНОГО ПИТАНИЯ В ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ ВУЗАХ**

Ключевые слова: профессиональная подготовка, спортивное питание, студенты, условия, мотивация

Работа посвящена исследованию процесса совершенствования профессиональной подготовки будущих специалистов сферы организации спортивного питания в технологических вузах. Мы полагаем, что в современном мире достижение высоких спортивных результатов в спорте высших достижений невозможно без разработки инновационных технологий спортивного питания. В связи с этим, целью настоящей работы являлось научное обоснование и апробация инновационной методики профессиональной подготовки специалистов сферы спортивного питания в технологических вузах при реализации профессиональных дисциплин. Исследование проводилось на базе Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Казанский национальный исследовательский технологический университет» (ФГБОУ ВО «КНИТУ»). В педагогическом эксперименте приняли участие 260 студентов очной формы обучения по направлению подготовки 19.03.02 «Продукты питания из растительного сырья» (квалификация (степень) «бакалавр»), которые были разделены на две группы: экспериментальную группу (ЭГ) и контрольную группу (КГ). Студенты контрольной группы обучались по традиционной схеме. Для студентов экспериментальной группы обучение проводилось по авторской программе, разработанной совместно с преподавателями кафедры Оборудование пищевых производств. Результаты, полученные в ходе анкетирования, показывают, что в начале обучения будущие специалисты сферы организации спортивного питания: внутренне мотивированы на получение профессии путем освоения профессиональных дисциплин – 70 %; в большей степени заинтересованы в самостоятельном изучении для профессиональных целей смежных дисциплин, чем студенты других специальностей и направлений подготовки – 68,3%; рассматривают профессиональную компетенцию как необходимое условие достижения высокого уровня профессионального мастерства (65 %), идентифицируют низкий уровень владения технологиями спортивного питания для профессиональной деятельности - 75 %; конкурентоспособности и востребованности (95 %); не достаточно уверены в реальности достижения высоких результатов в будущей профессиональной деятельности, поскольку система профессионального образования в технологическом вузе недостаточно эффективна - 85 %, нуждается в модернизации и оптимизации. Таким образом, интерпретация полученных данных позволила нам сформулировать педагогические факторы и условия оптимизации профессиональной подготовки будущих специалистов. Данные условия заключаются в обязательном учёте современных тенденций, проблемно-контекстной направленности образовательного процесса.

L. V. Bortnikova, A. D. Lifanov, S. A. Blohin**PROFESSIONAL TRAINING OF SPECIALISTS IN THE FIELD OF SPORTS NUTRITION IN TECHNOLOGICAL UNIVERSITIES**

Keywords: professional training, sports nutrition, students, conditions, motivation

The article is devoted to the study of the process of improving the professional training of future specialists in the field of sports nutrition in technological universities. We believe that in the modern world, achieving high sports results in high-performance sports is impossible without the development of innovative sports nutrition technologies. In this regard, the purpose of this work was to provide scientific justification and test innovative methods of professional training of specialists in the field of sports nutrition in technological universities in the implementation of professional disciplines. The study was conducted on the basis of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Kazan National Research Technological University» (KNRTU). The pedagogical experiment involved 260 full-time students in the field of training 19.03.02 «Food from vegetable raw materials» (qualification (degree) «bachelor»), who were di-

vided into two groups: the experimental group (EG) and the control group (CG). The students of the control group were trained according to the traditional scheme. For the students of the experimental group, the training was conducted according to the author's program developed jointly with the teachers of the Department of Food Production Equipment. The results obtained during the survey show that at the beginning of training, future specialists in the field of sports nutrition organization: are internally motivated to get a profession by mastering professional disciplines - 70 %; are more interested in independent study for professional purposes of related disciplines than students of other specialties and areas of training - 68.3 %; they consider professional competence as a necessary condition for achieving a high level of professional skill (65 %), identify a low level of proficiency in sports nutrition technologies for professional activity - 75 %; competitiveness and demand (95 %); are not sufficiently confident in the reality of achieving high results in future professional activity, since the system of professional education in a technological university is not effective enough – 85 %, needs modernization and optimization. Thus, the interpretation of the obtained data allowed us to formulate pedagogical factors and conditions for optimizing the professional training of future specialists. These conditions consist in the mandatory consideration of modern trends, the problem-contextual orientation of the educational process.

Введение

На сегодняшний день, приоритетной задачей системы высшего образования в Российской Федерации является повышение качества подготовки будущих специалистов [1,2]. Система профессионального образования должна соответствовать международным стандартам. Именно эта задача и является актуальной, поскольку в эпоху глобализации задает направление социально-экономического развития нашего государства. В технологических вузах, на факультетах пищевых технологий ведется подготовка инженеров-технологов по спортивному питанию. Поскольку для этих специалистов на отечественном рынке труда присутствуют жесткие требования к уровню профессиональной подготовки, формат стратегии профессиональной подготовки направлен на интернационализацию профессионального образования. Именно эта задача, стоящая перед государством способна повысить конкурентоспособность выпускников на международном рынке труда.

Пищевая отрасль в настоящее время является социально ориентированной и инвестиционно привлекательной. Она охватывает большую целевую аудиторию. На сегодняшний день, в Институте пищевых технологий и биотехнологии в рамках направления 19.03.03 ведется подготовка бакалавров и магистров по профилю подготовки «Инновационные технологии спортивного питания». Следует добавить, что данное направление подготовки является популярным не только у выпускников бакалавриата по данному профилю, но и у выпускников вузов физической культуры [3, 4].

В современном мире достижение высоких спортивных результатов в спорте высших достижений невозможно без разработки инновационных технологий спортив-

ного питания. В настоящее время большинство специалистов сходятся во мнении, что система многолетней подготовки будет малоэффективной без научно обоснованных подходов к нутри- и фармакогенетическому сопровождению восстановления специальной работоспособности спортсменов. Данный подход предполагает необходимость углубления биохимической подготовки, поскольку в настоящее время актуальным является в спортивной практике разработка методов на основе ДНК-технологий для повышения специальной работоспособности спортсменов.

Реализация поставленных задач, поставленных современной системой многолетней подготовки спортсменов и предполагающей свободное владение инновационными ДНК-технологиями нутригенетического и фармакогенетического сопровождения высококвалифицированных спортсменов актуализирует потребность в инновационных омиксных разработках в сфере подготовки квалифицированных специалистов. Следует добавить, что современная система подготовки квалифицированных спортсменов переживает острую фазу кризиса, поскольку медико-биологический блок в ней представлен довольно слабо и нуждается в доработке. В связи с этим, актуальным становится поиск надежных критериев и подходов оценки результативности процесса подготовки будущих специалистов.

Технологическое образование в настоящее время рассматривается как элемент информационно-образовательной среды, инструмент совершенствования учебного процесса вузов. Технологическое образование сегодня полиобразовательный комплекс, способствующий, в том числе, формированию профессиональной и личностной компетентности студентов на основе биотехно-

логического подхода. Владение последними достижениями в области биохимии и биотехнологии является универсальной компетенцией. В настоящее время биотехнологическая отрасль является одним из важнейших компонентов модели подготовки будущего специалиста в сфере физической культуры и спорта, показателем отечественного спорта высших достижений. Так, освоение профессиональной компетенции будущими специалистами по инновационным технологиям спортивного питания закреплено на уровне Федерального государственного образовательного стандарта высшего образования по направлению 19.03.03 Продукты питания из растительного сырья [5-7].

Таким образом, все вышеперечисленное обуславливает объективную необходимость в совершенствовании биотехнологического аспекта профессиональной подготовки будущих специалистов сферы организации спортивного питания в информационно-образовательном пространстве технологического вуза.

Целью настоящей работы являлось научное обоснование и апробация инновационной методики профессиональной подготовки специалистов сферы спортивного питания в технологических вузах при реализации профессиональных дисциплин.

Материалы и методы исследования.

Исследование проводилось на базе Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Казанский национальный исследовательский технологический университет» (ФГБОУ ВО «КНИТУ»). В педагогическом эксперименте приняли участие 260 студентов очной формы обучения по направлению подготовки 19.03.02 «Продукты питания из растительного сырья» (квалификация (степень) «бакалавр»), которые были разделены на две группы: экспериментальную группу (ЭГ) и контрольную группу (КГ). Студенты контрольной группы обучались по традиционной схеме. Для студентов экспериментальной группы обучение проводилось по авторской программе, разработанной совместно с преподавателями кафедры Оборудование пищевых производств.

В качестве опросного метода нами выбран метод анкетирования. Данный метод позволяет в короткие сроки получить и обработать экспериментальные данные, необходимые для полноценного педагогического исследования [4]. Нами разработаны специ-

альные анкеты, которые были направлены на получение следующей информации:

- направления подготовки и профиля, заинтересованных в наибольшей степени в достижении высокого профессионального мастерства средствами технологического образования;

- уровня личностно-профессиональной направленности студентов;

- мотивации студентов к учебной и профессиональной деятельности;

- потребностей, личностных целей, ожиданий, предпочтений, трудностей, возможностей и пожеланий студентов, взаимосвязанных с освоением профессиональных дисциплин и системой их преподавания;

- степени удовлетворённости студентов от пройденного учебного материала курса, уверенности в практической значимости приобретённых качеств и компетенций.

Для обработки экспериментальных данных и их объективной интерпретации мы применяли методы математической статистики. Обработка экспериментальных данных осуществлялась с использованием программного продукта SPSS 16.0. Оценка достоверности показателей контрольной и экспериментальной групп осуществлялась с использованием t-критерия Стьюдента. При уровне значимости $p \leq 0,05$ различия считались достоверными, что в педагогических исследованиях является общепринятым.

Результаты и их обсуждение.

На констатирующем этапе педагогического эксперимента нами получены результаты, характеризующие современное состояние и основные тенденции профессиональной подготовки будущих специалистов сферы организации спортивного питания в технологических вузах, определение направлений её дальнейшей оптимизации. В педагогическом эксперименте участвовали студенты факультета пищевых технологий (145 человек) Казанского национального исследовательского технологического университета. Студенты-магистранты второго года обучения, специализирующиеся в инновационных технологиях спортивного питания в количестве 140 человек, были отобраны в контрольную группу. Педагогическое наблюдение за реализацией педагогической системы их профессиональной подготовки осуществлялось в течение учебного года (2020-2021). Для этого проводились контрольные испытания и опросы. Документальная, материально-техническая и учебно-методическая базы, регламентирующие и

обеспечивающие реализацию профессиональных дисциплин, подвергались тщательному анализу.

Результаты, полученные в ходе анкетирования, показывают, что в начале обучения будущие специалисты сферы организации спортивного питания: внутренне мотивированы на получение профессии путем освоения профессиональных дисциплин – 70 %; в большей степени заинтересованы в самостоятельном изучении для профессиональных целей смежных дисциплин, чем студенты других специальностей и направлений подготовки – 68,3%; рассматривают профессиональную компетенцию как необходимое условие достижения высокого уровня профессионального мастерства (65 %), идентифицируют низкий уровень владения технологиями спортивного питания для профессиональной деятельности – 75 %; конкурентоспособности и востребованности (95 %); не достаточно уверены в реальности достижения высоких результатов в будущей профессиональной деятельности, поскольку система профессионального образования в технологическом вузе недостаточно эффективна – 85 %, нуждается в модернизации и оптимизации.

По итогам педагогического наблюдения и обзора имеющейся документации, регламентирующей процесс профессиональной подготовки, нами сделаны следующие выводы:

- в структуре учебно-методического комплекса дисциплины «Биохимия» недостаточно представлено содержание учебного материала, направленного на развитие профессиональной компетенции в сфере спортивного питания (специальных упражнений, заданий, направлены на формирование профессионально важных качеств, компетентностно ориентированных заданий, моделей составления рационов питания в нестандартных ситуациях);

- основной целью изучения модуля «Биохимия» в технологическом вузе является общетеоретическая подготовка студентов к использованию специальных знаний, терминов в личностной и профессиональной деятельности в соответствии с компетенциями, закреплёнными за дисциплиной в учебном плане подготовки будущих специалистов;

- в организации методической работы приёмы алгоритмизации учебного про-

цесса отсутствуют, система обучения строится преимущественно на основе системы внешней мотивации и внешнего контроля результатов образования.

По итогам испытаний на завершающем этапе педагогического эксперимента у студентов вуза нами установлена положительная динамика профессиональной компетенции (сфера спортивного питания);

Выполненное анкетирование также выявило тенденцию к снижению профессиональной мотивации профессиональной деятельности (с 69 до 54 %); снижению направленности личности на профессиональное самоопределение (с 64 до 59 %); неудовлетворенность по завершению курса обучения – 43 %.

Результаты педагогического эксперимента позволяют сформулировать проблемную ситуацию, которую логичнее обозначить как ситуация неопределенности. Ситуация заключается в значительной рассогласованности основных тенденций (динамика, индивидуализация, технологизация, модернизация) и подходов (междисциплинарный, контекстный, компетентностный), являющихся актуальными в современном профессиональном образовании с их апробацией в системе контекстного обучения, требований, предъявляемых к уровню профессиональной подготовленности будущих специалистов сферы спортивного питания.

Таким образом, интерпретация полученных данных позволила нам сформулировать педагогические факторы и условия оптимизации профессиональной подготовки будущих специалистов. Данные условия заключаются в обязательном учёте современных тенденций, проблемно-контекстной направленности образовательного процесса, психолого-педагогических аспектов и соблюдении междисциплинарных принципов и стратегий продуктивной и профессиональной дидактики, наличии интегрированной системы контроля и стимулирования профессиональной деятельности, включении элементов алгоритмизации, разработке технологического-инструментального сопровождения и специализированной учебной базы и с использованием мультимедиа-, интернет и электронных ресурсов [6, 8].

Литература

1. Фатхуллина Л. З. Оптимизация профессиональной ориентации на основе междисциплинарного подхода // Управление устойчивым развитием. 2016. №1. С. 71-76.
2. Гурьянова Т. Н., Фатхуллина Л. З. Российские вузы на международном рынке образовательных услуг // Вестник Казанского технологического университета. 2014. Т.17. №15. С. 391-394.
3. Красина И. Б., Бродовая Е. В. Современные исследования спортивного питания // Современные проблемы науки и образования. URL: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=26809> (дата обращения: 06.06.2021).
4. Кострюшина Н. В., Эффективность физических упражнений оздоровительной направленности в образовательном процесс студенток технического вуза (на примере специальности «пищевая инженерия») / Н.В. Кострюшина, А.К. Захаров, Т.А. Суходеева, Э.В. Любарская, О.Д. Дашибальжирова, Г.Б. Барбаев, В.Б. Гормаев // Вестник спортивной науки. 2018. № 4. С. 56-61.
5. Лифанов, А. Д. Структура мотивации студенток, имеющих отклонения в состоянии здоровья, к занятиям физической культурой и ее динамика в процессе обучения в вузе // Вестник спортивной науки. 2018. № 1. С. 49 - 55.
6. Васенков Н. В., Миннибаев Э.Ш. Всероссийский спортивный комплекс «ГТО»: готовность студентов к выполнению норм и требований // Наука и спорт: современные тенденции. 2016. № 2 (11). С. 65–68.
7. Павлова А. С. Здоровьесбережение как основа непрерывного профессионального образования бакалавров по направлению «Энерго- и ресурсосберегающие процессы в химической технологии, нефтехимии и биотехнологии» (на материале дисциплины «Физическая культура» / А.С. Павлова, А.Д. Лифанов, И.А. Зенуков, А.Ф. Халилова // Вестник Казанского технологического университета. - 2012. № 23. Т. 15. С. 226-230.
8. Кудрявцев Ю. М., Халилова А.Ф. Здоровый образ жизни – основа здоровьесберегающих технологий // Казанская наука. 2013. №10. С.22-28.

Сведения об авторе:

©**Бортникова Лизавета Васильевна** – старший преподаватель кафедры физического воспитания и спорта, Казанский национальный исследовательский технологический университет, старший преподаватель кафедры физического воспитания, Казанский государственный энергетический университет, Российская Федерация, Казань, e-mail: lizaveta-dolgova@mail.ru.

©**Лифанов Александр Дмитриевич** – кандидат химических наук, доцент кафедры физического воспитания и спорта, Казанский национальный исследовательский технологический университет, Российская Федерация, Казань, e-mail: m.sportedu@gmail.com

©**Блохин Сергей Александрович** – доцент кафедры физического воспитания и спорта, Казанский национальный исследовательский технический университет им. А.Н. Туполева, Российская Федерация, Казань, e-mail: fizvs_knitu@mail.ru.

Information about the author:

©**Bortnikova Lizaveta Vasil'evna** – Senior teacher of the Department of physical culture and sport, Kazan National Research Technological University, Senior teacher of the Department of physical education, Kazan State Power Engineering University Russian Federation, Kazan, e-mail: khayrullin.63@list.ru.

©**Lifanov Aleksandr Dmitrievich** – Candidate of chemical sciences, the senior lecturer, Assistant of the Department of physical culture and sport, Kazan National Research Technological University, Russian Federation, Kazan, e-mail: m.sportedu@gmail.com.

©**Blohin Sergey Aleksandrovich** – the senior lecturer of the Department of physical culture and sport, Kazan National Research Technical University, Russian Federation, Kazan, e-mail: fizvs_knitu@mail.ru.

УДК 378.1

Р. Д. Валеева

ПЕРСПЕКТИВЫ ОНЛАЙН ОБРАЗОВАНИЯ ПОСЛЕ ПАНДЕМИИ

Ключевые слова: онлайн образование, пандемия, образовательные платформы, смешанное обучение, переход к онлайн обучению

Пандемия вызвала изменения в учебно-методическом процессе в высших учебных заведениях и повлияла на взаимодействие между преподавателями и студентами. Вследствие пандемии университеты были вынуждены вести свою деятельность со студентами исключительно онлайн. В это беспрецедентное и неопределенное время большинству людей представилась возможность обучаться дома и работать удаленно из дома. С одной стороны, внезапный переход на онлайн обучение вызвало немало трудностей. Многие преподаватели и студенты оказались не вполне подготовлены к процессу онлайн обучения. Вместе с тем никуда не делись и текущие проблемы, такие как недостаточная пропускная способность компьютеров и отсутствие оборудования и программного обеспечения. С другой стороны, такой переход предоставил уникальную возможность для более широкого круга студентов получить онлайн образование. Пандемия изменила восприятие обучающимися онлайн образования, и спровоцировало более широкое его распространение после пандемии.

R. D. Valeeva

HOW EDUCATION WENT ONLINE DUE TO THE PANDEMIC

Key words: online education, pandemic, e-learning platforms, blended learning, transition to online learning

The coronavirus pandemic has generated changes in the teaching-learning process in higher education institutions and has influenced the interaction between teachers and students. As a consequence of the pandemic, universities were constrained to carrying out their activity with students exclusively online. In this unprecedented and uncertain time, most people are encouraged to study at home and work from home. On one hand, there are many challenges to online education, especially with the sudden transition. Many instructors and students have little or no training in online education. Other issues such as insufficient bandwidth and missing hardware and software are common. On the other hand, this presents an unforeseen and golden opportunity for a wider student population to experience online education. This changed the perception of students on online education and triggered a wider online education adoption after the pandemic.

Since the COVID -19 pandemic has disrupted the normal lifestyle of people across the globe, the virtual world has come to the rescue. During the pandemic life has ceased to exist. All spheres of life have been affected by the precautions taken to limit the spread of the virus. Education is perhaps the most affected sector. The Covid-19 pandemic has made everyone stay at home but it has not stopped the world. People still need to work, students need to learn and teachers need to teach. Life goes on and education can not be delayed.

The coronavirus pandemic has generated changes in the teaching-learning process in higher education institutions and has influenced the interaction between teachers and students. As a consequence of the pandemic, universities were constrained to carrying out their activity with students exclusively online. In this regard the governments of different countries all over

the world took measures in order to avoid spreading the virus and to ensure the continuity of the educational process, and universities worldwide adopted online learning. While in general internet-based learning is considered an option, an alternative to traditional learning, during the coronavirus pandemic it became an essential element for maintaining the activity of schools and universities [1]. This paradigm shift could generate changes in students' perception of this way of teaching and their perception might be different from the one found in studies previous to the pandemic. Thus, through this article, we tried to capture the existence of such changes.

Previous studies show that online learning offers many benefits for students because this type of learning involves student-centeredness, it is more flexible, and it can also improve interaction with students by providing

asynchronous and synchronous tools such as e-mail, forums, chats, videoconferences. Furthermore, internet technologies facilitate the distribution of content at the same time, to a large number of users; e-learning platforms offer many advantages to learners such as control over the content, control over the time spent learning, and thus the process can be adapted according to the learner needs and objectives of learning [3]. This might contribute to better communication with the students and in spite of some inherent challenges brought by this time of crisis, e-learning might enhance the learning process for students.

However, when using e-learning platforms there are also some elements that might be considered obstacles in students' process of learning, such as decreased motivation in students, delayed feedback or help due to the fact that teachers are not always available at the time students may need help while learning, or feelings of isolation due to lack of physical presence of classmates. Nonetheless, these obstacles can be overcome with the help of teachers who should adapt their teaching strategies to the needs of students. In order to do so, experience and knowledge about teaching in the online environment are necessary. Thus, we believe that these challenges and disadvantages could be more prominent while the educational process takes place exclusively online. This might happen due to the lack of teachers' experience in using e-learning and due to the short time in which they had to adapt their teaching style to the new conditions. Therefore, both university members and students came across many challenges. The Organization for Economic Co-operation and Development mentioned that some of the challenges universities have to face were: keeping an equilibrium between online courses, that could affect students health, them spending many hours in front of a screen, and non-digital activities, analyzing and focusing on student's emotional health — providing them with support throughout the process of learning, taking into account the fact that not all students have access to the internet, and managing and monitoring their access to devices in order to effectively collaborate with them [2]. Furthermore, universities also struggle with keeping the content of the course consistent and relevant, with communicating clearly with the academic community, and also with acquiring and recruiting students. On the other hand, students also had to face challenges and a study focusing on students' perspective on e-learning identified that among the main challenges that students encountered were accessi-

bility, connectivity, lack of appropriate devices, social issues represented by the lack of communication and interaction with teachers and peers.

In the current conditions, the primary tasks for universities will be:

- strategic planning and accounting for associated risks to predict the short and long term impacts of a pandemic, including the expected economic downturn.

- development of measures to support students and teachers: finding ways to level the inequality between students (access to the Internet, availability of the necessary equipment for all students, suspension of tuition fees, targeted material assistance, loans for students from disadvantaged families), organization of trainings for faculty on training in the specifics of online teaching, the functionality and capabilities of existing platforms and services (including Google Classroom, Microsoft 365 Groups, WIZIQ Moodle, iSpring), organization of a special platform for the exchange of experience between teachers in the field of online teaching, joint search for solutions to problems arising in the learning process, methodological assistance in adapting programs to forms of online learning. Leading universities are currently paying special attention to the psychological support of their students and staff. The most vulnerable in this situation are universities, for example, in countries such as Russia and China, where there is no such support system.

- finding ways to effectively transition to online learning. In many countries, university leaders are encouraged to move to online education indefinitely, regardless of when the quarantine is lifted. A large number of universities have developed and offer online education programs to students. According to the Dutch platform Studyporals, interest from students and their parents in distance learning programs has more than doubled in recent months [5].

- alignment of knowledge assessment procedures and criteria with the new online timetable and pedagogical approaches. Developing methods for assessing distance learning will require significant effort, but this will ensure the quality of training and the validity of final assessments in the future.

For universities in developing countries, one of the immediate tasks should be to establish partnerships with foreign universities that are ready to share their resources, experience, especially in the field of online learning and scientific online cooperation.

Even before COVID-19, online education is already experiencing high growth and adoption. Whether it is language application, virtual tutoring, video conferencing tool, or online learning software, there has been a significant surge in usage since COVID-19. In this unprecedented and uncertain time, most people are encouraged to study at home and work from home. On one hand, there are many challenges to online education, especially with the sudden transition. Many instructors and students have little or no training in online education. Other issues such as insufficient bandwidth and missing hardware and software are common. On the other hand, this presents an unforeseen and golden opportunity for a wider student population to experience online education. This changed the perception of students on online education and triggered a wider online education adoption after the pandemic. There are many positive features connected with online education:

- removing the limitation of learning space and time. Online education is open to all people wherever they are and whenever they want to study;

- synchronous teaching provides more opportunities for online students to participate in real-time interaction and to communicate with off-online students. Asynchronous education provides course scheduling flexibility and allows students to progress according to their understanding, mastery of course materials, and internalization of knowledge;

- providing more people with access to education and promoting educational equity. Students from poor areas and developing countries have the opportunity to access high-quality education resources in their countries or any parts of the world at an affordable price;

- big data and artificial intelligence can analyze the outcomes of pedagogical activities. This improves the quality of teaching;

- students have access to more materials when learning online, such as electronic resource databases at the school/national/public library and Google Scholar;

- better experience with online education because of the availability of comprehensive course materials. For example, arts and science education courses on how to live a healthy life and how to manage time.

But on the other hand online education has its shortcomings as well:

- difficult to establish a sense of belonging in an online class which may not be de-

signed to cultivate collective consciousness by emphasizing individual activities;

- the learning process requires students to have high self-discipline because they can be easily distracted and attracted by social chats, news, and games;

- lack of emotional engagement between teachers and students, and between students.

Technology has been considered central to the reform of education and has gained unprecedented momentum during this pandemic. It is being perceived as a panacea to combat all the education related issues.

The World Bank in its study calls «COVID-19 a major shock to the education system around the world». Russian education in this sense was no exception, but in the current situation there are also positive moments: people have begun to actively master new professions, educational structures are learning to work with new formats, and the model of «blended learning» from the perspective becomes a reality.

One of the consequences of the pandemic is a wave of layoffs and the beginning of an economic crisis. According to official statistics, the unemployment rate (the ratio of the number of unemployed to the number of workers) rose from 4.7 % in March to 5.8 % in April 2020, the highest since 2016. For many people, getting a new profession or mastering additional skills has become the only way out of a difficult situation. Moreover, the audience, which had never studied in online courses before, was primarily interested in the content, free access to which was opened by most educational platforms at the beginning of the pandemic [4]. According to various studies the most popular were online programs for Internet marketing, targeted and contextual advertising, SMM, product management, commercial editing, web and graphic design, Python-, iOS-, Frontend-, web software development and testing [6].

In this ever-changing global environment young people require resilience and adaptability – skills that are proving to be essential to navigate effectively through this pandemic. Looking into the future, some of the most important skills that employers will be looking for will be creativity, communication and collaboration, alongside empathy and emotional intelligence; and being able to work across demographic lines of differences to harness the power of the collective through effective teamwork.

Литература

1. The COVID-19 pandemic has changed education forever. URL: <https://www.weforum.org/agenda/2020/04/coronavirus-education-global-covid19-online-digital-learning/> (дата обращения 12.08.2021).
2. What is Online Education. URL: <https://www.online-education.net/articles/general/what-is-online-education.html> (дата обращения 15.08.2021).
3. Мэттью Мердок, Трейон Мюллер Взрыв обучения: Девять правил эффективного виртуального класса. URL: <https://www.rulit.me/books/vzryv-obucheniya-devyat-pravil-effektivnogo-virtualnogo-klassa-read-373436-1.html> (дата обращения 10.08.2021).
4. Тренды-2021 в образовательном продукте. URL: <https://edmarket.ru/blog/ido-trends-in-e-learning/> (дата обращения 12.08.2021).
5. Валеева Р. Д. Мысли глобально – действуй локально: культурные различия и онлайн образование //Управление устойчивым развитием. 2018. №4 (17). С. 91-94.
6. COVID 19 fear impact on Israeli and Russian female student mental health, substance use and resilience Alexander Reznik, Valentina Gritsenko, Vsevolod Konstantinov, Raushaniia Zinurova, Elena Kulesh, Irina Osipenko & Richard Isralowitz To cite this article: Alexander Reznik, Valentina Gritsenko, Vsevolod Konstantinov, Raushaniia Zinurova, Elena Kulesh, Irina Osipenko & Richard Isralowitz (2021): COVID 19 fear impact on Israeli and Russian female student mental health, substance use and resilience, Health Care for Women International, DOI: 10.1080/07399332.2021.1922409

Сведения об авторе:

©**Валеева Рушания Дамировна** – инженер кафедры менеджмента и предпринимательской деятельности, Казанский национальный исследовательский технологический университет, Российская Федерация, Казань, e-mail: rushvaleeva@mail.ru

Information about the author:

©**Valeeva Rushaniia Damirovna** – engineer of Department of management and entrepreneurship, Kazan national research technological university, Russian Federation, Kazan, e-mail: rushvaleeva@mail.ru

УДК 378.1

Е. В. Маркинова

АНТИКОРРУПЦИОННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ СТУДЕНТОВ В ИНЖЕНЕРНОМ ВУЗЕ

Ключевые слова: противодействие коррупции; инженерный вуз; антикоррупционное образование, анкетирование студентов, факультативный курс

В статье говорится о развитии и анализе антикоррупционного образования в инженерном ВУЗе. Освещается роль антикоррупционного образования как фактора противодействия коррупции. В данной статье раскрывается проблема социокультурной обусловленности такого явления как коррупция, показываются наиболее эффективные формы и методы борьбы с данным феноменом на системном уровне общественном, региональном и личностном. Борьба с таким социальным злом должна быть системной, носить преимущественно профилактический характер и опираться на правовые аспекты. Феномен коррупции имеет явно негативный характер и системно влияет на социально-экономическое развитие общества, ведет к снижению уровня жизни населения, росту социальной дисгармонии, падению деловой активности и нравственности. Проведен мониторинг по антикоррупционной грамотности. В статье проанализированы данные анонимного анкетирования, целью которого является развитие системы обратной связи с обучающимися, что позволяет обеспечить высокую оперативность получения информации, оптимальную регламентацию процедуры, позволяющую исключить влияния опрашивающего лица на работу респондентов, и направлена на формирование устойчивости личности к предупреждению коррупционного поведения.

E. V. Markinova

ANTICORRUPTION EDUCATION OF STUDENTS AT AN ENGINEERING UNIVERSITY

Key words: anticorruption; engineering university; anticorruption education, student survey. optional course

The article talks about the development and analysis of anti-corruption education in an engineering university. The role of anti-corruption education as a factor in combating corruption is highlighted. This article reveals the problem of the socio-cultural conditioning of such a phenomenon as corruption, shows the most effective forms and methods of combating this phenomenon at the systemic level of the social, regional and personal. The fight against such a social evil should be systematic, predominantly preventive and based on legal aspects. The phenomenon of corruption is clearly negative in nature and systemically affects the socio-economic development of society, leads to a decrease in the standard of living of the population, an increase in social disharmony, a drop in business activity and morality. Monitoring of anti-corruption literacy was carried out. The article analyzes the data of an anonymous questionnaire, the purpose of which is to develop a feedback system with students, which allows to ensure high efficiency of obtaining information, optimal regulation of the procedure, which makes it possible to exclude the influence of the interviewer on the work of respondents, and is aimed at forming the resilience of the individual to the prevention of corrupt behavior.

По результатам социологических опросов около трети студентов образовательных организаций нашего региона имеет весьма отдаленное представление о существующих национальных программах противодействия коррупции, либо боятся их использовать, а также рассматривают коррупцию в образовательной организации как обыденное явление [11]. Антикоррупционное образование традиционно является одним из ключевых инструментов противодействия коррупции. Оно представляет собой воспитание такого

мировоззрения, в котором коррупционный поступок считается не нормой, а маргинальным и вызывающим общественное осуждение фактом [9]. Этот вид образования сочетает в себе воспитание правового сознания и гражданской этики, обучение знаниям о механизмах защиты от коррупции на разных уровнях: от сопротивления бытовой коррупции на уровне базового образования до профессиональной подготовки специалиста по compliance для противодействия коррупции в сфере бизнеса [9]. Ключевой задачей антикоррупционного образования является [8]

воспитание гражданской этики и формирование представления об общественном контроле, как форме необходимой социальной активности [9].

Гражданское общество является тем постулатом, которая противостоит коррупции. Молодежь принимает активное участие в развитии современного общества, бизнеса и т.д. Коррупция в образовании ведёт к снижению его качества, развращает представление о целях и ценностях образования [6]. Субъектом коррупции в образовательной среде являются преподаватели, студенты и администрация. Одна из важнейших задач современного и прогрессивного образования – это воспитание у молодого поколения неприятия коррупции в каком-либо проявлении [2, 3]. Проблема антикоррупционного просвещения на данный момент широко обсуждается в обществе с целью повышения правовой грамотности в вопросах противодействия коррупции, формирования антикоррупционного мировоззрения, достаточно прочных морально-нравственных взглядов и устойчивой гражданской позиции [4, 7]. Большинство экспертов согласны с тем, что такое векторное обучение необходимо направить в первую очередь не на получение определенных знаний, а на преодоление некоторых стереотипов, связанных с коррупцией, для усвоения норм морали, которые могут обеспечить правильное поведение студентов в будущем [1]. Необходимо отметить, что решение этой проблемы особенно актуально в технических вузах, в которых (в отличие от гуманитарных

и экономических, где в учебные планы введены специальные курсы [5]) эти вопросы рассматриваются недостаточно, как правило, в одном из разделов дисциплины «Правоведение». Поэтому нами была поставлена задача провести исследование на тему «Антикоррупционное просвещение студентов инженерного вуза».

В рамках проводимого нами исследования в течение последних двух лет проведен мониторинг антикоррупционной культуры среди студентов нескольких факультетов Казанского национального исследовательского технологического университета в форме анкетирования (235 чел.). Целью опроса являлось выявление у студентов антикоррупционного мировоззрения и информированности об антикоррупционной политике, проводимой в вузе [3]. Результаты анкетирования выявили, что студенты университета по-разному воспринимают термин «коррупция»: 43,5% думают, что это – «денежная взятка»; 36,0% считают, что это – «злоупотребление служебным положением для получения выгоды в личных целях»; 18,5% ответили, что коррупция – «использование бюджетных денег в корыстных целях»; 2% уверены, что это «взятка в виде дорогого подарка» (рис. 1).

Большинство опрошенных (85%) считают коррупцию ненормальным явлением, это радует (рис. 2). Однако, 15% готовы в случае необходимости дать взятку (деньги, подарок), а 87,5% на вопрос «Попадали ли Вы сами в коррупционные ситуации?» отказались от ответа, что уже не может не тревожить (рис 2).

Рис. 1 – Определение понятия коррупция, %

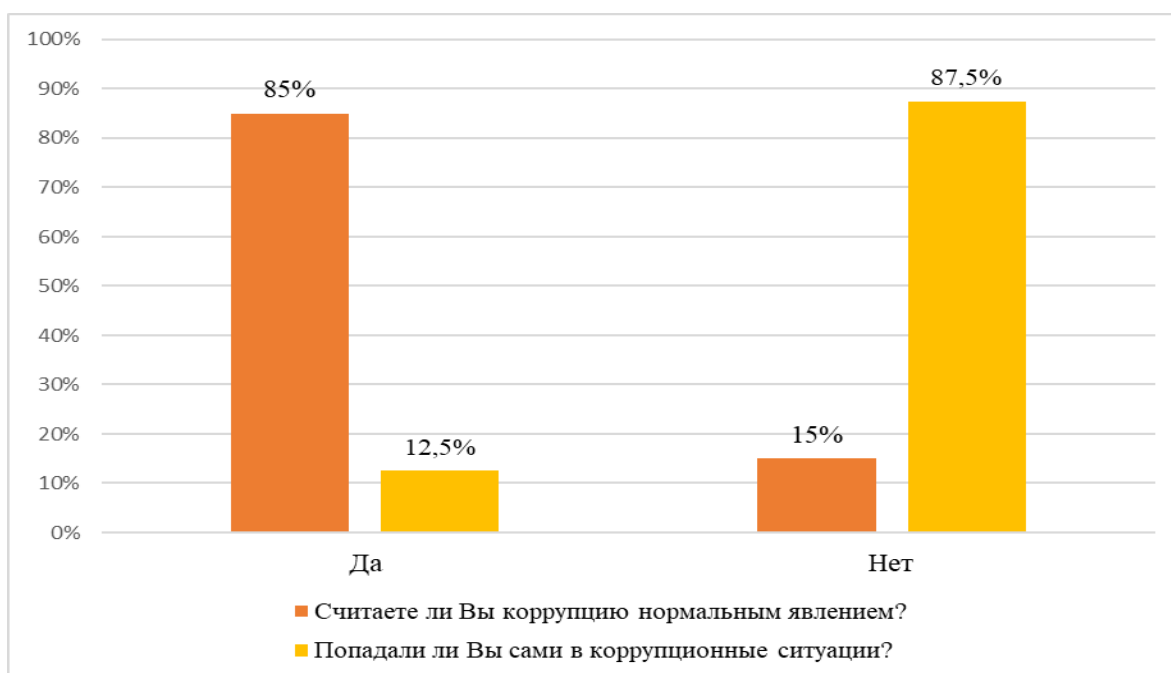

Рис. 2 – Социологическое исследование о фактах коррупции, %

Ситуации, в которых студенты могут столкнуться с проявлениями коррупции в вузе, разнообразны: вступительные экзамены; промежуточная и итоговая аттестация (зачет, экзамен); дополнительные занятия (репетиторство) по предметам; выполнение контрольных работ, курсовых работ и проектов, выпускной квалификационной работы. Основными причинами, побуждающими студента дать взятку, были названы: чрезмерная строгость преподавателя, его предвзятость (25,7%); нежелание студента учить предмет (24,6%); сложность той или иной учебной дисциплины (24,2%); низкий уровень преподавания предмета, его

непонятность, не интересность (13,0%); откровенное вымогательство взятки преподавателем (9,5%); наличие свободных денег (3%) (рис. 3).

На вопрос «Кто чаще всего является инициатором факта коррупции в инженерном вузе?» ответы распределились следующим образом: 54,5% уверены, что в основном фактором возникновения коррупционной модели являются студенты/абитуриенты; 36,3% - преподаватели; 6% - родители студентов/абитуриентов; 3,2% - сотрудники/администрация ВУЗа (рис. 4).

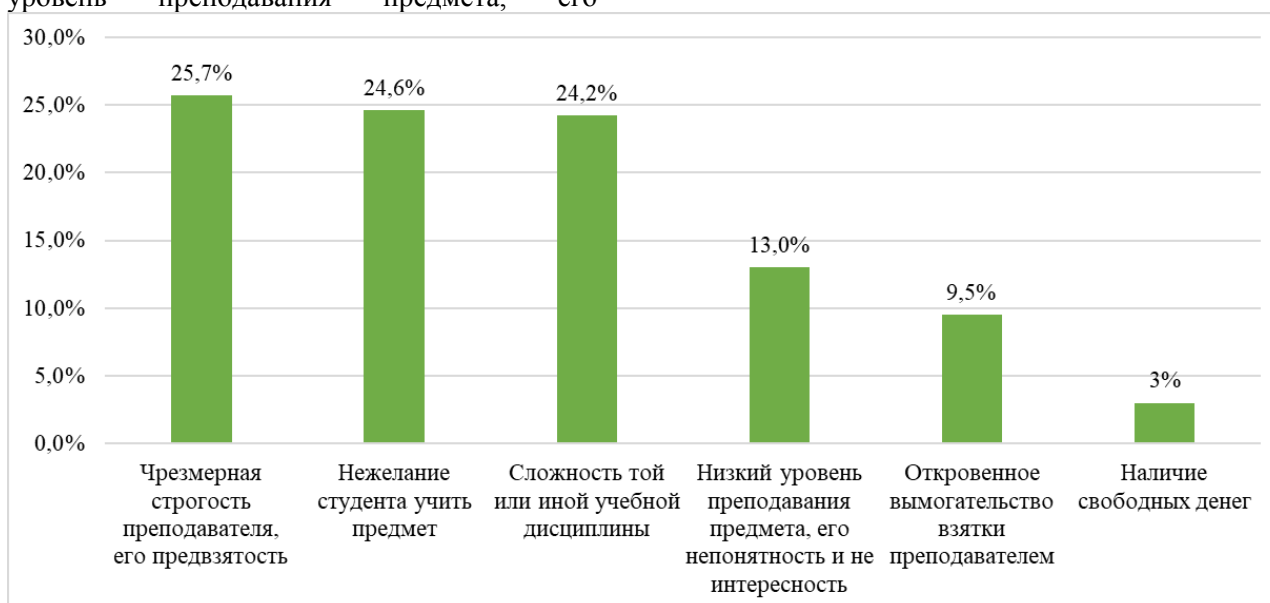

Рис. 3 - Причины, побуждающие студента дать взятку, %

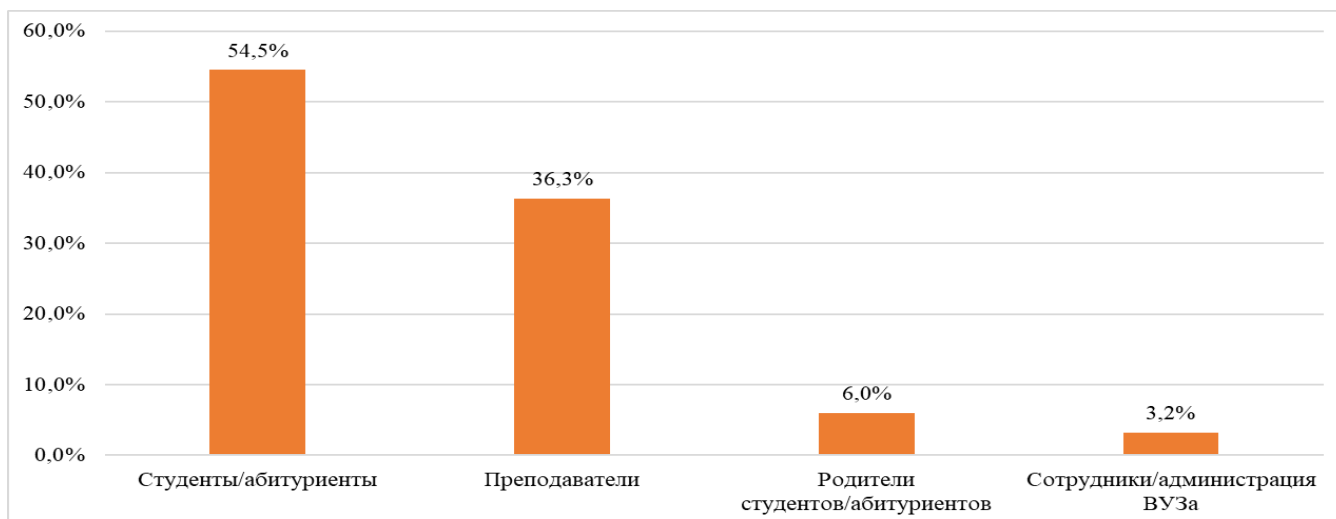

Рис. 4 – Инициаторы возникновения коррупционных действий

Какие действия считают необходимыми к принятию для снижения уровня коррупции? Действовать надо в нескольких направлениях: проводить экзамены в форме простого тестирования - 37,2%; отменить единоличное принятие экзаменов преподавателем и проводить их только в присутствии комиссии - 17,4%; увеличить заработную плату преподавателям -

14,7%; проводить экзамены в форме компьютерного тестирования - 13%; в случае вымогательства у студента взятки (денег, подарка) обратиться в: а) деканат, администрацию, по «телефону доверия» университета - 5%, б) правоохранительные органы - 11,7%; - проводить анонимные письменные экзамены, присваивая каждому студенту код - 2% (рис 5).

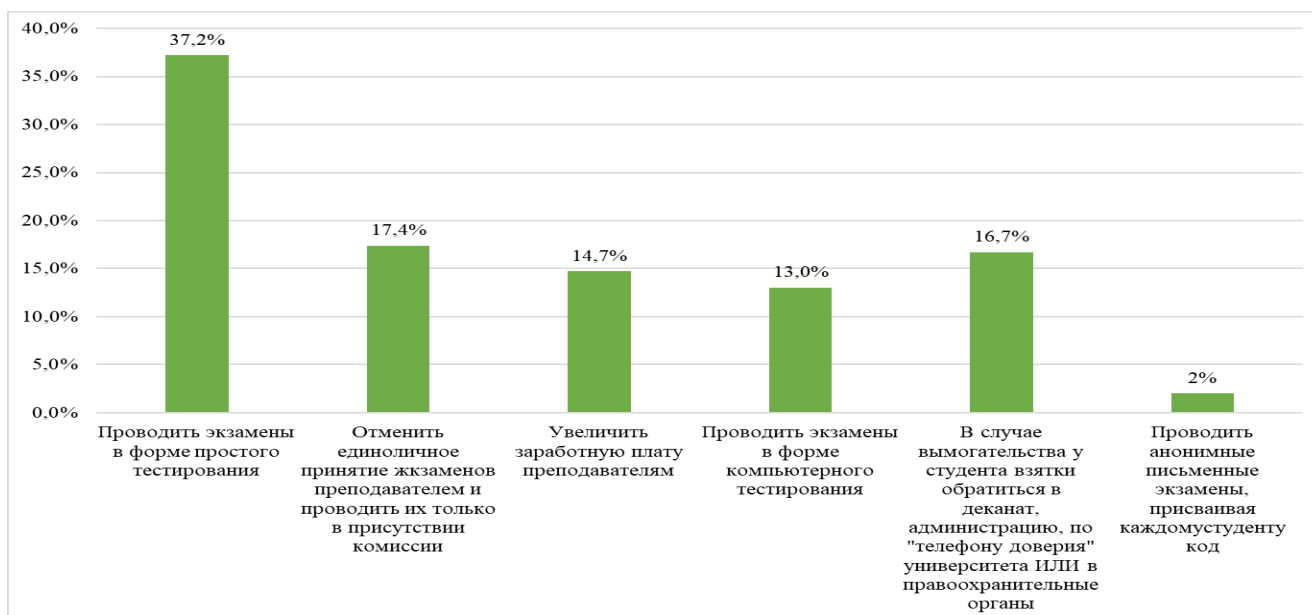

Рис. 5 – Факторы снижения уровня коррупции

Таким образом, мы видим, что большинство студентов не совсем понимают, что такое коррупция, тем не менее, в той или иной мере сталкивались с коррупционными проявлениями в вузе. Они понимают, что коррупция в вузе - это ненормальное явление.

Для решения данной проблемы для студентов первого курса очной формы обучения КНИТУ нами был разработан факультативный курс «Актуальные проблемы

противодействия коррупции». Данный курс, способствует распространению антикоррупционных идей и взглядов, помогает созданию атмосферы неприятия коррупции, формированию устойчивости личности, предупреждению коррупционного поведения граждан. Курс «Актуальные проблемы противодействия коррупции» читается всем студентам университета в первом семестре, то есть уже к первой сессии

студенты имеют необходимый багаж знаний и могут адекватно реагировать на возможные вызовы и проблемы, связанные с учебной деятельностью.

Целью дисциплины «Актуальные проблемы противодействия коррупции» является формирование нетерпимого отношения к коррупционным проявлениям и овладение знаниями в области законодательства по противодействию коррупции. Преподавание данного курса студентам инженерного вуза способствует формированию социальной антикоррупционной компетентности, включающей представления о сущности коррупции, ее формах, особенностях проявления [8] в различных сферах жизни общества, причинах и вредных последствиях этого явления. Студент учится идентифицировать коррупционные ситуации, у него формируются навыки адекватного анализа и личностей оценки данного социального явления, вырабатываются стандарты поведения в коррупционных ситуациях в соответствии с правовыми и морально-этическими нормами [12]. В дисциплине демонстрируются возможности борьбы с коррупцией. Курс выступает в качестве стимула мотивации антикоррупционного поведения, призван формировать нетерпимость к проявлениям коррупции, основы правовой грамотности [14]. Он обеспечивает формирование у студентов антикоррупционной этики с целью предупреждения, а в дальнейшем – недопустимости коррупции.

Курс включает лекции, практические занятия, основанные на интерактивных методах обучения, защиту творческой работы, а также входное и итоговое тестирование. Во вводной лекции раскрывается значение дисциплины для успешной деятельности специалиста и гражданина, рассматривается тематический план дисциплины, логическая связь тем. Это помогает студентам правильно сориентироваться в предмете. Даются рекомендации по самостоятельной работе при изучении курса [4]. Основные темы курса включают: понятие коррупции, виды коррупции, направления государственной политики в области противодействия коррупции, международный опыт противодействия коррупции, антикоррупционное законодательство в Российской Федерации: история и современное состояние, противодействие коррупции в образовательных организациях, этические и психологические аспекты

коррупции, конфликт интересов, уголовно-правовые средства противодействия коррупции, организация работы по противодействию коррупции в университете. Особое внимание уделяется вопросам соблюдения устава, правил внутреннего распорядка, локальных нормативных правовых актов университета. Наличие модуля самоконтроля позволит своевременно выявлять пробелы и обеспечивать обратную связь и циклический возврат к недостаточно усвоенным учебным элементам. Во время занятия проводятся антикоррупционные акции совместно с общественными организациями, с привлечением преподавателей университета и представителей управления аппарата президента Республики Татарстан по вопросам антикоррупционной политики, прокуратуры, министерства внутренних дел, следственного комитета [8].

Как показали результаты анкетирования в вузе, за последние 3 года у студентов старших курсов значительно вырос уровень правовой грамотности, включая вопросы противодействия коррупции. Увеличилось количество студентов, принимающих участие в мероприятиях антикоррупционной направленности, осведомленных об антикоррупционных программах вуза [8].

Данный социально-значимый проект направлен на формирование антикоррупционного мировоззрения и нетерпимости к коррупционным проявлениям среди студентов инженерного вуза. Проведенное исследование будет развиваться в следующем направлении: создании информационного продукта, содержащего учебный курс в доступной, адаптированной для дистанционно восприятия форме, с использованием современных IT-технологий, позволяющего реализовывать образовательный процесс в мобильном доступном формате [13]. Учебный материал будет представлен с использованием современных форм онлайн-обучения – познавательных мотивационных видео-уроков, игрового метода (обучающей игры) и инфографических карточек (использование наглядного материала в виде заполненных теоретической информацией карточек для запоминания, содержащих сжатую информацию для закрепления полученных знаний). Применение данных форм обучения повысит вовлеченность обучающихся в образовательный процесс. Мы планируем, что разработанная программа будет доступна для скачивания на мобильные устройства и всем

зарегистрированным на электронной площадке MOODLE участникам. Дистанционный учебный курс даст возможность студентам самостоятельно выбирать образовательную траекторию обучения, а образовательным учреждениям - более гибко подходить к организации антикоррупционной работы с молодежью [10].

Литература

1. Борисова Е. А. Коррупция в системе образования: проблемы и пути разрешения / Е.А. Борисова, А.Н. Гостев, Т.С. Демченко // Социология образования. 2013. № 7. С.4-22.
2. Гребенкина Н. Н. Современные исследования и подходы к формированию антикоррупционной культуры студентов ВУЗа / В сборнике: Социально-культурная деятельность: векторы исследовательских и практических перспектив. материалы Международной электронной научно-практической конференции, посвященной 50-летию Казанского государственного института культуры. Казанский государственный институт культуры. 2019. С. 63-67.
3. Злотников А. А. Коррупция глазами студентов: опыт социологического исследования // В сборнике: Эволюция государства и права: история и современность. Сборник научных статей II Международной научно-практической конференции, посвященной 25-летию юридического факультета Юго-Западного государственного университета. Ответственный редактор С.Г. Емельянов. 2017. С. 228-230.
4. Иванова С. В. О влиянии внешних условий и специфике принятия решений в отечественной системе образования // Ценности и смыслы. 2012. №2. С. 4-17.
5. Качкина Т. Б., Качкин А. В. Противодействие коррупции через образование: метод. Рекомендации // Ульяновск, 2010. 102 с.
6. Лаврикова А. А. Политическое участие молодежи в условиях неопределенности: тенденции и перспективы развития // Управление устойчивым развитием. 2021, В.2, С.63-68.
7. Лукина Е. Ю., Шкуркина Е. С. Формирование у учащейся молодежи готовности противодействовать коррупции в образовании. Монография. Благовещенск, 2015. 132 с.
8. Маркинова Е. В. Курс актуальные проблемы противодействия коррупции, как элемент антикоррупционного образования в техническом ВУЗе // В сборнике: единство и идентичность науки: проблемы и пути решения. сборник статей по итогам Международной научно-практической конференции. 2018. С. 21-23.
9. Маркинова Е. В., Беляков А. В., Шагеева Ф. Т. Антикоррупционное образование в техническом ВУЗе // В сборнике: Современные подходы к противодействию коррупции: тренды и перспективы. 2019. С. 53-55.
10. Онуфриенко В. В. Социологическое исследование мнения студентов об использовании электронной образовательной среды MOODLE в учебном процессе // В сборнике: Проблемы качества образования. Психолого-педагогические аспекты гуманитарной культуры общества. Управление в региональных социально-экономических системах. Сборник докладов XVIII научно-практической конференции преподавателей, студентов, аспирантов и молодых ученых. 2017. С. 168-172.
11. Фатхуллина Л. З. Антикоррупционная политика в Республике Татарстан: формирование и формы реализации // Управление устойчивым развитием. 2020. №1. С. 66-70.
12. Федяева Р. Х. Феномен коррупции и современный мир: традиции и инновации // Управление устойчивым развитием. 2018. № 6 (19). С. 75-77.
13. Шарифуллин Ф. С., Панкова Е. А. Электронные образовательные ресурсы, применяемые в ФГБОУ ВО «КНИТУ» // Управление устойчивым развитием. 2021. №1. С.116-119.
14. Барабанова С. В., Зинурова Р. И. Новые подходы к формированию правовой компетентности в инженерной педагогике // Высшее образование в России. 2017. № 7. С. 138-146.

Сведения об авторе:

©**Маркинова Елена Вячеславовна** – аспирант кафедры Инженерной педагогики и психологии, Казанский национальный исследовательский технологический университет, e-mail: elena-116r@mail.ru.

Information about the author:

©**Markinova Elena Viacheslavovna** – Postgraduate student of the Department of Engineering Pedagogy and Psychology, Kazan State Technological University, e-mail: elena-116r@mail.ru.

УДК 378.147

Г. В. Романова

РАЗВИТИЕ МЯГКИХ И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИХ НАВЫКОВ В ИНЖЕНЕРНОМ ОБРАЗОВАНИИ КАК НЕОБХОДИМОЕ УСЛОВИЕ УСПЕШНОЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Ключевые слова: мягкие навыки, предпринимательские навыки, высшее инженерное образование, профессиональная деятельность

Мягкие навыки, такие как коммуникабельность и умение работать в команде, являются жизненно важными для успешной инженерной деятельности. Несмотря на это, существует осязаемая нехватка мягких навыков среди инженеров, особенно в самой молодой возрастной группе – поколении двухтысячных, являющихся современными выпускниками и студентами. Отчасти это связано с недостаточным пониманием роли мягких навыков в профессиональной деятельности. В статье рассматриваются вопросы практической значимости мягких навыков в различных дисциплинах инженерного профиля, а также связь мягких навыков с предпринимательскими навыками, такими как умение извлекать прибыль из имеющихся возможностей, лидерские качества, коммуникабельность. Поскольку предпринимательские навыки во многом связаны с мягкими навыками, а также имеют более высокий авторитет у молодого поколения инженеров, представляется целесообразным рассматривать их развитие в рамках высшего инженерного образования в совокупности. Прежде всего представляется необходимым донести до студентов результаты последних исследований, показывающие что на успех инженерной деятельности в равной степени влияют когнитивные способности индивидуума, количество приложенных усилий и личностные навыки. Следовательно, наравне с профессиональными знаниями и умениями в рамках университетской подготовки следует изучать и развивать мягкие и предпринимательские навыки студентов. В статье рассматривается корреляция между уровнем развития мягких навыков и результатами стандартизованных тестов, которая показывает прямую зависимость, доказанную рядом научных исследований, из чего можно сделать вывод, что мягкие навыки не только оказывают положительное влияние на ведение профессиональной инженерной деятельности, но также на развитие когнитивных способностей и, как результат, академическую успеваемость. В статье предлагаются эффективные подходы к развитию мягких и предпринимательских навыков в рамках высшего образования, в частности вовлечение студентов в работу над междисциплинарными проектами по решению инженерных задач различного уровня творчества, участие в научных студенческих конференциях, а также изучение реальных примеров изобретательской деятельности и профессиональной деятельности успешных инженерных компаний.

G. V. Romanova

SOFT AND ENTREPRENEURIAL SKILLS DEVELOPMENT IN ENGINEERING EDUCATION AS A NECESSARY CONDITION FOR SUCCESSFUL PROFESSIONAL ACTIVITY

Keywords: soft skills, entrepreneurial skills, higher engineering education, professional activity

Soft skills, such as communication and teamwork are vital for successful engineering work. Nevertheless, there is a significant shortage of soft skills among engineers, especially in the youngest generation of Millennials who are at present studying and graduating from engineering universities. It can be partly explained by insufficient understanding of the role of soft skills in professional activity. The article studies practical significance of soft skills in different engineering disciplines and compares them with entrepreneurial skills, such as ability to make profit from opportunities, leadership and communication. Due to the fact that entrepreneurial skills are closely connected with soft skills in many respects and have prestige among young engineers it is appropriate to consider the development of both types of skills together in higher engineering education. First of all it is crucial to inform engineering students about the results of the latest research stating that success in engineering activity is dependent upon a combination of cognitive abilities, amount of effort and personal traits. Hence, development of soft and entrepreneurial skills is equally important alongside with professional knowledge and skills. The article studies the correlation between the level of soft skills and standardized tests results implying that soft skills not only affect positively professional engineering activity but also development of cognitive abilities and, as a

result, academic performance. The article suggests several approaches to effective development of soft and entrepreneurial skills in higher education, including student teamwork in multidisciplinary projects of different creativity, student scientific conferences and analysis of real examples of engineering innovative activity and professional activity in successful engineering companies.

Более десяти лет инженерное сообщество говорит о необходимости развития мягких навыков у студентов инженерных вузов. Существует множество свидетельств необходимости повышения уровня владения мягкими навыками у выпускников инженерных вузов. Недостаточный уровень мягких навыков признается в частности различными инженерными сообществами, в частности Российским союзом инженеров и Национальной палатой инженеров [1, 2]. Ряд ученых опубликовал свои научные разработки в этом направлении, предлагая различные подходы и арсеналы средств для эффективного развития мягких навыков в рамках инженерного образования [1-4]. Однако по сей день решение проблемы не принесло видимого результата, и все еще наблюдается тенденция, когда руководящие инженерные должности чаще предлагаются выпускникам МВА (магистрам делового администрирования), нежели выпускникам инженерных специальностей. В связи с этим представляется целесообразным наряду с мягкими навыками развивать также предпринимательские навыки, которые в отличие от мягких навыков высоко ценятся представителями поколения двухтысячных (нынешними студентами) и в то же время эффективно дополняют и усиливают влияние мягких навыков.

Термин «мягкие навыки» – обычно противопоставляемые профессиональным навыкам – обозначает навыки, которые позволяют эффективно работать и сотрудничать с другими людьми. Спринг [5] дает определение мягким навыкам как «поведенческие навыки, необходимые для функционирования в деловой среде». Также этот термин сравнивается с эмоциональным интеллектом. Одним из первых Гоулман в 1995 году заявил, что эмоциональный интеллект или мягкие навыки могут быть важнее, чем технические навыки в определении успешности выпускников в профессиональной деятельности [6].

Наиболее часто к мягким навыкам относят коммуникабельность, лидерские качества, умение работать в команде и организаторские навыки. Однако различные академические дисциплины и корпоративные культуры используют различные названия указанных понятий. В таблице 1 представлены все навыки, названные мягкими в литературе по разным дисциплинам. Несмотря на то, что раз-

личные дисциплины и научные публикации по теме даются разные определения мягким навыкам, таблица 1 показывает, что в большинстве своем они пересекаются. Наиболее часто в литературе в качестве мягких навыков упоминаются коммуникабельность и умение работать в команде. На втором месте по частоте упоминания в источниках находятся лидерские качества, аналитические способности и навыки решения проблем, а также организаторские навыки, предпринимательские навыки, творческие навыки, инициативность, навыки управления стрессом и эмоциональная стабильность. Другие навыки, упомянутые как мягкие, не имели достаточной повторяемости. Как бы то ни было, все эти качества вращаются вокруг двух понятий: сам человек и эмоции других людей.

Что касается предпринимательских навыков, Шейн и Венкатараман [7] дают следующее определение термину «предприниматель»: индивидуум, пользующийся имеющимися возможностями извлечения прибыли. Наличие предпринимательских навыков свидетельствует об успехе в такой деятельности. Хиссей [8] указывает, что успешные инженеры имеют предпринимательские навыки и образ мышления. В то же время, в двух исследованиях, проведенных группами ученых под руководством Робинсона и Инголса соответственно, было выявлено, что многие коммерческие организации, активно вовлеченные в предпринимательскую деятельность, рассматривают мягкие навыки как важный ресурс на рабочем месте. В отличие от мягких навыков, в случае предпринимательских навыков в научной литературе нет единства мнений по их ключевым характеристикам. Наиболее часто встречающиеся из них включают в себя умение замечать возможности, лидерские качества, работу в команде, самообладание и коммуникабельность. Как видно из этого перечня, существует довольно сильная взаимозависимость между мягкими и предпринимательскими навыками. Среди ключевых навыков, присущих обеим категориям можно выделить умение работать в команде и коммуникабельность. Также некоторые вторичные мягкие навыки, такие как самообладание, лидерские качества, организационные качества, умение решать проблемы, инициативность относятся к ключевым или вторичным предпринимательским навыкам.

Таблица 1 – Частота упоминания навыка как мягкого в литературе по разным дисциплинам

	коммуникабельность	работа в команде	лидерские качества	решение проблем	организаторские качества	межличностные навыки	самоорганизация	творческие навыки	ответственность	планирование	рабочая этика	положительный настрой	желание учиться
Риддер, Мейсман и др. [11]	+		+	+	+					+			
Хиссей [12]	+	+											
Кросби [7]	+	+	+		+		+	+					
Фарр и Брэзил [13]	+	+	+										
Роблз [14]	+	+				+			+		+	+	
Мэйор, Флинн и др. [15]	+	+							+			+	
Холл [16]	+	+											
Рэйзер, Шнайдер и др [17]	+	+				+	+						
Идрус [18]	+	+	+	+							+		
Деведжиг и др [19]	+	+	+	+			+	+					
Матурро, Рашетти и др [20]	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+			+
Кукирман, Палмьери и др [21]	+	+						+					
Кобб и др [22]	+							+	+				
Левасер [23]	+	+			+	+	+						
Ахмед, Капрец и др [24]	+	+		+	+	+							
Харрелл, Сколариос и др [25]	+	+								+			
Карим, Абдулла и др [26]	+	+	+	+							+		+
Эллис, Кислинг и др [27]		+		+	+	+	+		+				
ИТОГО	17	16	7	7	6	6	6	5	5	3	3	2	2

Успех на рабочем месте согласно Эллису и Кислингу [9] определяется тремя факторами: когнитивными способностями индивидуума, количеством приложенных усилий и личностными навыками. Первые две характеристики всегда преобладали при отборе в академической среде и на рынке труда. Однако современная статистика показывает, что личностные качества имеют не меньшее значение для успешной карьеры. Хекман и Кауцц [10] эмпирически демонстрируют, что академическая успеваемость, тесты IQ и стандартизованные тесты успеваемости не могут точно определить и спрогнозировать успешность в профессиональной деятельности и повседневной жизни, в то время как личностные качества (которые также можно назвать мягкими навыками, не-когнитивными навыками, социо-

эмоциональными навыками) играют важную роль в определении профессионального успеха. Помимо этого, исследование показало, что наличие мягких навыков является объективной предпосылкой высокого результата стандартизованных тестов, в частности GRE (Graduate Record Examinations – тест, который необходимо сдать для поступления в магистратуру и аспирантуру в США). Многие другие ученые, среди них Боргханс, Хампфрис и Голштейн [11] тоже отмечают значительное влияние переменной личностных качеств на среднее отклонение в тестах успеваемости.

Кустович [12] рассматривает развитие характера через призму подхода «природа или воспитание», показывая, что и генетика, и личностный опыт влияет на формирование характера и темперамента, из чего можно сде-

лать вывод о том, что понимание закономерностей между успешной профессиональной деятельностью и личностными качествами (мягкими и предпринимательскими навыками) может послужить достаточной мотивацией для магистрантов инженерных специальностей осознанно развивать их. Следовательно, освещение данной темы на этапе магистратуры имеет большое значение для становления профессионально значимой направленности личности студентов. Учитывая многочисленные точки соприкосновения между мягкими и предпринимательскими навыками, рассмотренные выше, представляется целесообразным развивать комплексно путем комбинации подходов.

Программы высшего инженерного образования предоставляют много возможностей для развития мягких и предпринимательских навыков. Рассмотрим некоторые из них.

Проекты по решению инженерных задач различного уровня творчества позволяют студентам получить опыт работы в командах, в том числе междисциплинарных, с целью решить поставленную инженерную задачу. В зависимости от уровня творчества, необходимого для решения данной задачи, студенты применяют свои творческие способности, вплоть до изобретательства. В командных заданиях непременно появляется возможность проявить и усилить свои навыки коммуникации, лидерства, переговоров. Поскольку современные инженерные задачи рассматриваются в условиях рыночной экономики, это позволяет использовать предпринимательские навыки, такие как определение рентабельности предлагаемого решения и пути продвижения предложенного товара на рынке. В качестве примера реализации подобного вида работ можно рассмотреть проектные работы по дисциплине «Профессиональный иностранный язык» на уровне магистратуры Казанского национального технологического исследо-

вательского университета. В данном случае, развитие вышеуказанных мягких и предпринимательских навыков идет в совокупности с развитием навыков говорения на иностранном языке [13].

Другим примером эффективного развития мягких навыков служит участие студентов и молодых ученых в научных студенческих конференциях. Это позволяет им приобрести опыт публичного выступления, научиться производить положительное впечатление на слушателей, четко и ясно доносить свои мысли, отвечать на вопросы и вступать в конструктивный диалог.

Положительное влияние на развитие мягких и предпринимательских навыков оказывает также изучение реальных примеров изобретательской деятельности и профессиональной деятельности успешных инженерных компаний, где анализ сугубо профессиональных действий рассматривается в совокупности и непосредственной взаимосвязи с социальной составляющей, включающей в себя общение внутри компании и ведение переговоров, позиционирование товаров и услуг на рынке, взаимодействие с клиентами и партнерами. Изучение успешных примеров и неудач в таком ключе позволяет сделать выводы относительно устоявшихся моделей поведения и при необходимости корректировать свое поведение в дальнейшем за счет развития мягких и предпринимательских навыков.

Благоприятное влияние на развитие мягких навыков оказывает также внеаудиторная творческая деятельность, среди которой можно отметить такие формы работ, как день первокурсника, день спорта, конкурс красоты и талантов. Внеаудиторная деятельность отличается от учебной тем, что организуется и проводится добровольно. У студента есть возможность самостоятельно выбрать вид занятий, исходя из своих интересов и увлечений [14].

Литература

1. Дагаева Е. А. Возможности развития и совершенствования soft skills студентов // Профессиональное образование в России и за рубежом. 2019. №4 (36). С. 101-106.
2. Романова Г. В. Подходы к развитию «мягких навыков» у студентов инженерных вузов // Перспективы науки. 2020. №11 (134). С. 148-150.
3. Kumar, S. and J.K. Hsiao, Engineers learn «soft skills the hard way»: Planting a seed of leadership in engineering classes. *Leadership and Management in Engineering*, 2007. 7(1): p. 18-23.
4. Jansma, P. Exploring the art and science of systems engineering in Aerospace Conference, 2012IEEE. 2012. P. 112-124.
5. Spring, J., *Globalization of education: An introduction*. 2014: Routledge.
6. Goleman, D., *Emotion intelligence*. New York, NY: Bantam, 1995.
7. Shane, S. and S. Venkataraman, The promise of entrepreneurship as a field of research. *Academy of*

management review, 2000. 25(1): p. 217-226.

8. Hissey, T. T., Education and careers 2000. Enhanced skills for engineers. Proceedings of the IEEE, 2000. 88(8): p. 1367-1370.

9. Ellis, M., E. Kisling, and R.G. Hackworth, Teaching Soft Skills Employers Need. Community College Journal of Research and Practice, 2014. 38(5): p. 433-453.

10. Heckman, J.J. and T. Kautz, Hard evidence on soft skills. Labour economics, 2012. 19(4): p. 451-464.

11. Borghans, L., et al., Identification problems in personality psychology. Personality and Individual Differences, 2011. 51(3): p. 315-320.

12. Custovic, E., Engineering management: old story, new demands. Engineering Management Review, IEEE, 2015. 43(2): p. 21-23.

13. Газизулина Л. Р., Валеева Э. Э. Модернизация содержания дисциплины «Иностранный язык» для аспирантов при реализации проекта Modest Erasmus+ в КНИТУ // Управление устойчивым развитием. 2021. №1 (32). С. 93-96.

14. Осипов П. Н., Дулалаева П. П. Развитие soft skills студентов технического вуза во внеаудиторной деятельности // Управление устойчивым развитием. 2020. №6 (31). С. 95-102.

Сведения об авторе:

©**Романова Галина Владимировна** – кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков в профессиональной коммуникации, Казанский национальный исследовательский технологический университет, Российская Федерация, Казань, e-mail: galina.vlad.romanova@gmail.com.

Information about the author:

©**Romanova Galina Vladimirovna** –Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department of foreign languages in professional communication, Kazan National Research Technological University, Russian Federation, Kazan, e-mail: galina.vlad.romanova@gmail.com.

Все статьи поступили до 25.08.2021

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

УПРАВЛЕНИЕ УСТОЙЧИВЫМ РАЗВИТИЕМ

2021 №4 (35)

июль-август

Ответственный за выпуск и оригинал-макет – Л. З. Фатхуллина

Свободная цена

Подписано в печать 30.08.2021

Дата выхода в свет 30.08.2021

Бумага офсетная

15,0 уч.-изд. л.

Печать ризографическая

Тираж 200 экз.

Формат 60×84 1/8

15,25 усл. печ. л.

Заказ 1509/1

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии «Вестфалика»

(ИП Колесов В.Н.)

420111, г. Казань, ул. Московская, 22. Тел.: 292-98-92, e-mail: westfalika@inbox.ru